Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 2
ВЫПУСК 2

2019

ISSN 2686-7419

Типология морфосинтаксических параметров
том 2, выпуск 2

Издаётся с 2018 года

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

http://tmp.sc/

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2019

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019

Pushkin State Russian Language Institute

TYPOLOGY OF MORPHOSYNTACTIC PARAMETERS

VOLUME 2
ISSUE 2

2019

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 2, issue 2

First published in 2018

The journal is published 2 times a year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

http://tmp.sc/

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2019

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —
доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

ORCID: 0000-0003-4439-0613
Личная страница в системе ИСТИНА МГУ
Личная страница на Academia.edu

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —
доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН

ORCID: 0000-0002-5996-2648
Личная страница на сайте МПГУ
Личная страница на сайте ИЯ РАН
Личная страница на Academia.edu

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —
инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Личная страница в системе ИСТИНА МГУ
Личная страница на Academia.edu

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —
Ph.D., профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США
https://linguistics.stonybrook.edu/people/_bios/_linguistics-faculty/john-bailyn.php

Олег Игоревич Беляев —
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
https://istina.msu.ru/profile/belyaev/

Елизавета Григорьевна Былинина —
Ph.D., научный сотрудник Лейденского университета, Лейден, Нидерланды
http://bylinina.com/#recent

Яцек Виткощ —
Ph.D., профессор университета г. Познань, Польша
http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Атле Грённ —
Ph.D., профессор университета г. Осло, Норвегия
https://folk.uio.no/atleg/

Нерея Мадарьяга —
Ph.D., доцент университета Страны Басков, Витория, Испания
https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga

Мария Полинская —
Ph.D., профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США
http://www.mariapolinsky.com/

Андрей Владимирович Сидельцев —
доктор филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН
http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0003-4439-0613
Personal page on Istina.msu.ru
Personal page on Academia.edu

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5996-2648
Personal page on the Moscow Pedagogical State University Website
Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website
Personal page on Academia.edu

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

data engineer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Personal page on Istina.msu.ru
Personal page on Academia.edu

Editorial staff

John Frederick Bailyn —
Ph.D., professor at the Stony Brook University, New York, USA

https://linguistics.stonybrook.edu/people/_bios/_linguistics-faculty/john-bailyn.php

Oleg I. Belyaev —
Ph.D., senior lecturer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

https://istina.msu.ru/profile/belyaev/

Lisa Bylinina —
Ph.D., researcher at the Leiden University, the Netherlands

http://bylinina.com/#recent

Jacek Witkoś —
Ph.D., professor at the Poznań University, Poland

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Atle Grønn —
Ph.D., professor at the Oslo University, Norway

https://folk.uio.no/atleg/

Nerea Madariaga —
Ph.D., professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga

Maria Polinsky —
Ph.D., professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

http://www.mariapolinsky.com/

Andrey V. Sideltsev —
Dr. Phil. Hab., deputy director of the Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev

Содержание

Е. В. Буденная
Русские контрастивные местоимения в польских переводах: опыт корпусного исследования 11

А. Ю. Вознесенская
Ограничения на рестриктор в конструкциях с отрицательными плавающими кванторами в русском языке 27

Ф. В. Голосов
Грамматикализация лёгкого глагола *šuaš* ‘бросить’: что осталось от бросков? 54

П. Л. Наследскова
Артикли в рутульском языке 79

П. С. Плешак, Д. О. Петелин
Именные наречия с темпоральной семантикой в горномарийском языке 95

Е. Е. Романова
Исключительные случаи германских и русских стативных причастий с приставками 113

М. О. Черемисинова
Компаративно-аттенуативная полисемия в бесермянском удмуртском 128

CONTENTS

Evgeniya Budennaya
Russian contrastive pronouns in Polish translations:
A corpus-based study 11

Anastasiia Voznesenskaia
Restrictor restrictions: What kind of restrictors
do negative floating quantifiers in Russian require? 27

Fedor Golosov
Grammaticalization of the verb *šuaš* 'throw': What is left of throws? 54

Polina Nasledskova
Articles in Rutul 79

Polina Pleshak, Dmitry Petelin
Nominal adverbials with temporal semantics in Hill Mari 95

Eugenia Romanova
Exceptional adjectival participles with prefixes
in Germanic and Russian 113

Maria Cheremisinova
Comparative-attenuative polysemy in Beserman Udmurt 128

РУССКИЕ КОНТРАСТИВНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Е. В. Буденная
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Институт языкознания РАН

В статье рассматривается реализация маркированных субъектных местоимений после противительных союзов *а* и *но в* параллельном русско-польском корпусе. При анализе сопоставляются русский оригинал, в котором субъектное местоимение обязательно, и польский перевод (6 параллельных текстов, 428 вхождений). Исследование показывает, что условия для реализации маркированных субъектных местоимений в языках, где стратегии субъектной референции по умолчанию различаются, также различий. Реализация местоимения в польском языке коррелирует со степенью фокуса на субъекте, который выше в контекстах с союзом *а* (лексемы «*а* ненормального следствия» и «*а* сопоставления»). В этих контекстах в польском языке местоимение переводится значимо чаще (χ-квадрат, p-value < 0.01).

Ключевые слова: противительный союз, субъектное местоимение, личное местоимение, фокус, русский язык, польский язык, параллельный корпус.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)».

RUSSIAN CONTRASTIVE PRONOUNS IN POLISH TRANSLATIONS: A CORPUS-BASED STUDY*

Evgeniya Budennaya
National Research University Higher School of Economics,
Institute of Linguistics RAS

The article discusses the implementation of marked subject pronouns after adversative conjunctions *a* and *no* in a parallel Russian-Polish corpus. The analysis compares Russian original sources, where subjective pronoun is obligatory, and their Polish translations (6 parallel texts, 428 entries). The study shows that the conditions for explicit realization of marked contrastive pronouns in pro-drop and non-pro-drop languages are different and likely influenced by the default pattern. Thus, the realization of the contrastive pronoun in Polish correlates with the degree of focus on the subject, which is higher in contexts with the conjunction *a* (lexemes "*a* of an abnormal consequence" and "*a* of comparison"). In these contexts, pronoun is translated into Polish much more often (χ-square, p-value < 0.01).

Keywords: adversative conjunction, subject pronoun, personal pronoun, focus, Russian language, the Polish, parallel corpus.

* The study has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant #17-06-00460.

1. Введение

Русский язык относится к языкам, где субъектное местоимение в немаркированных контекстах в большинстве случаев выражается эксплицитно [Grenoble 2001, Dryer 2013]. Обратная ситуация имеет место в польском языке, где прономинальное подлежащее по умолчанию идентифицируется только по глагольным аффиксам, а местоимение употребляется только в случае эмфазы или контраста [McShane 2009]. Эту разницу можно видеть в (1), где представлен параллельный текст в польском оригинале и русском переводе[1]:

(1)	Польский	Русский
	(А. Сапковский, «Божьи воины»)	(перевод Е. Вайсброта)
	Jeśli $Ø_{pro}$[2] *się zgodzę,*	*Если я соглашусь,*
	$Ø_{pro}$ *rzucisz wszystko*	*ты бросишь все,*
	i $Ø_{pro}$ *uciekniemy oboje gdzieś*	*и мы убежим вместе куда-нибудь*
	na kraj świata?	*на край света?*

Тем не менее и для русского, и для польского языков характерны маркированные контексты, при которых реализация субъектного местоимения обязательна. В первую очередь, они связаны с эмфатическим и/или контрастивным употреблением, при котором местоимение акцентировано. Одним из таких контекстов как для русского [Фужерон, Брейар 2004: 149], так и для польского [Nilsson 1983: 172] языков является употребление личных местоимений при адверсативных союзах (рус. *а*, *но*, *однако*; пол. *a*, *ale*, *ledz*, *jednak*), где имеет место имплицитный или эксплицитный контраст с каким-либо предыдущим дискурсивным элементом:

(2) *А вы не подозревали, что имеете дело с соотечественницей? <…> А я знала, что вы русский.* (Г. Газданов, «Призрак Александра Вольфа»)

---

[1] Здесь и далее, если не указано иное, источником всех русских и польских примеров является параллельный русско-польский корпус на платформе Национального корпуса русского языка, http://ruscorpora.ru/new/search-para-pl.html (далее — Para-PL).

[2] Этим символом в статье обозначено отсутствие формально выраженного подлежащего; здесь и далее выделение мое — *Е. Б.*

(3) *Ona* *mnie* *kocha-ø.*
3SG 1SG.ACC любить.PRS-3SG

A *ja* *kocha-m* *ją*
a 1SG любить.PRS-1SG 3SG.F.ACC
‘Она меня любит. А я люблю ее.’ (А. Сапковский, «Башня шутов»)

О существовании контекстов, где опущение местоимения без изменения общей семантики высказывания невозможно, в той или иной степени упоминалось как в генеративных (ср. принцип “Avoid overt pronoun wherever possible” в [Chomsky 1981]; тж. [Frascarelli 2007: 694]), так и в общетипологических работах [Wiemer 1999, Dryer 2013]). По-видимому, данные контексты свойственны всем языкам, где имеется категория личного местоимения, безотносительно того, какая именно модель доминирует в них в немаркированных случаях — местоименная или же аффиксальная (см. пример 1). Тем не менее контексты для маркированных местоимений в кросс-языковой перспективе изучались и сравнивались достаточно мало. Обширная литература посвящена соотношению безместоименной и местоименной стратегий в немаркированных контекстах, в т.ч. и для русского и польского языков (см., в частности, [Nilsson 1982, Lindseth 1998, Seo 2001, McShane 2009]), однако маркированные местоимения с этой точки зрения продолжают оставаться на периферии. Ряд вопросов, связанных с универсальностью контекстов для реализации местоимений, остается открытым. В частности, неизвестно, являются ли такие контексты в разных языках одинаково частотными и универсальны ли условия для их реализации.

Данная работа ставит своей целью проверить гипотезу о тождественности контекстов для реализации маркированных контрастивных местоимений на примере параллельного русско-польского подкорпуса из двенадцати произведений XIX-XXI вв. (шесть оригинальных русских произведений и шесть польских переводов, сделанных носителями языка, соответственно; см. раздел 3). В работе мы отдаем себе отчет, что переводные произведения теоретически могут носить так называемый эффект *translationese*, а именно — неосознанно калькировать модель языка-оригинала ([Gellerstam 1986]; для немаркированных местоимений об эффекте *translationese* см. [Ilisei et al. 2011]). Однако поскольку ставилась задача сравнить реализацию маркированных местоимений в максимально идентичном широком контексте, было принято решение привлечь к анализу параллельный ресурс, с возможными оговорками в зависимости от дальнейших результатов.

Работа будет построена следующим образом. В разделе 2 будет представлен краткий обзор семантики контекстов с русскими противительными союзами, отобранными для дальнейшего сравнительного анализа; в разделе 3 будут представлены анализируемые источники, методология и объем данных. Раздел 4 будет посвящен собственно результатам исследования.

2. Краткий обзор анализируемых контекстов и семантики противительных союзов

2.1. Общие положения

Наиболее частотными противительными союзами в современном русском языке, по данным НКРЯ, являются союзы *а* и *но*. *В* силу этого в русскоязычную выборку были отобраны контексты именно с этими союзами. Формально аргументами *а* и *но* могли выступать как отдельные составляющие (4), так и целые предложения (5):

(4) *Это не я, а ты сошел* с *ума.*

(5) *Я от него убегу, а ты всё равно после этого жить не будешь*. (НКРЯ)

В терминах коммуникативной структуры [Lambrecht 1994] примеры типа (4) можно трактовать как конструкции с аргументным, или узким фокусом (в данном случае — на подлежащем), тогда как примеры типа (5) являются уже конструкциями с сентенциальным, или широким фокусом. Поскольку в данном исследовании интерес представляла реализация прономинальных стратегий в переводных эквивалентах, конструкции типа (4) представляли собой намного более предсказуемые модели. В этой связи для детального исследования было принято решение включить в выборку только конструкции с широким фокусом.

Изучению семантики союзов *а* и *но* посвящена обширная литература (см., в частности, [Крейдлин, Падучева 1974а, 1974б; Санников 1989; Зализняк, Микаэлян 2005, Урысон 2011, Апресян, Пекелис 2012]. Следует отметить, что обязательность субъектного местоимения (в противоположность модели с нулевой реализацией подлежащего) после союзов *а* и *но* в этих работах, как правило, не обсуждается — во многом в силу того, что подобные прономинальные конструкции представляют собой лишь один

из возможных случаев построения клаузы. Тем не менее невозможность опущения местоимения после противительных союзов *а* и *но* с сохранением исходного смысла высказывания неявно вытекает из семантики самих этих союзов, которая всегда напрямую связана с типом всей вводимой ими пропозиции (более подробно см. разделы 2.2–2.3) и ее отношением со вторым компонентом высказывания. В этом подходе компонент, вводимый союзом, в толковании последнего представлен как единая ситуация (или семантический актант, в терминах [Урысон 2011: 175]), из которой по определению нельзя извлечь какие-либо составляющие без изменения семантики всего высказывания.

Данный подход коррелирует с общей идеей предложений, находящихся под широким фокусом [Lambrecht 1994: 223], или тетических предложений [Sasse 1995: 3, Тестелец 2001: 447 и сл.]. В них все сообщение является новым для слушающего и, в отличие от предложений с узким фокусом типа (4), тетическое предложение не содержит никаких исходных пресуппозиций[3]. Наиболее часто подобные предложения используются для объявления новости и ввода новой ситуации в дискурс и формируют единую, нерасчленимую с точки зрения фокуса, составляющую [Sasse 1995: 5]. Предложения, вводимые союзами *а* и *но*, в этом плане подпадают под категорию тетических конструкций с широким фокусом, из которых в силу семантики извлечение отдельных составляющих с сохранением смысла невозможно. В этой связи можно видеть, что формально предложение вида (6), представляющее собой модификацию (5), грамматично, однако разница в фокусной группе, из которой был извлечено указание на собеседника, меняет общий смысл и восприятие всего высказывания:

(6) *Я от него убегу, а* $\mathbf{Ø}_{\mathbf{pro}}$ *всё равно после этого жить не будешь*. [НКРЯ]

В силу этого, без изменения коммуникативной цели говорящего устранение местоимения из клаузы, вводимой противительным союзом, невозможно.

В следующих разделах будут рассмотрены основные значения союзов *а* и *но*, контексты с которыми были включены в исследуемую выборку.

---

[3] Для предложения 4 такой пресуппозицией в терминах К. Ламбрехта была бы открытая пропозиция «X сошел с ума», фокус на личном местоимении маркирует объект, являющийся значением переменной X.

2.2. Союз *но*

Семантика союза *но* исследовалась в литературе начиная с 1970-х гг. (подробную библиографию см. [Урысон 2011: 171]). Основные значения этого союза в Национальном корпусе представлены следующими лексемами:

I. Лексема «*но* ненормального следствия» (примеры (7)–(9)):

(7) *Шел дождь* (P), *но он не взял зонт* (Q). [Апресян, Пекелис 2012]

Пресуппозиция в конструкциях с данным значением лексемы выглядит следующим образом: обычно если имеет место ситуация типа P (шел дождь), то не-Q (т.е. человек берет зонт). Функция союза *но* состоит в указывании на то, что в данном случае ситуация типа Q имеет место [Урысон 2011: 173].

В приведенных ниже примерах (8-9) из параллельного русско-польского корпуса союз *но* также представлен в данном значении:

(8) *Между нами всё кончено, но я не уеду отсюда.*

(9) *André, не надо! — сказала княжна Марья. Но он злобно и вместе страдальчески нахмурился на нее.* (Л. Толстой, «Война и мир»)

II. Лексема «*но* противодействия», или «обманутого ожидания» (примеры (10)–(12)):

(10) *Был сильный мороз* (P)*, но Коля тепло оделся* (R). [Урысон 2011: 174].

В таких контекстах союз *но* вводит уже не само следствие, противоположное ожидаемому, а компонент R, который является причиной того, почему это ожидание (=Коля мерз) оказалось обманутым. [ibid: 175].

Корпусные примеры (11)–(12) также иллюстрируют данную лексему *но*:

(11) *Лакей хотел войти, чтоб убрать что-то в зале,* ***но*** *она не пустила его.*

(12) *Я говорил, что падшую женщину надо простить,* ***но*** *я не говорил, что я могу простить.* (Л. Толстой, «Война и мир»)

2.3. Союз *а*

В отличие от союза *но,* противительный союз *а* во многих европейских языках не имеет эквивалента (в частности, в германских языках он переводится то соединительным, то противительным союзом). Существует немало работ, касающихся семантики союза *а* [Крейдлин, Падучева 1974а, 1974б, Зализняк, Микаэлян 2005, Урысон 2004, 2011], однако многие особенности его употребления продолжают быть объектом исследований. Основные значения этого союза можно представить в следующем виде [Крейдлин, Падучева 1974а, 1974б; Санников 1989; Урысон 2011]:

I. *А* несоответствия норме/ненормального следствия:

(13) *Шел дождь* (P)*, а он не взял зонт* (Q).

Пресуппозиция примера (13) совпадает с таковой для примера (7), где употреблен союз *но.* Тем не менее различие в лексемах *а* и *но* «ненормального следствия» состоит в том, что в случае союза *но* компоненты P и Q зависимы (субъект знал, что идет дождь, но тем не менее не взял зонт) , тогда как союз *а* подчеркивает независимость этих ситуаций (возможно, когда субъект собирался, дождя еще не было)» [Санников 1989: 170—171]. В отличие от союза *но,* союз *а* указывает на незнание говорящим факторов, в силу которых ситуация Q имеет место. Согласно Е. В. Падучевой [Падучева 1997], союз *а, в* отличие от союза *но,* имеет эгоцентрическую семантику: в предложениях типа (13) «ненормальность» итогового положения дел осознается говорящим, тогда как в предложениях типа (7) — непосредственным субъектом действия.

Приведенный ниже пример из параллельного корпуса также содержит вышеуказанное значение союза *а:*

(14) *Ведь кофей есть,* ***а*** *я тебя и не потчую!* (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»)

II. *А* сопоставления:

(15) *Во всяком случае, она выпила кока-колы,* ***а*** *я — стакан воды!* (В. Набоков, «Лолита»)

Логическая структура высказываний с *а* сопоставления имеет вид <XP, а YQ>, где X и Y являются связанными между собой темами соединяемых предложений. В качестве подобной связи может рассматриваться как тезаурусная, так и ситуативная соотнесенность [Зализняк, Микаэлян 2005: 154, см. также Урысон 2011: 241].

III. *А* присоединения, или поворота повествования:

(16) *И вот она играла с собакой,* ***а*** *я стоял тут же, в халате, и уже не звал ее.*
(В. Набоков, «Лолита»)

Семантика «обманутого ожидания» проявляется в подобных высказываниях на дискурсивном уровне (‘вы не ожидали, что я это скажу’ [Зализняк, Микаэлян 2005: 155]).

Все эти компоненты значений союзов *а* и *но* присутствовали в анализируемом корпусе и были включены в исследуемую выборку.

3. Данные и метод исследования

В итоговый материал исследования вошло шесть оригинальных текстов и их переводов из Параллельного русско-польского корпуса на платформе НКРЯ (Para-PL). Все переводы были сделаны носителями языка; три из шести анализируемых текстов были переведены в 1940–1950-е гг. и три — в 1990-2000-е гг.:

Переводы середины XX в.:
1. А. С. Пушкин, «Капитанская дочка»
(пер. T. Stępniewski, S. Pollak, 1949 г.)
2. Н. А. Островский, «Как закалялась сталь», ч. 1.
(пер. W. Rogowicz, 1954 г.)
3. Л. Н. Толстой, «Война и мир», т. 2.
(пер. A. Stawar, 1958 г.)

Переводы 1990–2000-х гг.:
1. Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»
(пер. J. P. Zajączkowski, 1996 г.)
2. В. В. Набоков, «Лолита»
(пер. M. Kłobukowski, 1997 г.)
3. Г. Газданов, «Призрак Александра Вольфа»
(пер. H. Hłystowski, 2009 г.).

Для всех этих произведений исследовалась дистрибуция следующих возможных пар конструкций (русский оригинал / польский перевод, соответственно), отдельно для союзов *а* и *но*:

Таблица 1

Русский оригинал	Польский перевод
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj + pro)	Противительный союз + субъектное местоимение (Conj + pro)
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj + pro)	Субъектное местоимение без союза (pro)
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj + pro)	Противительный союз без субъектного местоимения (Conj + zero)

При этом отфильтровывались примеры, где русское местоимение *вы* переводилось специфическим польским местоимением *pan*, отсутствующим в русском языке, а также те случаи, где между оригиналом и переводом присутствовала разница в диатезе. Общий объем проанализированных данных составил 428 параллельных русских и польских предложений. Все русские примеры содержали противительные союзы *а* (231 вхождение) и *но* (197 вхождений), вводящие финитные клаузы с личным субъектным местоимением; интерес представляли польские переводы и реализация прономинальной стратегии в аналогичных контекстных условиях.

Основным методом исследования был корпусный анализ с ручным извлечением данных и дальнейшим применением статистического аппарата (критерий χ-квадрат).

4. Результаты

Анализ параллельных пар выявил различные типы переводных структур, в зависимости от представленного союза (см. общую диаграмму 1). Несмотря на «обязательность» субъектного местоимения в русском оригинале, степень его эксплицитного выражения в польских переводах сильно варьировала в зависимости от типа союза.

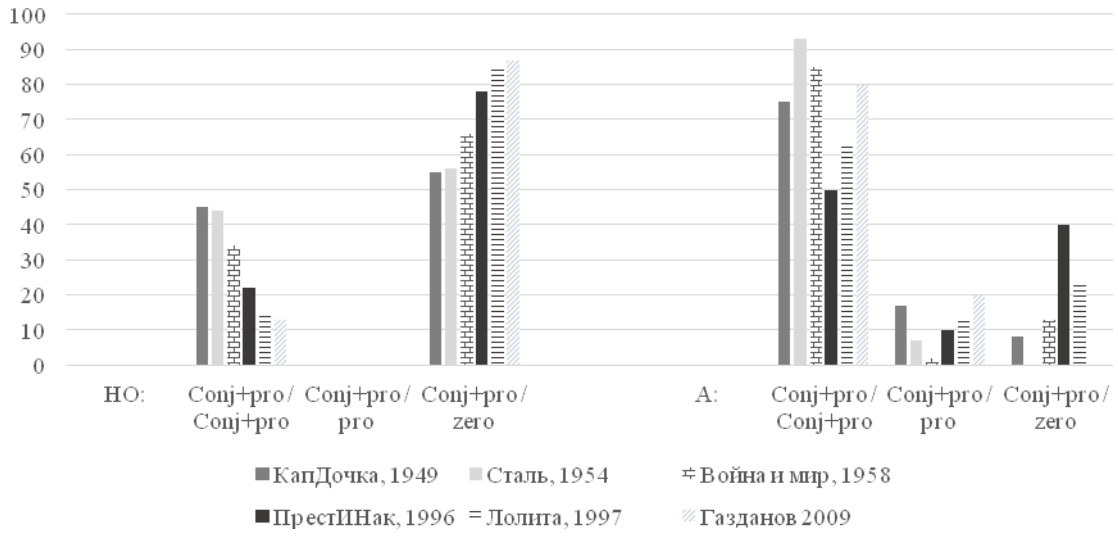


Диаграмма 1.
Дистрибуция контекстов для контрастивных местоимений
в русском языке и польских переводах, %

4.1. Контексты с союзом *а*

По данным анализа, в подавляющем большинстве случаев субъектное местоимение, употребленной в русском оригинале после союза *А*, сохраняется и в польском переводе (доминирует модель *Conj + pro / Conj + pro,* p-value < 0.01, см. диаграмму 1). В этих моделях союз *а* имел широкий круг значений, включая и «ненормальное следствие», и сопоставление, и поворот повествования.

Тем не менее в более редких моделях вида *Conj + pro / pro* и *Conj + pro / zero*, исходный союз *а*, как правило, был представлен в присоединительном значении («поворот повествования», χ-квадрат, p-value < 0.05):

(17) a. *Это всё вздор, — сказал Свидригайлов, намачивая полотенце и прикладывая его к голове, —* ***а я вас одним словом могу осадить*** *и все ваши подозрения в прах уничтожить.*

b. *To wszystko bzdury — mówił Swidrygajłow, umoczywszy serwetkę i przyłożywszy ją do czoła —* ***jednym słowem zamknę panu usta*** *i wszystkie pańskie podejrzenia zetrę na miazgę.* (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»)

Можно предположить, что в случае других значений союза *а* фокус на субъекте высказывания выше, чем в значении «поворота повествования». В частности, в лексеме «*а* ненормального следствия» содержится некоторая

оценка действий агенса [Урысон 2011: 219], указывающая на его незнание о ситуации (P) (см. пример (13)). В высказывании, вводимом с помощью «*а* сопоставления», субъект действия непосредственно сопоставляется с субъектом предыдущей клаузы. В отличии от этих двух лексем, «*а* присоединения» не подразумевает подобной степени фокуса на субъекте. В силу этого степень обязательности выражения местоимения в польских переводах, где прономинальная стратегия по умолчанию нехарактерна, варьирует и в целом превалирует в тех случаях, когда фокусный компонент на субъектном местоимении с семантической точки зрения выше.

4.2. Контексты с союзом *но*

В отличие от высказываний с союзом *а*, в высказываниях с *но* субъектное местоимение на польский язык, как правило, не переводилось (доминирует модель *Conj + pro / zero,* p-value < 0.01, см. диаграмму 1). В тех редких случаях, когда местоимение после *но* на польский язык все же переводилось, речь могла идти и о «но ненормального следствия» (18), и о «но противодействия» (19):

(18) a. *Да, ежели бы это была правда;* ***но я не верю****, не имею права и не могу верить.*

b. *Tak, gdyby to była prawda;* ***lecz ja nie wierzę****, nie mogę wierzyć i nie mam prawa.* (Л. Толстой, «Война и мир)

(19) a. *«Знаю, что вы не богаты, — сказала она; —* ***но я в долгу*** *перед дочерью капитана Миронова».*

b. *Wiem, że pani nie jest bogata-rzekla —* ***lecz ja jestem*** *dłużniczką kapitana Mironowa.* (А. Пушкин, «Капитанская дочка»)

По этим данным можно предварительно говорить о том, что большая степень фокуса на субъекте высказывания (в составе предложения с общим широким фокусом), присутствующая в русском языке в случае союза *а,* имеет внешнее формальное отражение в польском языке в виде существенно большего процента конструкций с эксплицитно выраженным местоимением. В силу того, что в польском языке, в отличие от русского, субъектное местоимение в немаркированных контекстах по умолчанию опускается, подобная разница в переводах может дополнительно указывать на ту

степень эмфатичности, которая требуется в коммуникативном сознании говорящего для употребления модели с эксплицитно выраженным субъектным местоимением.

Помимо этого, данные анализа также выявили, что в переводах середины XX в. личное субъектное местоимение после союза *но* (в различных значениях) встречается значимо чаще, чем в переводах конца XX–начала XXI в. (диаграмма 1, p-value < 0.05). Данное варьирование может быть как индивидуальной особенностью, так и некоторым признаком эффекта *translationese* (см. раздел 1), возможно, более характерному для ранних переводов. Тем не менее данный тезис требует проверки и более детального исследования на более широком материале.

5. Заключение

В статье было представлено пилотное исследование русских контекстов с маркированными субъектными местоимениями после противительных союзов *а* и *но* и их польских переводов. Анализ показал, что несмотря на универсальность самого факта наличия «обязательных» эксплицитно выраженных местоимений, условия для их реализации в русском и польском языках (и, возможно, в целом в языках с разными немаркированными субъектными референциальными стратегиями) различны. В частности, русские контрастивные субъектные местоимения после союза *а* чаще находят эквивалент в польском языке, тогда как с местоимениями после союза *но* наблюдается обратная ситуация. Кроме того, степень «обязательности» эксплицитного выражения местоимения после противительных союзов зависит от значений этих союзов, особенно в случае с союзом *а*: при присоединительном значении фокус на субъекте меньше, и местоимение значимо реже переводится на польский язык. Данные особенности могут свидетельствовать о том, что в языках с немаркированной местоименной стратегией (типа русского), разница в разной степени фокуса на местоименном субъекте при различных значениях противительных союзов не всегда улавливается — однако в тех языках, где местоимение по умолчанию опускается (типа польского), эта разница уже заметна, что и отражается в меньшей частотности субъектных местоимений после союза *а* в присоединительном значении.

Вместе с тем ряд аспектов — таких, как реализация местоимений в оригинальных польских текстах, степень их эксплицитного выражения уже в русских переводах в сопоставлении с польским оригиналом, остался за рамками настоящей работы. Изучение этих особенностей, наряду с детальным анализом предполагаемого эффекта *translationese в* более ранних переводах середины XX в., представляется следующим шагом для будущих исследований.

Условные обозначения и сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; F — женский род; M — мужской род; N — средний род; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Апресян, Пекелис 2012 — Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Сочинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012. [Apresjan V.Yu., Pekelis O.E. Coordinating Conjunctions. Materials for the project of the Russian grammar corpusbased description (Rusgram, http://rusgram.ru). Moscow, 2012.]

Зализняк, Микаэлян 2005 — Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л. Русский союз *а* как лингвоспецифичное слово // Кобозева И.М., Нариньяни А.С., Селегей В.П. (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог» 2005. М.: РГГУ, 2005. С. 153—159. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I.L. Russian Conjunction *a* as a languagespecific word. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog 2005”. Kobozeva I.M., Narin’jani A.S., Selegey V.P. (eds.). Moscow: Nauka, 2005. P. 153–159.]

Крейдлин, Падучева 1974а — Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974, № 9. С. 31–37 [Krejdlin G.E., Paducheva E.V. 1974. Meaning and syntactic properties of the conjunction *a*. Nauchno-technicheskaja informacija. 1974. Vol. 2. No. 9. P. 31–37.]

Крейдлин, Падучева 1974б — Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // НТИ. Сер. 2. 1974, № 10. С. 32–37 [Krejdlin G.E., Paducheva E.V. 1974. Interaction of associative relations and topic-comment structure in sentences with the conjunction *a*. Nauchno-technicheskaja informacija. 1974. Vol. 2. No. 10. P. 32–37.]

Падучева 1997 — Падучева Е.В. Эгоцентрическая семантика союзов «А» и «НО». // Николаева Т.М. (Отв. ред.). Славянские сочинительные союзы. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 31–47. [Paducheva E.V. The egocentric semantics of conjunctions “a” and“no”. Slavjanskie sochinitel’nye sojuzy. Nikolaeva T.M. (ed.). Moscow: Institute of Slavictics and Balcanictics, RAS, 1997. P. 31–47.]

Санников 1989 — Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., Наука, 1989. [Sannikov V.Z. Russian coordination constructions: semantics, pragmatics, syntax. Moscow: Nauka, 1989.]

Тестелец 2001 — Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testelets Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax]. Moscow: RGGU, 2001.]

Урысон 2011 — Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E.V. The experience of describing conjunctions: Linguistic data on the activity of reason. Moscow: Jazyki Slavjanskih Kul'tur, 2004.]

Фужерон, Брейар 2004 — Фужерон И., Брейар Ж. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке. // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. / Николаева Т.М. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 147–166. [Fougeron I., Breillard J. The pronoun “ja” and the construction of discourse relations in modern Russian. Verbal'naya i neverbal'naya opory prostranstva mezhfrazovykh svyazei. Nikolaeva T. M. (ed.) Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2004. P. 147–166.]

Chomsky 1981 — Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1981.

Dryer 2013 — Dryer M.S. Expression of Pronominal Subjects. World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool. Haspelmath M., Dryer M.S., Gil D., Comrie B. (eds.). Munich: Max PLanck Digital Library, 2011. Chapter 101. URL: http://wals.info/feature/101A.

Frascarelli 2007 — Frascarelli M. Subjects, topics and the interpretation of referential pro: an interface approach to the linking of (null) pronouns. Natural Language and Linguistic Theory. 2007. Vol. 25. P. 691–734.

Gellerstam 1986 — Gellerstam M. Translationese in Swedish novels translated from English. Translation Studies in Scandinavia. Wollin L., Lindquist H. (eds.). Lund: CWK Gleerup. 1986. P. 88–95.

Ilisei et al. 2011 — Ilisei I., Mihăilă C., Inkpen D., Mitkov R. The impact of zero pronominal anaphora on translational language: A study on romanian newspapers. Studia Universitatis Babes-Bolyai: Series Informatica, 2011. Vol. LVI. No. 2. P. 43–50.

Grenoble 2001 — Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. Glossos. 2001. Vol. 1. URL: http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf.

Lambrecht 1994 — Lambrecht K. Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Lindseth 1998 — Lindseth M. Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian. München: Sagner, 1998.

McShane 2009 — McShane M. Subject ellipsis in Russian and Polish. Studia Linguistica. 2009. Vol. 63. No. 1. P. 98–132.

Nilsson 1982 — Nilsson B. Personal Pronouns in Russian and Polish: A study of their communicative function and placement in the sentence (translated from Swedish by Charles Rougle). Stockholm-Sweden: Almqvist & Wiksell International, 1982.

Nilsson 1983 — Nilsson B. Anaphoric subjects in Polish and their cohesive function. Scando-Slavica. 1983. Vol. 29. No.1. P. 163–175.

Sasse 1995 — Sasse H.-J. «Theticity» and VS order: a case study. Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). 1995. Vol. 48. P. 3–31.

Seo 2001 — Seo S. The frequency of null subjects in Russian, Polish, Bulgarian and Serbo-Croatian: An analysis according morphosyntactic environments. Ph.D. thesis. Bloomington, Dept. of Slavic languages and literatures, Indiana University, 2001.

Wiemer 1999 — Wiemer B. К типологии анафорической топикализации в языках Европы (с особым учетом роли субстантивных местоимений). [To the typology of anaphorical topicalization in the languages of Europe] Semantyka a konfrontacja językowa. 1999. Vol. 2. P. 231–249.

Статья поступила в редакцию 16.11.2019
The article was received on 16.11.2019

Евгения Владимировна Буденная
кандидат филологических наук; научный сотрудник, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Evgeniya V. Budennaya
Ph.D.; research fellow, National Research University Higher School of Economics; junior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

jane.sdrv@gmail.com

Ограничения на рестриктор в конструкциях с отрицательными плавающими кванторами в русском языке

А. Ю. Вознесенская
МГУ имени М. В. Ломоносова

В данной статье рассматриваются отрицательные плавающие кванторы в русском языке с точки зрения того, что может быть рестриктором кванторов в таких конструкциях. Анализируются конструкции с *никто*, *ни один* и *никакой*. Данные предоставляются для разрывных конструкций с отрицательными кванторами в позициях субъекта, прямого объекта и дательного аргумента. Рассматриваются рестрикторы, подвергающиеся передвижению. Исследуемые конструкции делятся на три группы по изученным свойствам.

Ключевые слова: плавание кванторов, разрывная топикализация, русский язык.

Restrictor restrictions: What kind of restrictors do negative floating quantifiers in Russian require?

Anastasiia Voznesenskaia
Lomonosov Moscow State University

This paper deals with negative floating quantifiers in Russian from the perspective of what can be a restrictor of those quantifiers in such constructions. Constructions with *nikto* ‘nobody’, *ni odin* ‘not one’ and *nikakoj* ‘no’ are analyzed. Data is provided for split constructions with negative quantifiers in subject, direct object and dative argument positions. Restrictors undergoing movement are examined. The constructions under study are divided into three groups with respect to the properties examined.

Keywords: quantifier float, split scrambling, Russian.

1. Introduction

This paper is devoted to the phenomenon of floating quantifiers (hereinafter FQs) in the Russian language, which can be defined as the ability of a quantifier to appear separately from a quantified noun phrase (1).

(1) *Studenty vse lyubyat prepodavatelya.*
students all love.3PL teacher
'The students all love the teacher.' [Tiskin 2016: 314]

(2) *Svoikh druzej ya uzhe vsekh znayu…*
REFL friends I already all know
'I already know all my friends.' [Grashchenkov 2009: 397]

In many works devoted to quantifier float in both Russian and other languages, negative quantifiers are not considered as potential floating quantifiers. However, such elements are also recorded in languages.

(3) *The deans were none of them fond of jeans.* [Hoeksema 1996: 57]

(4) *I oni nikto ne znayut, i ne khotyat znat'…*
and they nobody NEG know.3PL and NEG want know.INF
'And they all don't know, and don't want to know.' [L. Tolstoy "The death of Ivan Ilyich", 1886]

The subject of this work are constructions with negative floating quantifiers in the Russian language, namely with *nikto* 'nobody' (5), *ni odin* 'not one' (6) and *nikakoj* 'no'.

(5) *To est' oni* ***nikto*** *ne smeli ee vslukh vyskazyvat'.*
so they nobody NEG dare it.F.ACC aloud express.INF
'So they all didn't dare express it aloud.' [F. Dostoevsky "Crime and punishment", 1866]

(6) *…Vse zakony <…> davajte sejchas chestno skazhem:*
all laws let's now honestly say

oni ***ni odin*** *ne rabotaet.*
they NEG one NEG work.3SG
'All the laws….let's honesty say: none of them work.'
[https://echo.msk.ru/programs/tochka/2222810-echo/]

One of the problems in analyzing such constructions with negative FQs is that they are superficially similar to split topicalization (or, more precisely, split “scrambling”).

(7) [*Einen* *Wagen*] *hat* *er* *sich* [*keinen* _] *gekauft.*
DET.ACC car have.AUX he REFL no.ACC buy
‘He didn't buy himself any car.’ [Van Hoof 2006: 416]

Even though there are a large number of works devoted to quantifier float, constructions with negative FQs have not been studied in detail yet. This paper focuses on negative FQs from the perspective of the restrictor of the quantifier. In this paper, I will research what kind of nominals can co-occur with negative FQs.

There are seven logical possibilities of constructions with *nikto*, *ni odin* and *nikakoj* if we consider that the restrictor nominal can be both plural and singular (8). Since (8b) and (8g) don’t seem to be acceptable this paper will study five constructions: *nikto* + PL (8a), *ni odin* + PL (8c), (8d) *ni odin* + SG, (8e) *nikakoj*.PL + PL, (8f) *nikakoj*.SG + SG.

(8) a. *Student-y* *segodnya* ***nikto*** *ne* *prishel.*
student-PL today nobody NEG came.3SG
‘The students none of them came today.’ {a = b}

b. **Student* *segodnya* ***nikto*** *ne* *prishel.*
student today nobody NEG came.3SG

c. *Student-y* *segodnya* ***ni*** ***odin*** *ne* *prishel.*
student-PL today NEG one NEG came.3SG
‘The students none of them came today.’

d. *Student* *segodnya* ***ni*** ***odin*** *ne* *prishel.*
student today NEG one NEG came.3SG
‘Not one student came today.’

e. *Student-y* *segodnya* ***nikakie*** *ne* *prishli.*
student-PL today no.PL NEG came.3PL
‘The students none of them came today.’ {e = g}

f. *Lekarstvo* *segodnya* ***nikakoe*** *ne* *postupilo.*
medicine today no.NEUT.SG NEG came.in.3SG
‘No medicine came in today.’

g. ??*Student-y* *segodnya* ***nikakoj*** *ne* *prishli/prishel.*
student-PL today no.M.SG NEG came.3PL/came.3SG

2. Background

2.1. Quantifier float

Quite a long time ago, it was noticed that in some languages sentences with quantified nominals can be reformulated into sentences in which the quantifier is separated from the NP and takes an adverbial position. (9) presents such a pair of sentences of the French language.

(9) a. ***Tous*** *les* *enfants* *ont* *vu* *ce* *film.*
all DET kids have.AUX seen this film
'All kids saw this movie.' {a = b} [Sportiche 1988: 426]

b. *Les* *enfants* *ont* ***tous*** *vu* *ce* *film.*
DET kids have.AUX all seen this film

English universal quantifiers *all*, *each* and *both*, French *tou(te)s* 'all', *chacun* 'each', Russian *vse* 'all' appear in such pairs.

There are two main approaches to floating quantifiers. The first is the stranding theory, proposed in [Sportiche 1988], according to which the quantifier and the restrictor NP initially form one constituent, after which the NP moves higher in the structure, and the quantifier is stranded in its original position. According to another, adverbial approach [Baltin 1995, Doetjes 1997], a quantifier word or its projection is considered a VP adjunct, similar to manner adverbs.

In [Grashchenkov 2009] constructions with floating numerals and quantifier words in Russian are considered.

Considering these constructions with numeral and quantifier float, Grashchenkov draws attention to the morphosyntax of these constructions. Based on the morphosyntax of the constructions and the behavior of the scope of the quantifiers/numerals Grashchenkov concludes that initially the quantifiers/numerals in these structures form one constituent with the corresponding NP. The effect of quantifier float in this paper is explained by the possibility of "splitting" the NP at the level of one of three projections: QP (projection of a quantifier word), PartP (the head Part assigns the genitive to the lower part of the nominal component in the context of direct cases) or NumP (projection of the numeral).

In [Madariaga 2007], two types of quantifier NPs are considered: the first type, heterogeneous, consists of quantifiers whose complement NPs are marked genitive (10a); the second type, homogeneous, consists of quantifier phrases with agreement (10b).

(10) a. [*Mnogo* *detej*] *opozdal-o.*
many kids.GEN was.late-NEUT
'A lot of kids were late.'

b. [*Vse* *deti*] *lyubyat* *ded-a* *moroz-a.*
all kids love.3PL grandpa-ACC frost-ACC
'All kids love Santa.' [Madariaga 2007: 267]

The following structure is assumed for the given quantifier NPs:

(11) a. [$_{QP}$ *Mnogo* [$_{NP}$ *detej*]]

b. [$_{DP}$ ø [$_{NP}$ [$_{QP}$ *vse*] *deti*]] [Madariaga 2007: 268]

Quantifier subjects that project DP can cause agreement on the verb (11b), while those that do not project DP cannot, default agreement is observed in (11a).

Madariaga analyzes the properties of two FQ constructions associated, respectively, with heterogeneous and homogeneous quantifier NPs: constructions with an initial genitive (12a, GenN) and constructions with agreeing FQs (12b, AgrFQ).

(12) a. *Detej* *prishl-o* [*malo* ~~*detej*~~].
kids.GEN came-NEUT few
'A few kids came.'

b. *Deti* *prishl-i* [*vse* ~~*deti*~~].
kids came-PL all
'The kids all came.' [Madariaga 2007: 271]

Madariaga compares the properties of Russian constructions with FQs with constructions of the Japanese and English type and establishes that constructions with the initial genitive follow the pattern of Japanese floating numerals and constructions with agreeing FQs follow the pattern of standard English FQs. This is manifested in the following properties.

First, in GenN, numeral and general quantifier expressions are possible, and in the construction of the AgrFQ, only the quantifiers *vse* 'all' and *oba* 'both'. Secondly, as in Japanese, subjects in GenN are not licensed if they are subject to movement before stranding (13b) and with transitive verbs (13c), but are possible with unaccusatives and passives (13a).

(13) a. *Vozmozhnost-ej byl-o predlozheno tol'ko* [*pyat'* e].
possibility-GEN.PL was-NEUT proposed only five
'Only five possibilities were proposed.' {a = b}

b. **Vozmozhnost-ej* [*pyat'* e] *byl-o predlozheno* e.
possibility-GEN.PL five was-NEUT proposed

c. **Student-ov kupil-o etu knig-u* [*mnogo* e].
student-GEN.PL bought-NEUT this book-ACC many
Intended: 'Many students bought this book.' [Madariaga 2007: 273]

On the contrary, the subjects in AgrFQ, as in English FQ constructions, are not subject to such a restriction.

Also, AgrFQs do not allow the quantifier to strand in case of *wh*-movement. There is no such restriction on GenN.

(14) a. **Kak-ie deti* (*vse*) *prishl-i vse?*
which-PL kids all came-PL all
Intended: 'Which kids all came?'

b. *Kakikh yabl-ok byl-o malo?*
which apple-GEN.PL was-NEUT few
'Which apples were few?' [Madariaga 2007: 273–274]

Madariaga analyzes GenN constructions as constructions that include split QPs; the nominal part (genitive NP) is extracted into the A′-position using long-distance extraction. The nominal part attaches to the TP to check the [topic] feature. The movement takes place directly from the starting position to the A′-position without intermediate positions.

AgrFQ constructions consist of agreeing DPs that move to the A-position by cyclic movement, while the corresponding FQ is attached acyclically to the copy of the DP.

[Tiskin 2016] considers constructions with negative floating quantifiers in Russian. Tiskin proposes that negative FQ constructions are a result of extracting the restrictor, as according to stranding theory.

2.2. Split topicalization

Split topicalization [see Van Hoof 2006; Ott 2012] is a phenomenon in which the core of a constituent is removed to the left periphery (TOP), leaving the rest (REM) in the clause. A good example is the split topicalization of the NP in German.

(15) [$_{CP}$ [$_{TOP}$ *Bohnen*] [$_{C'}$ *mag* *er* *nur* [$_{REM}$ *grüne* ___]]]
beans loves he only green
'He only likes green beans.' [Van Hoof 2006: 411–412]

[Pereltsvaig 2008] discusses constructions with split phrases. In this paper, two analyses for split phrases are discussed: the analysis with direct extraction, and the analysis with remnant movement. According to the analysis with direct extraction, TOP is removed from the constituent to the left periphery; according to the analysis with remnant movement, at first REM is moved from the initial constituent, then this component moves to Spec, FocP, becoming TOP.

In her paper Pereltsvaig argues that both analyses don't make the right predictions. She proposes an analysis of these structures, according to which movement occurs, but the entire phrase moves. According to Copy Theory of Movement, this movement creates several copies of the phrase. Pereltsvaig suggests that the split nature of the movement is ensured by partial interpretation of the copies: one part, TOP, is interpreted by PF in the upper copy, and the second, REM in the lower one. Such movement can be *wh*-movement, "focal" movement in *li*-questions and scrambling. Pereltsvaig considers split phrases created using scrambling. The question is what motivates this scrambling. Pereltsvaig does not consider [topic] and [focus] as uninterpretable features that could cause movement. She suggests that this movement is caused by the [contrastive] feature, which distinguishes contrastive topic from topic and contrastive focus from focus.

3. Split negative FQ constructions in the subject position

In this section, the properties of such split constructions with negative quantifiers *nikto* 'nobody', *ni odin* 'not one' and *nikakoj* 'no' will be described, in which the left side of the structure is the subject of the clause.

In this case, there rises a question of predicate agreement. Apparently, the negative FQs influence the agreement on the verb (or other predicates). Constructions with *nikto* allow for both singular and plural agreement on the verb, while *ni odin* enforces singular verb agreement. The matter of agreement is an important one in the study of negative FQs, however, it is outside the scope of this paper and will not be discussed any further.

3.1. Noncanonical subjects

Apart from regular nominative subjects negative FQs can also refer to a dative subject.

(16) …*vo* *vsem* *dome* *anglichanam* ***nikomu*** *spat'*
in entire house Englishmen.DAT nobody.DAT sleep.INF

nel'zya *bylo*.
not.allowed was
'In the entire house, it was impossible for the Englishmen to sleep.'
[RNC[1]: N. Leskov "Lefty", 1881]

The following examples show that all five constructions under investigation allow for a dative subject. In (18), example (18c) shows that *ni odin* + SG also allows for a dative subject despite the ungrammaticality of (18b), which I suggest is because this construction doesn't allow for specific NPs as the restrictor. A detailed study of the referential status of the restrictor NP in split constructions with negative FQs is, however, also outside the scope of the current paper.

(17) *Moim* *druz'yam* *etogo* ***nikomu*** *ne* *ponyat'*.
my.DAT friends.DAT this.GEN nobody.DAT NEG understand.INF
'None of my friends can understand that.'

(18) a. *Moim* *druz'yam* *etogo* ***ni*** ***odnomu*** *ne* *ponyat'*.
my.DAT friends.DAT this.GEN NEG one.DAT NEG understand.INF
'None of my friends can understand that.' {a ≈ b}

b. **Moemu* *drug-u* *etogo* ***ni*** ***odnomu*** *ne* *ponyat'*.
my.DAT friend-DAT this.GEN NEG one.DAT NEG understand.INF

c. *Rebenk-u* *etogo* ***ni*** ***odnomu*** *ne* *ponyat'*.
child-DAT this.GEN NEG one.DAT NEG understand.INF
'No child can understand that.'

[1] RNC refers to Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru).

(19) a. *Muzhchin-am* *etogo* ***nikak-im*** *ne* *ponyat'.*
man-DAT.PL this.GEN no-DAT.PL NEG understand.INF
'No man can understand that.' {a ≈ b}

b. *Muzhchin-e* *etogo* ***nikak-omu*** *ne* *ponyat'.*
man-DAT.SG this.GEN no-DAT.SG NEG understand.INF

In Russian, a subject in a negative sentence can optionally be encoded genitive. In this case, the verb displays default agreement. [Pesetsky 1982] lists the following properties of the genitive under negation. Only the internal argument can bear genitive in the context of sentential negation. Also, the genitive NP is necessarily non-specific.

The constructions under consideration are possible with genitive with the predicate *net* 'no' (20), (21), (22b), (23b, d), (24b, d)). However, in the standard construction with genitive under negation and a lexical verb as predicate, only *nikakoj* (24a, d) and *ni odin* with a singular NP restrictor (24c) can appear.

(20) *Ikh* *net* ***nikogo*** *sejchas.*
they.GEN NEG.be nodoby.GEN now
'None of them are here now.' [RNC: Andrey Lazarchuk "The holy month of Rin", 1988]

(21) *U* *menya* *ikh* *net* ***ni*** ***odnogo.***
at me.GEN they.GEN NEG.be NEG one.GEN
'I don't have any of them.' [RNC: Lazar Lagin "The old genie Hottabych", 1955]

(22) a. **Uchenik-ov* ***nikogo*** *ne* *zabolelo.*
student-GEN.PL nobody.GEN NEG got.ill
Intended: 'None of the students got ill.'

b. *Uchenik-ov* ***nikogo*** *net* *na* *meste.*
student-GEN-PL nobody.GEN NEG.be at place
'None of the students are at the spot/place.'

(23) a. **Uchenik-ov* ***ni*** ***odnogo*** *ne* *zabolelo.*
student-GEN.PL NEG one.GEN NEG got.ill
Intended: 'None of the students got ill.' {a ≈ c}

b. *Uchenik-ov* ***ni*** ***odnogo*** *net* *na* *meste.*
student-GEN.PL NEG one.gen NEG.be at place
'None of the students are at the spot/place.' {b ≈ d}

c. *Uchenik-a* ***ni*** ***odnogo*** *ne* *zabolelo.*
student-GEN NEG one.GEN NEG got.ill

d. *Uchenik-a* ***ni*** ***odnogo*** *net* *na* *meste.*
student-GEN NEG one.GEN NEG.be at place

(24) Context: We've been walking in the forest looking for mushrooms for 2 hours and still haven't found anything.

a. *Zdes'* *grib-ov* ***nikak-ikh*** *ne* *rastet.*
here mushroom-GEN.PL no-GEN.PL NEG grows.3SG
'There grow no mushrooms here.'

b. *Zdes'* *grib-ov* ***nikak-ikh*** *net.*
here mushroom-GEN.PL no-GEN.PL NEG.be
'There are no mushrooms here.'

Context: You promised to show me some beautiful mushroom in the forest but we haven't been able to find it for hours.

c. *Zdes'* *grib-a* ***nikak-ogo*** *ne* *rastet.*
here mushroom-GEN no-GEN NEG grows.3SG
'There grows no mushroom here.'

d. *Zdes'* *grib-a* ***nikak-ogo*** *net.*
here mushroom-GEN no-GEN NEG.be
'There is no mushroom here.'

Also, negative FQs may refer to the subject of the prohibitive. The construction with *nikakoj* here is not possible, since the subject of the prohibitive is necessarily the 2nd person pronoun, and this construction is only possible with 3rd person pronouns.

(25) *Vy* *ne* *khodite* *bol'she* ***nikto*** *po* *etoj* *doroge.*
you.PL NEG walk.IMP.PL anymore nobody on this road
'Don't any of you walk this road anymore.' {(25) = (26) = (27)}

(26) a. *Vy* *ne* *khodite* *bol'she* ***ni*** ***odin*** *po* *etoj* *doroge.*
you.PL NEG walk.IMP.PL anymore NEG one on this road

b. **Ty* *ne* *khodi* *bol'she* ***ni*** ***odin*** *po* *etoj* *doroge.*
you.SG NEG walk.IMP anymore NEG one on this road

(27) a. **Vy* *ne* *khodite* *bol'she* ***nikak-ie*** *po* *etoj* *doroge.*
you.PL NEG walk.IMP.PL anymore no-PL on this road

b. **Ty* *ne* *khodi* *bol'she* ***nikak-oj*** *po* *etoj* *doroge.*
you.PL NEG walk.IMP anymore no-SG.M on this road

3.2. The restrictor's structure

Constructions with *nikto*, *ni odin* are also possible with a personal plural pronoun in the subject position.

(28) *Vy* *zdes'* ***nikto*** *ne* *govorite…*
you.PL here nobody NEG say.3PL
'None of you here say.'
[RNC: Alexey Slapovsky. "The big book of change" // "Volga", 2010]

(29) *Pust'* *oni* ***ni*** ***odin*** *ne* *sposobny* *prostit'* *menya…*
let.be they NEG one NEG able forgive.INF me.ACC
'Let them not be able to forgive me.'
[T. Solovjova "What did Benedicto say?", 2017]

In a construction with *ni odin* as the subject, only the plural pronoun is possible. A construction with *nikakoj* is possible if the quantifier and the personal pronoun are in plural, but with no context, it is perceived as odd (for data see [Voznesenskaia 2019: 29]).

A subject with a universal quantifier word, *kazhdyj* 'each', *vsyakij* 'every' or *lyuboj* 'any', cannot be part of a construction with negative FQs. *Nikto* requires a plural subject (denoting a plurality of individuals), while these pronouns require a single individual. *Ni odin* and *nikakoj* cannot refer to a subject with one of these words. If *lyuboj* is in plural, such constructions still turn out to be unacceptable, except for (33a).

(30) **Kazhdyj/lyuboj/vsyakij* *moj* *drug* ***nikto/ni*** ***odin/nikakoj***
each/any/any my friend nobody/NEG one/no

ne *kurit.*
NEG smoke.3SG
Intended: 'Not any one of my friends smoke.

(31) **V* *etoj* *situatsii* *lyubye* *yurist-y* ***nikto*** *ne* *pomozhet.*
in this situation any.PL lawyer-PL nobody NEG help.3SG
Intended: 'No lawyer will help in this situation.'

(32) a. **Mne* *lyubye* *lekarstv-a* ***ni*** ***odno*** *ne* *pomogaet.*
me.DAT any.PL medicine-PL NEG one NEG help.3SG
Intended: 'No medicine helps me.' {a = b}

b. **Mne* *lyuboe* *lekarstvo* ***ni*** ***odno*** *ne* *pomogaet.*
me.DAT any.SG medicine NEG one NEG help.3SG

(33) a. ?*Mne* *lyubye* *lekarstv-a* ***nikak-ie*** *ne* *pomogayut.*
me.DAT any.PL medicine-PL no-PL NEG help.3PL
'No medicine helps me.' {a = b}

b. ??*Mne* *lyuboe* *lekarstvo* ***nikakoe*** *ne* *pomogaet.*
me.DAT any.SG medicine no NEG help.3SG

However, for some speakers, sentences like (34) are acceptable, in which *nikto* refers to a subject with a quantifier word *vse* 'all'. A construction with *ni odin* is also possible for a subject with the pronoun *vse* 'all' (35), denoting a concrete, not an abstract set, a construction with *nikakoj* doesn't seem very natural (36).

(34) *Vse* *moi* *druz'ya* *eshche* ***nikto*** *ne* *zhenilsya.*
all my friends yet nobody NEG got.married
'None of my friends got married yet.' {(34) = (35)}

(35) *Vse* *moi* *druz'ya* *eshche* ***ni*** ***odin*** *ne* *zhenilsya.*
all my friends yet NEG one NEG got.married

(36) ??*Vse* *eti* *lekarstv-a* *uzhe* ***nikak-ie*** *ne* *pomogayut.*
all these medicine-PL already no-PL NEG help.3PL
Intended: 'None of these medicines help anymore.'

As for indefinite pronouns, the pronoun itself cannot be a subject in constructions with negative FQs. However, the subject may include the pronoun *nekotorye* 'some'. In (38)–(39), *nekotorye studenty* refer to some natural groups of students, for example, a year or a study group. In (40) *nekotorye tetradi* can also be understood only as notebooks, for example, of students from some study groups or years. So, (41), where *nekotorye* clearly refers to certain groups of individuals, turn out to be acceptable.

(37) **Kto-to/kto-nibud'* ***nikto/ni odin/nikakoj***
someone nobody/NEG one/no

ne *vypolnil* *zadanie.*
NEG complete task
Intended: 'None of someone completed the task.'

(38) *?Nekotory-e* *studenty* ***nikto*** *ne* *vypolnil* *zadanie.*
some-PL students nobody NEG complete task
'None of some students completed the task.' {(38) = (39)}

(39) *Nekotory-e* *studenty* ***ni*** ***odin*** *ne* *vypolnil* *zadanie.*
some-PL students NEG one NEG complete task

(40) Context: Students from all years should have handed in their homework in notebooks. When I came to collect the notebooks, I didn't find the notebooks belonging to students from some years.

a. *Nekotory-e* *tetradi* ***nikak-ie*** *ne* *nashlis'.*
some-PL notebooks no-PL NEG were.found
'None of some notebooks were found.' {a = b}

b. **Nekotory-e* *tetradi* ***nikakaya*** *ne* *nashlas'.*
some-PL notebooks no NEG was.found

(41) Context: A lot of students ignore their homework. In particular 1st and 2nd year students don't do homework.

a. *Nekotory-e* *kursy* *prosto* ***nikto*** *ne* *sdaet* *zadani-ya.*
some-PL years just nobody NEG hand.in.3SG task-PL
'In some years, nobody hands in the tasks.' {a = b}

b. *Nekotory-e* *kursy* *prosto* ***ni*** ***odin*** *ne* *sdaet* *zadani-ya.*
some-PL years just NEG one NEG hand.in.3SG task-PL

In this example, the semantics of such sentences with *nekotorye* can be noticed. The quantifier's restrictor is the collective noun *kursy*. Moreover, *nikto* and *ni odin* quantizes the representatives of the respective collective, and not the collectives themselves. Apparently, the same thing happens in (89)–(90): some groups of students are such that none of the members of this group completed the task.

3.3. Null subjects

A null element can also a subject in a clause with negative FQs. So, the negative FQs can refer to PRO in infinitives with subject (42)–(44) and object control (45)–(47). Here we assume that the negative FQ is part of the infinitive primarily because the negation necessary for licensing the *ni*-elements is only in the infinitive. In this case, at least in the construction with *ni odin*, PRO can only be controlled by a plural NP (43b), (47b).

(42) *Student-y* *reshil-i* [***nikto*** *ne* *prikhodit'* *na* *ekzamen*].
student-PL decided-PL nobody NEG some.INF on exam
'The students have decided to none of them come to the exam.'
{(42) = (43)}

(43) a. *Student-y* *reshil-i* [***ni*** ***odin*** *ne* *prikhodit'* *na* *ekzamen*].
student-PL decided-PL NEG one NEG some.INF on exam

b. **Student* *reshil* [***ni*** ***odin*** *ne* *prikhodit'* *na* *ekzamen*].
student decided NEG one NEG some.INF on exam

(44) Context: Once I got a prank call but I could outwit the callers.
a. *Pranker-y* *reshil-i* [***nikak-ie*** *mne* *bol'she* *ne* *zvonit'*].
pranker-PL decided-PL no-PL me.DAT anymore NEG call.INF
'The prankers have decided to none of them call me anymore.' {a ≈ b}

b. ??*Pranker* *reshil* [***nikakoj*** *mne* *bol'she* *ne* *zvonit'*].
pranker decided no me.DAT more NEG call.INF

(45) ?*Uchitel'* *poprosil* *detej* ***nikogo*** / ***nikomu***
teacher asked kids.ACC nodody.ACC / nobody.DAT

ne *obizhat'* *Vasyu.*
NEG insult.INF Vasya.ACC
'The teacher asked the kids that none of them insults Vasya.'
{(45) = (46)}

(46) a. ?*Uchitel'* *poprosil* *detej* ***ni*** ***odnogo*** / ***ni*** ***odnomu***
teacher asked kids.ACC NEG one.ACC / NEG one.DAT

ne *obizhat'* *Vasyu.*
NEG insult.INF Vasya.ACC

b. **Uchitel'* *poprosil* *uchenik-a* ***ni*** ***odnogo*** / ***ni*** ***odnomu***
teacher asked student-ACC NEG one.ACC / NEG one.DAT

ne *obizhat'* *Vasyu.*
NEG insult.INF Vasya.ACC

(47) Context: Since I looked up realtors on the internet a lot of realtors call me and offer their services.

a. *Ya* *poprosil* *rieltor-ov* ?***nikak-ikh/*nikak-im***
I asked realtor-ACC.PL no-ACC.PL/no-DAT.PL

bol'she *ne* *zvonit'.*
more NEG call.INF
'I asked that none of the realtors call again.' {a ≈ b}

b. *Ya* *poprosil* *rieltor-a* ??***nikak-ogo/*nikak-omu***
I asked realtor-ACC no-ACC/no-DAT.PL

bol'she *ne* *zvonit'.*
more NEG call.INF

Negative floating quantifiers can also refer to PRO in converbs. In this case, PRO must also be controlled by the plural NP (the details are set out in [Voznesenskaia 2019]).

Also possible are negative FQs referring to the subject of particles in case of *nikto* + PL, *ni odin* + PL and *nikakoj*.PL + PL (see [Voznesenskaia 2019: 32]).

Thus, negative floating quantifiers can refer to a number of different subjects, however, for constructions with some quantifier words there are restrictions on the structure of the restrictor.

4. Split negative quantifier constructions in the direct object position

The considered negative quantifier words may also refer to the direct object. In this case, *nikto*, *ni odin* and *nikakoj* agree with the direct object in case.

In Russian, a direct object in a negative context can be encoded genitive. In the case of the negative FQ *nikto*, the corresponding NP can only be animate, which means that the surface difference between the accusative and the genitive under negation in sentences like (48) will not be noticeable. However, the negative FQs *ni odin* and *nikakoj* allow seeing that genitive direct addition is also possible in these constructions.

(48) a. *Ya* *inostrann-ykh* *knig* (*poka*) ***ni*** ***odnoj*** *ne* *chitala.*
I foreign-GEN.PL book.GEN.PL yet NEG one NEG read.3SG
'I haven't yet read any foreign books.' {(48)≈(49)}

b. *Ya* *inostrann-oj* *knig-i* (*poka*) ***ni*** ***odnoj*** *ne* *chitala.*
I foreign-GEN book-GEN yet NEG one NEG read.3SG

(49) a. *Ya* *inostrann-ykh* *knig* (*poka*) ***nikak-ikh*** *ne* *chitala.*
I foreign-GEN.PL book.GEN.PL yet no-GEN.PL NEG read.3SG

b. *Ya* *inostrann-oj* *knig-i* (*poka*) ***nikak-oj*** *ne* *chitala.*
I foreign-GEN book-GEN yet no-GEN NEG read.3SG

The restrictor, in the case of a direct object, can also be expressed by a plural personal pronoun.

(50) *Ya* *ikh* ***nikogo*** *ne* *znayu.*
I they.ACC nobody.ACC NEG know.1SG
'I don't know any of them.'
[RNC: Sergei Mostovshchikov. Rublevka (1997) // «Stolitsa», 1997.04.01]

(51) *Esli* *vspomnim* *pyatiletki —*
if remember.2SG five.year.plans

my *ikh,* *kstati,* ***ni*** ***odnu*** *ne* *vypolnili.*
we they.ACC btw NEG one NEG completed.2SG
'If we remember five-year plans, we completed none of them.'
[RNC: Komsomolskaya pravda, 2007.03.29]

Nikto and *ni odin* go with both the 3rd and 2nd and 1st person pronouns. *Nikakoj* goes well enough only with the 3rd person pronoun. The data can be found in [Voznesenskaia 2019: 34–35].

In the case when the restrictor is a direct object, it cannot be expressed by an NP, which includes universal quantifiers *kazhdyj* 'each', *vsyakij* 'every', *lyuboj* 'any' (singular). However, *lyuboj*, in plural, for some speakers can modify the restrictor object (54)–(55) for *ni odin* and *nikakoj*. These sentences do not receive high ratings on the Likert scale, especially in the case of *ni odin*.

(52) a. **Vasya* *kazhdogo* *svoego* *druga* ***nikogo/ni odnogo/nikakogo***
Vasya each his friend.ACC nobody.ACC/NEG one.ACC/no.ACC

ne *priglasil* *na* *den'* *rozhdeniya.*
NEG invited on day birth.GEN
Intended: 'Vasya didn't invite any of his friends to his birthday.'

b. **Vasya* *lyubogo/vsyakogo* *politika* ***nikogo/ni odnogo/nikakogo***
Vasya any/every politician nobody.ACC/NEG one.ACC/no.ACC

ne *uvazhaet.*
NEG respect.3SG
Intended: 'Vasya doesn't respect any politicians.'

(53) **Nash* *nachal'nik* *lyubykh* *zhenshchin* ***nikogo*** *ne* *uvazhaet.*
our boss any women.ACC nobody.ACC NEG respect.3SG
Intended: 'Our boss doesn't respect any women.'

(54) a. ??*Moya* *babushka* *lyubye* *lekarstv-a* *printsipial'no*
my grandma any.PL medicine-ACC.PL in.principle

ni ***odno*** *ne* *prinimaet.*
NEG one NEG take.3SG
Intended: 'My grandma basically doesn't take any medicine.' {(54)≈(55)}

b. **Moya* *babushka* *lyuboe* *lekarstv-o* *printsipial'no*
my grandma any medicine-ACC in.principle

ni ***odno*** *ne* *prinimaet.*
NEG one NEG take.3SG

(55) a. ?*Moya* *babushka* *lyubye* *lekarstv-a* *printsipial'no*
my grandma any.PL medicine-ACC.PL in.principle

nikak-ie *ne* *prinimaet.*
no-PL NEG take.3sg

b. **Moya* *babushka* *lyuboe* *lekarstv-o* *printsipial'no*
my grandma any medicine-ACC in.principle

nikakoe *ne* *prinimaet.*
no NEG take.3SG

Nevertheless, as in negative FQ constructions in the subject position, the restrictor NP can be modified with a universal quantifier *vse* 'all'.

(56) *Moi roditeli vsekh moikh druzei* ***nikogo***
my parents all.ACC my.ACC friends.ACC nobody.ACC

ne odobryayut.
NEG approve.3PL
'My parents don't approve of all of my friends.' {(56) = (57)}

(57) *Moi roditeli vsekh moikh druzei* ***ni odnogo***
my parents all.ACC my.ACC friends.ACC NEG one

ne odobryayut.
NEG approve.3PL

(58) Context: I'm a writer but my parents wanted me to be a doctor. They haven't even read what I write.
Moi roditeli vse moi knig-i ***nikak-ie*** *ne chitayut.*
my parents all my book-PL no-PL NEG read
'My parent's don't read any of all of my books.'

Indefinite pronouns cannot be a direct object in these constructions (59). It is possible, however, to modify the plural restrictor by the pronoun *nekotorye* 'some'. Here, also *nekotorye studenty* and *nekotorye tetradi* are interpreted as some groups of students/notebooks.

(59) **Ya zdes' kogo-to/kogo-nibud'* ***nikogo/ni odnogo/nikakogo***
I here someone/anyone nobody.ACC/NEG one.ACC/no.ACC

ne znayu.
NEG know
Intended: 'I don't know anyone here.'

(60) Context: I only teach 3rd and 4th years and I don't know anyone from the 1st and 2nd year. I can say:

a. *Ya nekotor-ykh student-ov zdes'* ***nikogo*** *ne znayu.*
I some-ACC.PL student-ACC.PL here nobody.ACC NEG know.1SG
'I don't know anyone from some groups of the students here.' {a = b}

b. *Ya nekotor-ykh student-ov zdes'* ***ni odnogo*** *ne znayu.*
I some-ACC.PL student-ACC.PL here NEG one.ACC NEG know.1SG

(61) Context: Students from all years should have handed in their homeworks in notebooks. When I came to collect the notebooks, I did't find the notebooks belonging to students from some years.

?*Ya*	*nekotor-ye*	*tetrad-i*	*tam*	***nikak-ie***	*ne*	*nashla.*
I	some-PL	notebook-PL	there	no-PL	NEG	found

'I haven't found some notebooks (of students from some of the groups).'

Thus, the properties of negative FQ structures in the position of the direct object are similar to their properties in the position of the subject, in addition to the possibility of a genitive restrictor NP.

5. Split negative quantifier constructions in inherent dative

Let us also consider, not only NPs bearing structural case, but also inherently case-marked NPs. A case is called inherent here, which, unlike the structural one, is associated with a theta-role (but, unlike the lexical one, is attributed to a functional head, see [Woolford 2006]). As such an inherent case, we consider dative in bitransitive verbs.

(62)

Voobshche	*ya*	*videni-yam*	***nikak-im***	*ne*	*veril…*
actually	I	vision-DAT.PL	no-DAT.PL	NEG	believed

'Actually I didn't believe any visions.'
[RNC: G. Rasputin "Life of an experienced pilgrim", 1907]

As in the case of subject and object negative FQs, a dative restrictor can be expressed by a personal pronoun. Just as before, constructions with no don't go with pronouns of the 1st and 2nd person (see [Voznesenskaia 2019: 34] for data).

In the case of a dative restrictor, it also cannot be expressed by an NP, which includes universal quantifiers *kazhdyj* 'each', *vsyakij* 'every'. However, an NP can be modified by *lyubye* 'any' (plural): (63)–(65). As in the previous cases, it is permissible to modify the NP with the quantifier word *vse* 'all'. As for indefinites, they cannot be a dative restrictor but it is possible to modify plural dative restrictors with *nekotorye* 'some' (see [Voznesenskaia 2019: 37] for data).

(63)

Ya	*lyub-ym*	*politik-am*	*teper'*	***nikomu***	*ne*	*veryu.*
I	any-DAT.pl	politician-DAT.PL	now	nobody.DAT	NEG	believe.1SG

'I don't believe any kinds of politicians anymore.' {(63) = (65)}

(64) a.

Ya	*lyub-ym*	*politik-am*	*teper'*	***ni***	***odnomu***	*ne*	*veryu.*
I	any-DAT.pl	politician-DAT.PL	now	NEG	one.DAT	NEG	believe.1SG

b. ?*Ya lyub-omu politik-u teper' **ni odnomu** ne veryu.*
I any-DAT politician-DAT now NEG one.DAT NEG believe.1SG

(65) **Ya kazhd-omu/vsyak-omu politik-u teper'*
I each/every-DAT politician-DAT now

***nikomu/ni odnomu/nikak-omu** ne veryu.*
nobody.DAT/NEG one.DAT/no-DAT NEG believe.1SG

(66) a. *Ya lyub-ym gazet-am teper' **nikak-im** ne veryu.*
I any-DAT.PL newspaper-DAT.PL now no-DAT NEG believe.1SG
'I don't believe any kind of newspapers anymore.' {a ≈ b}

b. ??*Ya lyub-oj gazet-e teper' **nikakoj** ne veryu.*
I any-DAT newspaper-DAT now no.DAT NEG believe.1SG

So, when split negative quantifier constructions are in the position of an inherently marked dative argument, various types of restrictors are also possible (here, the unacceptability of modification using *lyuboj* 'any' that appears earlier in subject and object constructions disappears).

6. Movement

In this section, we will consider the behavior of negative FQs if the restrictor NP undergoes movement.

6.1. A-movement

Here we will consider the behavior of negative FQs if the restrictor NP undergoes A-movement, e.g. raising. In Russian, raising-to-subject occurs in argument small clauses. According to [Bailyn 2011], if a semi-auxiliary verb takes CP as a complement, (67a) is obtained, and if PredP acts as a complement, the small clause subject moves to the position of the main clause subject (67b).

(67) a. *Kazhetsya,* [$_{CP}$ *chto Sasha genial'nyj muzykant*].
seems COMP Sasha brilliant musician
'It seems that Sasha is a brilliant musician.'

b. *Sasha kazhetsya* [$_{PREDP}$ _ [*genial'n-ym muzykant-om*]].
Sasha seems brilliant-INS musician-INS
'Sasha seems to be a brilliant musician.' [Bailyn 2011: 110]

Let us consider how negative FQs will behave if the restrictor NP undergoes raising-to-subject (68)–(70) in the described context of a small clause. Here, strictly speaking, we cannot say where the negative FQ is located, however, given that it is to the right of the dative argument of the verb, it seems that it is inside a small clause. Constructions with *nikto* and *ni odin* in such a context are possible; constructions with *nikakoj* are rated low.

(68) *Moi druz'ya ne kazhutsya mne* ***nikto*** *egoist-ami.*
my friends NEG seem.3PL me.DAT nobody egoist-INS.PL
'My friends seem to me to be egoists.' {(68) ≈ (69)}

(69) a. ?*Moi druz'ya ne kazhutya mne* ***ni odin*** *egoist-om.*
my friends NEG seem.3PL me.DAT NEG one egoist-INS

b. ??*Moj drug ne kazhetsya mne* ***ni odin*** *egoist-om.*
my friend NEG seem.3SG me.DAT NEG one egoist-INS

(70) a. ??*Knig-i ne kazhutsya mne* ***nikak-ie*** *skuchn-ymi.*
book-pl NEG seem.3PL me.DAT no-PL boring-INS
Intended: 'No books seem boring to me.' {a ≈ b}

b. **Kniga ne kazhetsya mne* ***nikakaya*** *skuchn-oi.*
book NEG seem.3SG me.DAT no boring-INS

6.2. A′-movement

6.2.1. Wh-movement

Nikto, *ni odin* and *nikakoj* cannot refer to a constituent that has undergone *wh*-movement.

(71) **Kto k tebe* ***nikto/ni odin/nikakoj*** *ne podkhodil?*
who to you.SG.DAT nobody/NEG one/no NEG came.by
Intended: 'None of who came to you?'

(72) **Ch'i druz'ya k tebe* ***nikto*** *ne podkhodil?*
whose friends to you.SG.DAT nobody NEG came.by
Intended: 'None of whose friends came to you?' {(72) ≈ (73) ≈ (74)}

(73) a. **Ch'i druz'ya k tebe* ***ni odin*** *ne podkhodil?*
whose friends to you.SG.DAT NEG one NEG came.by

b. **Chej drug k tebe* ***ni odin*** *ne podkhodil?*
whose friend to you.SG.DAT NEG one NEG came.by

(74) a. **Ch'i druz'ya k tebe **nikak-ie** ne podkhodili?*
whose friends to you.SG.DAT no-PL NEG came.by.PL

b. **Chej drug k tebe **nikakoj** ne podkhodil?*
whose friend to you.SG.DAT no NEG came.by

However, if the *wh*-element is D-linked, such a construction becomes possible for *nikto* + PL and *ni odin* + PL. In this case, it seems difficult to verify the acceptability of the constructions with *nikakoj* exactly in the same context, since in combination with *kakoj* 'which' such sentences would sound odd.

(75) *Kakie student-y **nikto** ne sdelal zadanie?*
which.PL student-PL nobody NEG did task
'None of which students did the task?' {(75) = (76)}

(76) a. *Kakie student-y **ni odin** ne sdelal zadanie?*
which.PL student-PL NEG one NEG did task

b. *Kakoj student **ni odin** ne sdelal zadanie?*
which student NEG one NEG did task

6.2.2. Relative clauses

Consider now negative FQs in relative clauses. Since such constructions turn out to be rather complicated for perception, this part of the work is restricted to constructions with *nikto* + PL, *ni odin* + PL and *nikakoj*.PL + PL, since these structures turn out to be easier to process. So, in the sentence (77), the relative clause is interpreted as nonrestrictive.

(77) *Ya pomog prokhozh-im, kotor-ye **nikto** ne znali dorogu.*
I helped passerby-DAT.PL REL-PL nobody NEG knew way
'I helped passersby, none of who knew the way.'

In case of a restrictive reading enforced by context and the demonstrative pronoun *tot* 'that', most speakers rate such sentences as unacceptable.

(78) Context: At the conference, I talked to different linguists: syntacticians, phoneticians, phonologists. Everyone except for the syntacticians knew little about syntax.
a. **Mne ne-interesno bylo slushat' tekh lingvist-ov,*
me.DAT NEG-interesting was listen.INF that.PL.ACC linguist-ACC.PL

kotor-ye ***nikto*** *ne razbirayutsya v sintaksis-e.*
REL-PL nobody NEG understand in syntax-LOC
Intended: 'It wasn't interesting for me to listen to those groups of linguists none of which understand syntax.' {a = b}

b. **Mne* *ne-interesno* *bylo* *slushat'* *tekh* *lingvist-ov,*
me.DAT NEG-interesting was listen.INF that.PL.ACC linguist-ACC.PL

kotor-ye ***ni*** ***odin*** *ne razbirayutsya v sintaksis-e.*
rel-PL NEG one NEG understand in syntax-LOC

At the same time, if the context suggests a nonrestrictive reading, such sentences are acceptable.

(79) Context: All my sisters were supposed to apply for a visa, but they haven't done it before and didn't know how it's done.
a. *Ya pomog svoim sestr-am, kotor-ye* ***nikto*** *ne znali,*
I helped REFL.ACC sisters-ACC REL-PL nobody NEG knew

kak oformit' dokumenty.
how draw.up.INF documents
'I helped my sisters, none of who knew how to draw up the documents.' {a = b}

b. *Ya pomog svoim sestr-am, kotor-ye* ***ni*** ***odna*** *ne znali,*
I helped REFL.ACC sisters-ACC REL-PL NEG one NEG knew

kak oformit' dokumenty.
how draw.up.INF documents

The split construction with *nikakoj* is also impossible in a relative restrictive clause with subject relativization. However, unlike *nikto* and *ni odin*, the same construction in a nonrestrictive clause is rated as sounding rather odd (81).

(80) Context: There are a lot of dishonest politicians on TV, but they don't let the honest ones there.
**V efir puskayut tekh politik-ov,*
in air let.3PL that.ACC.PL politician-ACC.PL

kotor-ye nikak-ie ne govoryat pravd-y.
REL-PL no-PL NEG say.3PL truth-GEN
Intended: 'They only let those politicians on air none of who tell the truth.'

(81) Context: When I was young I liked politics.

?*Ya*	*postoyanno*	*slushal*	(*razn-ykh*)	*politik-ov*,
I	constantly	listened	different-ACC.PL	politician-ACC.PL

kotor-ye	*nikak-ie*	*ne*	*govoril-i*	*pravd-y*.
REL-PL	no-PL	NEG	say-PL	truth-GEN

'I constantly listened to (different) politicians, none of who were telling the truth.'

So, a relative pronoun can be a restrictor for negative FQs in nonrestrictive relative clauses. Such construction in restrictive relatives is rated as unacceptable. It is also worth noting that *nikakoj* does not follow this distribution pattern completely, namely, it is perceived as noticeably worse in restrictives.

Unlike with *wh-* and relative movement, for all five constructions the restrictor can be topicalized and moved to the left periphery (see [Voznesenskaia 2019: 40] for data).

7. Conclusion

In this section I summarize the data and consider some conclusions. As mentioned above, split constructions with negative quantifiers are superficially similar to quantifier float on the one hand, and split scrambling on the other. Consider the properties of the five structures studied in this work: *nikto* + PL, *ni odin* + PL, *ni odin* + SG, *nikakoj*.PL + PL, *nikakoj*.SG + SG.

As shown in this paper, negative FQs generally fit into the distribution pattern described in Madariaga (2007) for constructions with agreeing FQs (which, in turn, follows the English FQ distribution pattern).

Summarizing the results of the restrictor requirements study it can be seen in Table 1 that the constructions in question follow three patterns: the one of *nikto* + PL and *ni odin* + PL, the one of *ni odin* + SG and *nikakoj*.SG + SG, and the one of *nikakoj*.PL + PL.

The paper discusses cases in which a negative FQ is within an infinitival phrase. In this case, it can be said that the negative FQ refers to PRO, also due to the fact that in object control constructions the negative FQ can take "second" dative (that is not true for *nikakoj* though). A negative FQ can also refer to PRO in converbs. This information is of interest, since assuming that all split constructions with negative quantifiers are the result of split scrambling, it doesn't make any sense for PRO to be the dislocated part. On the other hand, floating quantifiers can refer to PRO in languages. Thus, we expect that split

scambling and quantifier float will behave differently in this configuration. Indeed, constructions with *nikto* + PL, *ni odin* + PL and *nikakoj*.PL + PL are possible in such a configuration, while *ni odin* + SG and *nikakoj*.SG + SG are not.

Also, the stranding theory predicts that FQs will be acceptable within Russian small clauses, since they are analyzed as raising structures, and, consequently, A-movement. As can be seen from section 6.1, constructions with *nikto* + PL and *ni odin* + PL are allowed in this context. Constructions with *ni odin* + SG, *nikakoj*.PL + PL and *nikakoj*.SG + SG — are not.

Table 1. Restrictors in negative FQ constuctions

	nikto + PL	*ni odin* + PL	*ni odin* + SG	*nikakoj*.PL + PL	*nikakoj*.SG + SG
3rd person pronouns	✓	✓	*	✓	*
1st and 2nd person pronouns	✓	✓	*	*	*
kazhdyj ‘each’	*	*	*	*	*
vsyakij ‘every’	*	*	*	*	*
lyuboj ‘any’	IO —✓, DO, SUBJ — *	IO —✓, DO, SUBJ — *	IO —?, DO, SUBJ — *	DO, IO —✓, SUBJ — *	IO — ?, DO, SUBJ — *
vse ‘all’	✓	✓	—	✓	—
nekotorye ‘some’	✓	✓	—	✓	—
genitive under negation	SUBJ — *	DO — ✓, SUBJ — *	DO — ✓, SUBJ —✓	DO — ✓, SUBJ — ✓	DO — ✓, SUBJ — ✓
dative subject	SUBJ — ✓	SUBJ — ✓	SUBJ — ✓	SUBJ — ✓	SUBJ — ✓
PRO	SUBJ — ✓	SUBJ — ✓	SUBJ — *	SUBJ — ✓	SUBJ — *

Turning to A′-movement, from the fact that negative FQs are allowed with topicalized restrictors, in participles and in nonrestrictive relative clauses, but aren’t allowed with *wh*-phrases and restrictive relative clauses, it can be concluded that the studied structures don’t combine with operator movement. This contrast is best seen in the difference between the ratings for restrictive and nonrestrictive relatives. Such an attitude to the movement of the operator is characteristic of quantifier float, but not of split topicalization. However, D-linked *wh*-phrases can nevertheless be restrictors of negative FQs (but only in plural). I therefore assume that this restriction is semantic in nature.

Thus, by a number of properties, constructions with *nikto* + PL and *ni odin* + PL pattern together with floating quantifiers. Also, by the same properties, constructions with *ni odin* + SG and *nikakoj*.SG + SG pattern together with split scrambling. The construction with *nikakoj*.PL + PL, being one of the most common, exhibits the properties of both groups.

In conclusion, the constructions under study were divided into three groups, the first (*nikto* + PL and *ni odin* + PL) was proposed to be analyzed as a case of quantifier float, the second (*ni odin* + SG and *nikakoj*.SG + SG) — as a case of split scrambling. For the third group (*nikakoj*.PL + PL), the data turned out to be controversial.

Abbreviations

ACC — accusative; COMP — complementizer; DAT — dative; F — feminine; INF — infinitive; INS — instrumental; NEG — negation; NEUT — neutral; PL — plural; REL — relative pronoun; SG — singular.

References

Baylin 2011 — Bailyn J. The Syntax of Russian (Cambridge Syntax Guides). Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Baltin 1995 — Baltin M.R. Floating quantifiers, PRO, and predication. Linguistic inquiry. 1995. P. 199–248.

Doetjes 1997 — Doetjes J.S. Quantifiers and selection. On the distribution of quantifying expressions in French, Dutch and English. HAG, 1997.

Grashchenkov 2009 — Grashchenkov P.V. Dreif kvantora kak svidetel'stvo sushchestvovaniya partitivnoi proektsii v imennoi gruppe. [Quantifier float as evidence for a partitive projection in NP]. Kiseleva K.L., Plungian V.A., Rakhilina E.V., Tatevosov S.G. (eds.). Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike [Corpus research in Russian grammar]. Moscow: Probel. P. 397–425.

Hoeksema 1996 — Hoeksema J. Floating quantifiers, partitives and distributivity. Partitives: studies on the syntax and semantics of partitive and related constructions. 1996. No. 14. P. 57–106.

Madariaga 2007 — Madariaga N. Russian patterns of floating quantification: (Non-) Agreeing Quantifiers. Linguistic investigations into formal of Slavic languages (postdam linguistic investigations). Frankfurt Am Main, 2007. P. 267–281.

Ott 2012 — Ott D. Local instability: Split topicalization and quantifier float in German. Walter de Gruyter, 2012.

Pereltsvaig 2008 — Pereltsvaig A. Split phrases in colloquial Russian. Studia Linguistica. 2008. No. 62(1). P. 5–38.

Pesetsky 1982 — Pesetsky D.M. Paths and categories. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1982.

Shlonsky 1992 — Shlonsky U. Resumptive pronouns as a last resort. Linguistic inquiry. 1992. No. 23(3). P. 443–468.

Sportiche 1988 — Sportiche D. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure. Linguistic inquiry. 1988. No. 19(3). P. 425–449.

Tiskin 2016 — Tiskin D. Negative floating quantifiers: underestimated evidence for the stranding analysis? // Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016”. Iss. 3. Konoshenko M.B., Lyutikova E.A., Zimmerling A.V. (eds.). Moscow: Moscow State University of Education, 2016. P. 313–325.

Van Hoof 2006 — Van Hoof H. Split topicalization. The Blackwell companion to syntax. 2006. P. 410–465.

Voznesenskaia 2019 — Voznesenskaia A. Sintaksis otritsatel’nykh plavayushchikh kvantorov (na materiale russkogo yazyka) [The syntax of negative floating quantifiers (based on Russian data)]. BA thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2019.

Woolford 2006 — Woolford E. Lexical case, inherent case, and argument structure. Linguistic inquiry. 2006. No. 37(1), P. 111–130.

Статья поступила в редакцию 16.11.2019

The article was received on 16.11.2019

Анастасия Юрьевна Вознесенская

студент 1 курса магистратуры, МГУ имени М. В. Ломоносова

Anastasiia Yu. Voznesenskaia

1st year M.A. student, Lomonosov Moscow State University

anastvozn@gmail.com

Грамматикализация глагола *ŠUAŠ* ‘бросить’: что осталось от бросков?*

Ф. В. Голосов
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Статья посвящена грамматикализации глагола *šuaš* ‘бросить’ в горномарийском языке. В статье производится попытка построить анализ структуры события лёгкого глагола *šuaš*, предсказывающий как его селективные ограничения, так и семантику образованных сложных глаголов. Кроме того, автор сравнивает устройство лёгкого глагола с лексическим и приходит к выводу, что его устройство в значительной мере предсказывается устройством его лексического источника, глагола *šuaš* ‘бросить’.

Ключевые слова: сложные глаголы, лёгкие глаголы, сериализация, грамматикализация глагола со значением ‘бросить’, структура события, акциональность.

* Данные без указанного источника, на основе которых была построена эта статья, были собраны в ходе горномарийских экспедиций в село Микряково 2017–2019 гг. Все цитируемые примеры унифицированы под нашу систему глоссирования.

Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Автор благодарен Е. В. Кашкину за ознакомление с работой, высказанные ценные замечания и указанные неточности. Возможные ошибки остаются на совести автора.

GRAMMATICALIZATION OF THE VERB *ŠUAŠ* 'THROW': WHAT IS LEFT OF THROWS?*

Fedor Golosov
National Research University Higher School of Economics

The aim of this article is to give an analysis of Hill Mari light verb *šuaš* 'to throw', which would predict both selective restrictions of the light verb and semantics of derived complex predicates. Additionally, author compares the grammaticalized verb with its lexical source and argues that many properties of the light verb are predictable from its lexical meaning.

Keywords: complex predicates, light verbs, serialization, grammaticalization of verb with meaning 'throw', event structure, actionality.

* This article is based on data collected in Hill Mari expeditions in village Mikryakovo in 2017–2019 years. All the cited data are unified according to our glossing system.

The work is supported by the RFBR grant 19-012-00627 "Syntax and semantics of Uralic and Altaic languages; functional-typological and formal perspectives".

Author is grateful to E. Kashkin who has read the text of this paper and commented on it. Author is responsible for all undetected mistakes.

1. Введение

Настоящая статья посвящена грамматикализации глагола *šuaš* ‘бросать’ в горномарийском языке. Этот глагол, описывающий в своём лексическом употреблении ситуацию каузации движения по воздуху (1a), также употребляется в качестве акционального модификатора, как в (1b):

(1) a. *vas’a* *küer-əm* *vəd-əš* ***šu-en***
Вася камень-ACC вода-ILL бросить-PRF[.3SG]
‘Вася **бросил** камень в воду.’

b. *vas’a* *lə̑də̑-m* ***lü-en*** ***šu-en***
Вася утка-ACC стрелять-CVB бросить-PRF[.3SG]
‘Вася **застрелил** утку.’

Так, в примере (1b), в отличие от примера (1a), *šuaš* не описывает собственную ситуацию, а лишь некоторым образом взаимодействует с ситуацией, описываемой глаголом *lüäš* ‘стрелять’ — а именно, как мы увидим позже, обозначает исчерпанность действия, в данном случае проявляющуюся в гибели утки.

В примере (1b) мы видим сложный глагол — конструкцию, формально состоящую из двух глагольных форм (главного глагола и зависящего от него деепричастия), но описывающую одно событие. Деепричастную форму, задающую идиосинкратические свойства ситуации, описываемой глаголом, мы дальше будем называть лексическим глаголом, а главный глагол, утративший своё лексическое значение, превратившись в модификатор деепричастия — лёгким глаголом.

Сложные глаголы — характерная черта многих тюркских языков [Гращенков 2015], и появлению аналогичных конструкций в марийских языках, по всей видимости, способствовали контакты с соседними тюркскими языками (см. [Bradley 2016] и приведённые там ссылки). Согласно [Bradley 2016], в горномарийском языке в разной степени грамматикализовалось до 66 лёгких глаголов, развивших различные акциональные, директивные и аппликативные значения.

Лёгкий глагол *šuaš* относится к числу акциональных модификаторов, образующих предельные сложные глаголы, которые также называют телисизаторами [Голосов (в печати)]. Ещё в первых работах, посвящённых

этому глаголу [Чхаидзе 1960; Пенгитов и др. 1961], очерчиваются его основные селективные и семантические свойства. Так, например, согласно [Пенгитов и др. 1961], глагол *šuaš* «образует составные глаголы от некоторых переходных глаголов и придаёт им видовое значение однократности, стремительности совершения действия» [ibid.: 206].

Лёгкому глаголу *šuaš* посвящены также недавние описательные работы [Голосов (в печати); Кашкин 2018a; Кашкин 2018b], в которых были детально разобраны селективные ограничения лёгкого глагола и семантические особенности образуемых сложных глаголов. Кроме того, в работе [Кашкин 2018b] впервые используется лексикотипологический подход к объяснению семантики лёгкого глагола *šuaš*: автор пытается объяснить семантические и дистрибуционные особенности лёгких глаголов *šuaš* и *käškäš* лексическими свойствами глаголов-источников, в частности, тем, как они распределены по семантическому полю бросания.

Тем не менее, несмотря на огромное количество накопленных знаний об устройстве *šuaš*, все вышеперечисленные работы носили скорее описательный характер. Цель настоящей статьи — построить анализ лёгкого глагола *šuaš*, который способен одновременно объяснить и селективные ограничения телисизатора, и его семантические особенности, а также попытаться объяснить, продолжая линию в [Кашкин 2018b], как устройство лёгкого глагола связано с его лексическим источником.

Статья устроена следующим образом. После вводного раздела 1 следует раздел 2, посвящённый данным по глаголу *šuaš*. В разделе 3 мы кратко излагаем основные постулаты используемой нами теории — синтаксиса первой фазы, а в разделе 4 приводим наш анализ устройства лёгкого глагола *šuaš*. Раздел 5 посвящён общим выводам статьи.

2. Данные

Глагол *šuaš* грамматикализовался в акциональный модификатор, образующий пунктивные сложные глаголы со значением исчерпанности действия [Голосов (в печати); Кашкин 2018a]:

(2) а. *pi* *tədə-m* ***vəc*** ***minut-ôštô*** *pər-ən* *šu-š*
пёс тот-ACC 5 минута-IN кусать-CVB бросить-AOR[.3SG]
‘Собака искусала его **за пять минут**.’

b. **pi tädä-m* ***väc minut*** *pâr-ân šu-š*
пёс тот-ACC 5 минута кусать-CVB бросить-AOR[.3SG]
Ожидаемое значение: ‘Собака кусала его **пять минут**.’

У этого лёгкого глагола очень строгие селективные ограничения: он сочетается только с такими лексическими глаголами, которые обозначают процесс и присоединяют прямое дополнение-Пациенса, притом Пациенса в узком смысле, то есть участника, терпящего изменение состояния в ходе процесса [Голосов (в печати); Кашкин 2018a]:

(3) a. *vas’a pet’a-m* ***pükt-en*** ***šu-š***
Вася Петя-ACC душить-CVB бросить-AOR[.3SG]
‘Вася **задушил** Петю.’

b. **vas’a kn’igä-m* ***lâd-ân*** ***šu-š***
Вася книга-ACC читать-CVB бросить-AOR[.3SG]
Ожидаемое значение: ‘Вася **прочитал** книгу.’

c. **tädä cilä t’et’ä-m* ***jarat-en*** ***šu-š***
тот весь ребёнок-ACC любить-CVB бросить-AOR[.3SG]
Ожидаемое значение: ‘Он всех детей **полюбил**.’

d. **pört* ***oxâr-em-Ø*** ***šu-š***
дом пустой-INCH-CVB бросить-AOR[.3SG]
Ожидаемое значение: ‘Дом **опустел**.’

Глаголы с пациентивным участником, которые сочетаются с *šuaš* в общем случае — это, прежде всего, глаголы разрушения, а также глаголы физического воздействия, которые в сочетании с *šuaš* также обозначают ситуацию разрушения или серьёзного повреждения объекта [Голосов (в печати); Кашкин 2018b]:

(4) a. *vas’a šärtä-m* ***kär-än*** ***šu-š***
Вася нитка-ACC рвать-CVB бросить-AOR[.3SG]
‘Вася **порвал** нитку’.

b. *vas’a pi-m* ***čâm-en*** ***šu-š***
Вася пёс-ACC пинать-CVB бросить-AOR[.3SG]
‘Вася **испинал** собаку (до смерти или до потери сознания).’

c. *vas'a vedärä-m* ***čâm-al-Ø*** ***šu-š***
Вася ведро-ACC пинать-SMF-CVB бросить-AOR[.3SG]
'Вася **пнул** ведро (так сильно, что оно как-то пострадало).'

Другая группа глаголов, которая сочетается с *šuaš* в общем случае — это глаголы удаления пациентивного участника [Кашкин 2018b], не обязательно связанные с его уничтожением, такие как *jogtaraš* 'лить', *pačkaltaš* 'стряхивать', *mâškaš* в значении 'смывать' (пример взят из [Кашкин 2018b: 118–119]):

(5) a. *mən' peckä gəc-ən l'ävärä-n vəd-əm*
я бочка из-FULL грязь-PROP вода-ACC

jog-tar-en ***šu-en-äm***
течь-TR-CVB бросить-PRF-1SG
'Я **вылил** из бочки грязную воду.'

b. **mən'* ***jog-tar-en*** ***šu-en-äm*** *vedärä-š*
я течь-TR-CVB бросить-PRF-1SG ведро-ILL

itärä vəd-əm
чистый вода-ACC
Ожидаемое значение: 'Я **налил** в ведро чистую воду.'

Кроме того, в особых условиях *šuaš* может сочетаться и с некоторыми другими лексическими глаголами с дополнением-Пациенсом. Так, в сочетании с переходными глаголами, не предполагающими серьёзного изменения состояния объекта, такими, как глаголы обработки пациентивного участника типа *mâškaš* 'мыть' и *ut'užaš* 'гладить' (здесь мы используем название этого класса глаголов, удачно подобранное в [Кашкин 2018b]) и глаголы смены собственности типа *vâžalaš* 'продать' [Кашкин 2018b], лёгкий глагол *šuaš* сочетается в общем случае при условии множественности объекта (примеры (6c) и (6d) взяты из [Кашкин 2018b]):

(6) a. **vas'a* ***miskä-m*** *mâšk-ân šu-š*
Вася тарелка-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]
Ожидаемое значение: 'Вася помыл **тарелку**.'

b. *vas'a* ***cilä*** ***miskä-m*** *mâšk-ân šu-š*
Вася весь тарелка-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]
'Вася перемыл **все тарелки**.'

c. ?*vas'a* ***toma-žə̂-m*** *və̂žal-en* *šu-en*
Вася дом-POSS.3SG-ACC продавать-CVB бросить-PRF[.3SG]
'Вася продал **дом**.'

d. *vas'a* ***cilä*** ***kn'igä-žə̈-m*** *və̂žal-en* *šu-en*
Вася весь книга-POSS.3SG-ACC продавать-CVB бросить-PRF[.3SG]
'Вася **все свои книги** распродал.'

В группу глаголов, с которыми *šuaš* сочетается при условии множественности объекта, входят и глаголы созидания, но на них накладывается дополнительное ограничение, сформулированное в [Кашкин 2018b] — созидаемый объект должен находиться в прагматической пресуппозиции в понимании [Lambrecht 1994], см. пример из [Кашкин 2018b: 121]:

(7) ok*tagačə̂* *mən'* ***koklə̂*** ***sir-mäš-ge***
сегодня я 20 писать-NMN.ACT-COM

sir-en *šu-en-äm*
писать-CVB бросить-PRF-1SG
'Сегодня я написала **все 20 писем**.'

Значение исчерпанности действия, которое имеют сложные глаголы с *šuaš*, может реализовываться по-разному в зависимости от устройства лексического глагола. Так, в сочетании с глаголами, предполагающими моментальное изменение состояния пациенса, в частности, со многими глаголами разрушения объекта, лёгкий глагол *šuaš* образует сложные глаголы со значением затронутости участника, то есть нанесения ему серьёзных изменений (см. [Голосов (в печати)]). Это хорошо видно на примере глаголов физического воздействия, допускающих, но не требующих изменения состояния объекта, таких, как глагол *čə̂malaš* 'пнуть':

(8) a. *tədə* *vedərä-m* ***čə̂m-al-ə̂n***
тот ведро-ACC пинать-SMF-PRF[.3SG]
'Он **пнул** ведро.'

b. *tədə* *vedərä-m* ***čə̂m-al-Ø*** ***šu-š***
тот ведро-ACC пинать-SMF-CVB бросить-AOR[.3SG]
'Он **пнул** ведро (**и ведро как-то пострадало**).'

Как можно заметить по контрасту примеров (8a) и (8b), сложный глагол *čə̂mal šuaš* накладывает дополнительные ограничения на экстенсионал предложения: оно может описывать только те ситуации, в которых пинок произвёл на ведро некоторое деструктивное влияние.

Другой тип исчерпанности объекта — это полнота охвата [Голосов (в печати); Кашкин 2018a], или собственно исчерпанность действия, как в (9):

(9) *tədə* *l'istok-ə̂m* ***sir-en*** ***šu-š***
тот листок-ACC писать-CVB бросить-AOR[.3SG]
‘Он **исписал** листок.’

Так, в примере (9) сложный глагол *siren šuaš* описывает ситуацию, в которой продолжение действия ‘писать на листке’ невозможно, поскольку объект процесса исчерпался, на нём больше нет места для новых записей.

В сочетании с некоторыми глаголами уничтожения лёгкий глагол *šuaš* может обозначать как затронутость, так и исчерпанность действия:

(10) a. *tədə* *pumaga-m* ***kə̂šked-ən***
тот бумага-ACC рвать-PRF[.3SG]
‘Он **порвал** бумагу.’

b. *tədə* *pumaga-m* ***kə̂sked-Ø*** ***šu-š***
тот бумага-ACC рвать-CVB бросить-AOR[.3SG]
1. ‘Он **порвал** бумагу (лист бумаги).’
2. ‘Он **изорвал** бумагу в клочья.’

Итак, лёгкий глагол *šuaš* — это акциональный модификатор, образующий от некоторых переходных процессов с пациентивным объектом пунктивные сложные глаголы со значением исчерпанности действия. Наша следующая задача — предложить анализ структуры события лёгкого глагола, который мог бы предсказать такие строгие лексические требования телисизатора, а также его семантику исчерпанности.

3. Синтаксис первой фазы

Теория, в рамках которой мы собираемся предложить анализ — синтаксис первой фазы. Это теория акциональной декомпозиции, согласно которой структура события глагола является синтаксически сложной. Так, согласно

[Ramchand 2008], в синтаксисе представлены 3 событийных вершины: init, вводящая каузирующее подсобытие, proc, вводящая подсобытие процесса и/или изменения состояния, и res, вводящая результирующее состояние. При каждой событийной вершине содержится её спецификатор — главный участник подсобытия: у init это Инициатор[1], то есть участник, производящий каузирующую деятельность, у proc это Претерпевающий — участник, изменяющийся в ходе действия процесса, а у res это Носитель результирующего состояния.

В комплементе событийные вершины могут содержать либо каузально зависимые от них событийные группы (так, в простом случае init содержит в комплементе procP, а proc — resP), либо так называемые Ремы — группы некоторого типа, тесно связанные с семантикой подсобытия и определяющие его акциональные свойства. Так, например, комплементом вершины proc может выступать именной или предложный инкрементальный аргумент, определяющий мереологические свойства ситуации — так называемый Путь. Путь отличается от Претерпевающего тем, что часто не обязан выражаться поверхностно, а также не обязан существовать до начала действия — см. дискуссию о глаголах созидания в [Ramchand 2008: 76–78]. Другой тип инкрементального аргумента — инкрементальное свойство, которое задаёт шкалу изменения состояния для Претерпевающего процесса. Глаголы, содержащие в комплементе proc инкрементальное свойство, например, глаголы *dry* ‘сохнуть’ и freeze ‘замерзать’, называются градативами (degree achievements [Ramchand 2008: 98–100]).

Максимальную проекцию событийной структуры в рамках синтаксиса первой фазы можно видеть на рисунке 1 на странице 63.

К сожалению, у нас нет возможности подробно рассмотреть типологию событийных структур, создаваемую синтаксисом первой фазы. Отметим только, что параметры, с помощью которых эта теория описывает разнообразие структурно-событийных типов — это набор вершин, набор аргументов и наличие/отсутствие отношения коиндексации между ними. Так, например, неэргативные и переходные глаголы различаются по параметру кореферентности Инициатора и Претерпевающего, а неэргативы и неаккузативы отличаются тем, что у первых есть событийная вершина init, а у вторых — нет.

[1] Здесь и далее мы следуем переводу, предложенному в [Лютикова и др. 2006].

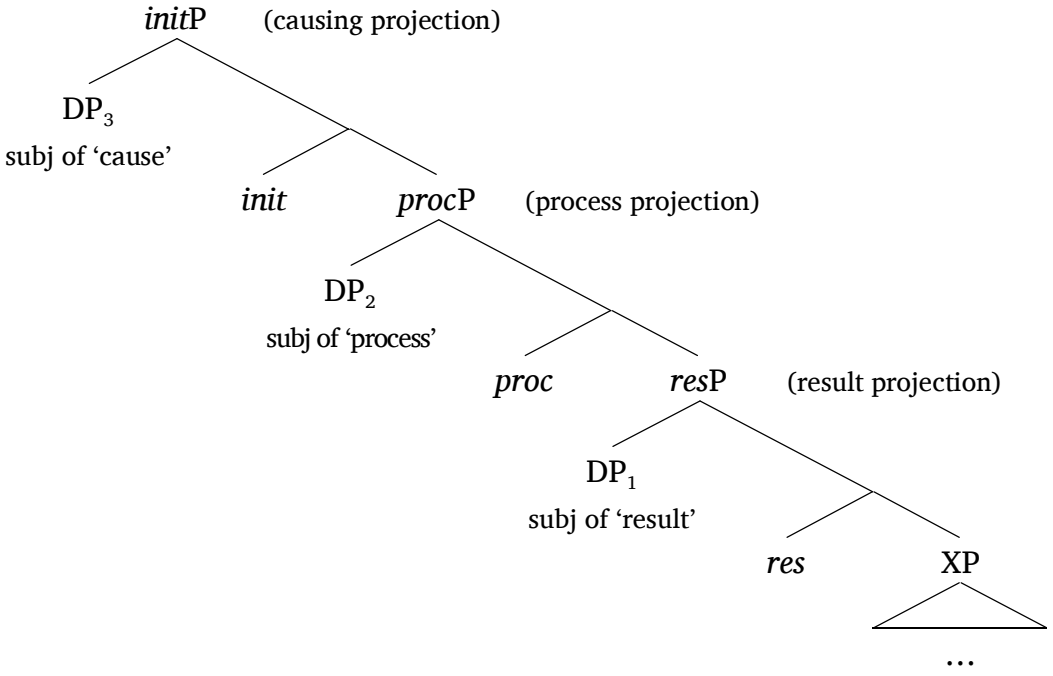


Рисунок 1. Синтаксис первой фазы [Ramchand 2008: 46]

Синтаксис первой фазы оказывается хорошим инструментом формализации языковых явлений, пограничных между синтаксисом и лексической семантикой. В рамках синтаксиса первой фазы можно предположить следующее: лёгкие глаголы «тюркского» типа — это такие глаголы, которые утратили способность обозначать собственную ситуацию (поэтому им нужно деепричастие, чтобы получить идиосинкратический компонент значения в понимании [Rappaport-Hovav&Levin 1998]), но в той или иной мере сохранили собственную структуру события, причём эта структура события предопределяет свойства сложного глагола.

В нашей работе мы будем также исходить из предположения, что лёгкий глагол *šuaš* в той или иной мере сохранил структуру события, которая определяет одновременно и лексические ограничения телисизатора, и семантику образованных сложных глаголов. В следующем разделе мы попробуем выявить эту структуру события, обращая внимания на селективные предпочтения лёгкого глагола и вносимые им семантические изменения.

Перед тем, как перейти к следующему разделу, мы должны сделать важную оговорку: в рамках настоящей статьи мы остаёмся агностичны относительно того, как именно синтаксически образуется сложный глагол. Мы лишь следуем изложенному выше предположению, что событийная структура сложного глагола состоит из событийной структуры лёгкого глагола и идиосинкратического компонента лексического глагола.

4. Анализ

Строгие требования лёгкого глагола *šuaš*, контролирующие переходность глагола и пациентивность объекта, по всей видимости, можно объяснить тем, что *šuaš* сохранил в своей структуре событийные вершины init и proc с некоиндексированными Инициатором и Претерпевающим. Так, обязательное требование динамичности ситуации, а также наличия агентивного и пациентивного участников, указывает на наличие событийных вершин init и proc, а также на обязательное наличие Инициатора и аргумента процессуального подсобытия, изменяющего своё состояние — Претерпеваюшего или Пути. В пользу того, что лёгкий глагол *šuaš* требует наличия именно Претерпевающего, а не Пути, говорит следующее обстоятельство: телисизатор не образует сложные глаголы от глаголов с инкрементальным участником, не претерпевающим изменение состояния, например, глаголами ментальной обработки темы типа *lə̂daš* ‘читать’. В пользу этого же говорит и то, что *šuaš* требует от глаголов созидания наличие множественного объекта в прагматической пресуппозиции. Так, создаваемая сущность может занимать позицию Претерпевающего только в том случае, если она существовала в качестве идеи ещё до процесса — тогда про неё так же, как и про другие процессы с пациентивным участником, можно сказать, что она изменила своё состояние, превратившись из идеи в материальную сущность.

Есть ли в структуре события лёгкого глагола результирующее состояние? Ответ на этот вопрос не представляется очевидным. С чисто семантической точки зрения, лёгкий глагол *šuaš*, конечно, вводит состояние исчерпанности, как мы могли видеть в предыдущем разделе. Но как это значение должно выводиться из событийной структуры? Одно из возможных объяснений заключается в том, что в комплементе процессуального подсобытия находится шкала исчерпанности, то есть глагол *šuaš* представляет из себя градатив, описывающий максимальную степень изменения состояния объекта по некоторой шкале исчерпанности. Однако против такого анализа говорит то, что лёгкий глагол *šuaš* не сочетается с градативами (по крайней мере при условии единичности объекта), даже в том случае, если они работают с закрытыми шкалами, способствующими значению исчерпанности:

(11) **vas'a vârgem-äm* ***košt-en*** ***šu-š***
Вася одежда-ACC сушить-CVB бросить-AOR[.3SG]
Ожидаемое значение: 'Вася **высушил** бельё.'

С другой стороны, наличие шкалы оказывается и вовсе необязательным. Так, глагол *šuaš* образует сложные глаголы от таких антиинкрементальных [Татевосов 2015] глаголов, как *puštaš* 'убить' и *käräš* 'порвать'.

(12) a. *tədə šərtə-m vəc minut* ***kər-ən***
тот нитка-ACC 5 минута рвать-PRF[.3SG]
'Он рвал (=**пытался порвать**) нитку пять минут.'

b. *tədə šərtə-m* ***kər-ən***
тот нитка-ACC рвать-PRF[.3SG]
'Он **порвал** нитку.'

c. *tədə šərtə-m* ***kər-ən*** ***šu-š***
тот нитка-ACC рвать-CVB бросить-AOR[.3SG]
'Он **порвал** нитку.'

Как показывает (12a), длительная интерпретация глагола *käräš* — это череда неудачных попыток изменить состояние нитки. Вместе с тем этот глагол в своей предельной интерпретации описывает мгновенное изменение состояния верёвки — как в (12b). Несмотря на то, что изменение состояния нитки наступает только по завершению инициирующего подсобытия, этот лексический глагол сочетается с *šuaš*, как показано в (12c).

Ещё один возможный источник значения исчерпанности — это наличие событийной вершины res с соответствующим значением. В таком случае предел действия определяется моментом, когда Претерпевающий становится Носителем состояния исчерпанности, то есть тогда, когда продолжение изменения его состояния невозможно или не приносит контекстно релевантного результата. Такая событийная структура не противоречит ни сложным глаголам с антиинкрементальными лексическими глаголами типа *puštaš* 'убить' и *käräš* 'порвать', ни сложным глаголам со значением полноты охвата, как *siren šuaš* 'исписать' или *čəmen šuaš* 'испинать'. Кроме того, она объясняет, почему у глаголов физического воздействия типа *čəmalaš* 'пнуть' возникает интерпретация затронутости: лёгкий глагол навязывает такую интерпретацию, согласно которой физическое воздействие достигло успеха, и больше попыток не потребуется.

Однако надёжно проверить сложные глаголы с *šuaš* на наличие результирующего состояния, к сожалению, не представляется возможным: в подавляющем большинстве случаев лёгкий глагол *šuaš* сочетается с глаголами уничтожения, которые не предполагают временный характер результирующего состояния, а значит, к нему не получится применить традиционные тесты, такие как модификация обстоятельством длительности или включение в сферу действия репетитивного оператора.

Итак, мы знаем, что лёгкий глагол *šuaš* имеет в своей структуре события событийные вершины init и proc, а также обязательных Инициатора и Претерпевающего, не кореферентных друг другу. Кроме того, возможно, в структуре события лёгкого глагола есть событийная вершина res, привносящая семантику исчерпанности действия.

Однако даже в таком «строгом» виде анализ событийной структуры лёгкого глагола *šuaš* делает слишком слабые предсказания. Например, он не способен объяснить, почему *šuaš* не может образовать сложные глаголы в сочетании с глаголами обработки пациентивного участника типа *ut'užaš* ‘гладить’ или *mə̂škaš* ‘мыть’:

(13) **vas'a* *miskä-m* ***mə̂šk-ə̂n*** ***šu-š***
Вася миска-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]
Ожидаемое значение: ‘Вася **вымыл** тарелку.’

Так, ситуация мытья полностью удовлетворяет предложенной нами схеме событийной структуры: агентивный участник изменяет состояние отличного от него пациентивного участника до максимально возможной степени. Тем не менее, глагол *mə̂škaš* ‘мыть’ сочетается с *šuaš* только при условии множественности объекта:

(14) *vas'a* ***cilä*** ***miskä-m*** *mə̂šk-ə̂n* *šu-š*
Вася весь тарелка-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]
‘Вася перемыл **все тарелки**.’

За счёт чего возникает такое ограничение? Очевидно, анализ, в котором лёгкий глагол *šuaš* требует обязательности множественного участника, будет делать неправильные предсказания, поскольку *šuaš* не требует множественности участника от глаголов уничтожения и удаления пациентивного участника.

Согласно нашему анализу, причиной такого ограничения служат дополнительные требования лёгкого глагола *šuaš* к процессуальному подсобытию. Так, мы предполагаем, что глагол *šuaš* требует от процессуального подсобытия лексического глагола, чтобы то имело свойство атомарной референции (как оно определено в статье М. Крифки [Krifka 1989] и позднее применено в [Лютикова и др. 2006] для описания семантики мультипликативных глаголов), то есть было представлено в виде совокупности из одного или более атомарных подсобытий. Атомарное подсобытие мы, следуя идее Крифки о понятии атома [Krifka 1989: 78], определяем следующим образом:

(15) Подсобытие e события, описываемого предикатом P, называется атомарным, если никакую собственную часть этого подсобытия нельзя описать с помощью предиката P.

Предлагаемое в нашем анализе требование лёгкого глагола *šuaš* к процессуальному подсобытию в более точном виде звучит следующим образом:

(16) Процессуальное подсобытие, описываемое в сложном глаголе, должно быть представлено в виде суммы одного или более атомарных подсобытий e, изменяющих Претерпевающего до такой степени, что продолжение цепочки подсобытий e_1, e_2, …, e_n с помощью ещё одного подсобытия e_{n+1} невозможно или не приносит контекстно релевантного результата.

Наличие такого требования, наконец, способно объяснить, почему лёгкий глагол *šuaš* сочетается с глаголами обработки пациенса типа *mə̂škaš* ‘мыть’ только в случае множественности объекта. Так, когда Вася моет всего лишь одну тарелку, предел процесса задаётся результирующим состоянием ‘тарелка вымыта’, а собственно процессуальное подсобытие можно охарактеризовать как ‘тарелка моется’. Это подсобытие не обладает свойством атомарной референции, поскольку его нельзя представить в виде совокупности аналогичных друг другу атомарных подсобытий: всякая часть этого события может быть описана как ‘тарелка моется’.

Ситуация ‘Вася вымыл все тарелки’ устроена принципиально иначе. Так, мы имеем атомарные подсобытия, каждое из которых можно охарактеризовать как ‘тарелку помыли’, и последнее такое подсобытие e_n — это ‘помыли последнюю тарелку’. После того, как была вымыта последняя

тарелка, завершилось более глобальное событие — мытьё множества из десяти тарелок, и вымыть ещё одну тарелку не представляется возможным. В случае эксплицитного указания на неполноту охвата предложение со сложным глаголом вызывает трудности у некоторых носителей, см. пример из [Кашкин 2018a: 121]:

(17) *ʔmən’ lu törölkä-m mâšk-ân šu-en-äm,*
я 10 тарелка-ACC мыть-CVB бросить-PRF-1SG

vəz-ət eče kod-ân
5-FULL ещё оставаться-PRF[.3SG]
‘Я 10 тарелок вымыл, **5 ещё осталось**.’

Такое объяснение на первый взгляд кажется неудачным в случае с глаголами смены собственности типа *vâžalaš* ‘продать’: эти глаголы обладают атомарной референцией и по идее должны сочетаться с *šuaš* без ограничений, но, тем не менее, согласно [Кашкин 2018b], атомарные контексты оказываются менее приемлемыми[2]. Однако этому есть объяснение: согласно [Ramchand 2008], в дефолтном случае позицию Претерпевающего (и Носителя результирующего состояния) у битранзитивных глаголов занимает не тема, а бенефициар. Сама же тема занимает позицию комплемента результирующего состояния. Вероятно, лёгкий глагол *šuaš* «смотрит» только на дополнение в аккузативе, и Претерпевающий в дативе его не устраивает — отсюда и происходит крах деривации.

Однако почему тогда глаголы типа *vâžalaš* ‘продать’ лучше сочетаются с *šuaš* при условии множественности объекта-темы? Наше объяснение состоит в следующем: конфигурация, в которой роль Претерпевающего занимает именно бенефициар — не единственно возможная. Как отмечается в той же работе [Ramchand 2008], у битранзитивных глаголов есть и другая конфигурация, в которой Претерпевающим становится как раз тема, а бенефициар находится в Реме res. Такая конфигурация как раз оказывается предпочтительнее в случае полноты охвата: предел процесса определяется не исчерпанностью бенефициаров, а исчерпанностью множества объектов смены принадлежности, соответственно, объект-тема оказывается более затронут.

---

[2] Автор выражает благодарность П. М. Аркадьеву, указавшему на эту проблему.

Заметим, что в нашей формулировке селективных ограничений телисизатора *šuaš* ‘бросить’ ничего не сказано о временной соотнесённости атомарных подсобытий друг с другом. Мы намеренно избегаем такого уточнения, поскольку сложные глаголы с *šuaš* могут описывать в том числе и события, происходящие одновременно. В качестве доказательства приведём наглядный пример из статьи [Кашкин 2018b: 124–125]:

(18) a. *kečə* *mə̂čkə̂* *pazar-ə̂stə̂* *ə̂l-ə̂n-am,* *cilä* *olma-m*
день по базар-IN быть-PRF-1SG все яблоко-ACC

və̂žal-en ***šu-en-äm***
продавать-CVB бросить-PRF-1SG
‘Я целый день была на рынке, **распродала** все яблоки.’

b. *mən’* *cilä* *olma-m* *vas’a-lan*
я все яблоко-ACC Вася-DAT

və̂žal-en ***šu-en-äm***
продавать-CVB бросить-PRF-1SG
‘Я **продала** все яблоки Васе.’

Разберём эти предложения подробнее. Первое из них описывает ситуацию, состоящую из нескольких разнесённых во времени атомарных подсобытий продажи яблока. Все требуемые условия соблюдаются: атомарные подсобытия аналогичны друг другу и каждое из них уменьшает состав яблок на одну штуку, а в конце не остаётся ни одного яблока, которое можно было бы продать. Как явствует из работы, второе предложение описывает аналогичную ситуацию, но все яблоки продаются в одно и то же время и одному и тому же человеку. Однако наш анализ способен объяснить и такие примеры. В самом деле, несмотря на то, что ситуация продажи яблок моментальна или близка к таковой, её можно представить в виде суммы одновременных подсобытий продажи каждого из яблок, причём останется верным, что каждое из яблок продаётся сходным образом и что смена собственности каждого из яблок уменьшает множество яблок агентивного участника ровно на один фрукт. В ситуации, когда яблоки продаются Васе скопом, например, в пакете, в качестве e_n можно выбрать любое из подсобытий смены яблоками собственности — главное, что невозможно событие e_{n+1}, предполагающее продажу ещё одного яблока.

Наш анализ предсказывает и сочетаемость телисизатора *šuaš* с глаголами, обозначающими моментальное вхождение в состояние, то есть пунктивными или антиинкрементальными глаголами уничтожения и разрушения объекта. Так, верно, что изменение состояния, описываемое пунктивным глаголом *puštaš* ‘убить’, происходит моментально, и после его осуществления повторное воздействие такого рода над тем же объектом уже невозможно.

Наш анализ предсказывает наличие двух значений у сложных глаголов от некоторых глаголов уничтожения (примеры взяты из [Кашкин 2018b: 124]):

(19) a. *vas’a* *t’etrad’* *l’ist-ӓm* ***kok-t-eš***
Вася тетрадь лист-ACC два-FULL-LAT

kə̂šked-Ø ***šu-en***
рвать-CVB бросить-PRF[.3SG]
‘Вася **разорвал** тетрадный лист **пополам**.’

b. *vas’a* *t’etrad’* *l’ist-ӓm* *tə̂gə̂də̂* ***laštə̂k-vlä-eš***
Вася тетрадь лист-ACC мелкий кусок-PL-LAT

kə̂šked-Ø ***šu-en***
рвать-CVB бросить-PRF[.3SG]
‘Вася **разорвал** тетрадный лист **на мелкие кусочки**.’

Первое значение, представленное в (19a), представляет из себя атомарное подсобытие рвания, в ходе которого листок тетради вошёл в необратимое состояние нарушенной целостности. Второе, представленное в (19b), описывает ситуацию, состоящую из цепочки атомарных рваний листка, которая кульминировала в тот момент, когда стало невозможно делить части листа на более мелкие части — и тоже наступило необратимое состояние, только в этот раз оно представляет из себя исчерпание потенциала бывшего листа бумаги делиться на части.

Потенциальной проблемой для нашего анализа является то, что лёгкий глагол *šuaš* как минимум в некоторых идиолектах сочетается с глаголами потенциально длительного воздействия агенса на объект типа *jə̂lataš* ‘сжечь’ и *šə̂lataš* ‘растопить’. Действительно, эти глаголы описывают события, которые чаще всего не моментальны, однако верно ли, что они при этом не атомарны? Можно заметить, что эти два глагола имеют в своей

структуре события Претерпевающего — инкрементальную тему [Татевосов 2015], исчезающего в ходе процессуального подсобытия, причём конечная точка процессуального подсобытия определяется моментом исчезновения объекта. Интересно, что для некоторых носителей есть контраст между примерами (20a) и (20b):

(20) a. *vas'a* ***i-m*** *šə̂l-at-en* *šu-en*
Вася лёд-ACC таять-TR-CVB бросить-PRF[.3SG]
'Вася растопил **лёд**.'

b. ?*vas'a* ***paj-ə̂m*** *šə̂l-at-en* *šu-en*
Вася мясо-ACC таять-TR-CVB бросить-PRF[.3SG]
'Вася разморозил **мясо**.'

Существенное отличие примера (20b) от (20a) состоит в том, что объект уже не является инкрементальной темой: после кульминации процесса мясо не исчезает, а лишь обретает свойство 'быть размороженным'. В таком случае предел события определяется не внутри процессуального подсобытия, а в момент достижения этого состояния — и процессуальное подсобытие перестаёт быть атомарным в нашем понимании. Похожим образом, вероятно, можно объяснить и сочетаемость *šuaš* с инкрементальными глаголами удаления типа *jogtaraš* 'вылить': предел действия задаётся не вхождением в состояние «быть вылитой», а мереологическими свойствами воды.

Такие селективные ограничения, которые в рамках нашего анализа требует глагол *šuaš*, конечно, выглядят на первый взгляд неестественно сложными и потому надуманными. Однако, если мы сравним эти структурные требования с ситуацией собственно бросания, многое станет гораздо более понятным и естественным.

Так, глагол *šuaš* обозначает ситуацию БРОСАТЬ. Согласно [Мордашова 2017], глагол *šuaš* может задавать только единственный бросок, а серию бросков описывает глагол *käškäš* (пример взят из [ibid.: 1]):

(21) a. *anž-ə̂šə̂* *art'ist* *vəkə* *pomidor-ə̂m*
смотреть-PTCP.ACT артист на-ILL2 помидор-ACC

šu-š / **käšk-äš***
бросить-AOR[.3SG] бросать-AOR[.3SG]
'Зритель **бросил** в артиста помидор.'

b. *anžə̂-šə̂* *art’ist* *vəkə̈* *pomidor-vlä-m*
смотреть-ATTR артист на помидор-PL-ACC

käšk-äš / ****šu-š***
бросать-AOR[.3SG] бросить-AOR[.3SG]
‘Зритель **бросал** в артиста помидоры.’

c. *ərvezə̈-vlä* *okn’a* *gəc* *mənə̂-vlä-m* ***käšk-en-ät***
мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC бросать-PRF-3PL
‘Мальчики **бросали** яйца из окна.’

d. *ərvezə̈-vlä* *okn’a* *gəc* *mənə̂-vlä-m* ***šu-en-ät***
мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC бросить-PRF-3PL
‘Мальчики **бросили** яйца из окна (все разом).’

Однако приведённые примеры, на наш взгляд, не доказывают строго, что глагол *šuaš* не используется при описании множественного броска. Примеры (21a) и (21b) отличаются не только по параметру количества бросков, но и, судя по переводу, по параметру предельности[3]. Как отмечает сам автор, глаголы *käškäš* и *šuaš* отличаются по своим акциональным характеристикам: глагол *käškäš* относится к акциональному классу <P, P>, а глагол *šuaš* — к акциональному классу <ES, P> в понимании [Татевосов 2015]. Примеры (21c) и (21d) приводятся без дополнительных языковых средств, блокирующих альтернативные сценарии.

Согласно нашим собственным данным, в большинстве идиолектов глагол *šuaš* способен описывать множественные броски, если задать контекст с очевидно предельной интерпретацией:

(22) *vas’a* *küer-vlä-m* ***pačelä-pačelä*** *vəc* *minut-ə̂štə̂*
Вася камень-PL-ACC друг.за.другом 5 минута-IN

vəd-əš ***šu-en***
вода-ILL бросить-PRF[.3SG]
‘Вася **бросил** камни **друг за другом** в воду за 5 минут.’

[3] Мы исходим из предположения, что звёздочка над глаголом *šuaš* в примере (21b) означает, что этот глагол неприемлем при заданном переводе, а не в принципе в таком предложении. В противном случае трактовка примера противоречила бы логике автора, согласно которой бросание всех помидоров разом должно оставаться допустимым контекстом для *šuaš*.

Так, в примере (22) описывается ситуация, которая кульминирует в тот момент, когда кончается множество камней, которые может бросить человек — то есть, другими словами, в момент исчерпанности действия. Возможно, именно такие контексты, как в (22), и послужили источником для грамматикализации глагола *šuaš* в маркер полноты охвата.

Итак, если принять, что лексический глагол *šuaš* на самом деле может обозначать как один бросок, так и несколько, то можно предложить следующую гипотезу: атомарные подсобытия, наличия которых лёгкий глагол *šuaš* требует от лексических глаголов — это бывшие атомарные подсобытия бросков, утратившие свой идиосинкратический компонент значения.

Дополнительный аргумент в пользу нашей гипотезы — это разница в селективных ограничениях между лёгкими глаголами *šuaš* и *käškäš*[4]. Так, в статье [Кашкин 2018b] разбираются несколько контекстов, в которых селективные ограничения тезисизаторов различаются. Во-первых, согласно [Кашкин 2018b], в отличие от *šuaš*, *käškäš* не сочетается с пунктивными глаголами разрушения при условии единственности объекта [ibid.: 124]:

(23) a. *püergə* ***pi-m***
мужик собака-ACC

pušt-en ***šu-en*** / ****pušt-en*** ***käšk-en***
убить-CVB бросить-PRF[.3SG] убить-CVB бросать-PRF[.3SG]
‘Мужик **убил собаку**.’

b. *püergə* ***pi*** ***part’ə-m***
мужик собака стая-ACC

pušt-en ***šu-en*** / ***pušt-en*** ***käšk-en***
убить-CVB бросить-PRF[.3SG] убить-CVB бросать-PRF[.3SG]
‘Мужик **убил стаю собак**.’

Во-вторых, *käškäš* реагирует не только на множественность объекта, но и на множественность ситуации, поэтому он не сочетается с глаголами уничтожения, если эксплицитно указано, что произошло деление на две части, поскольку это указывает на единичность атомарного подсобытия [Кашкин 2018b: 124]:

[4] Напомним, что глагол *käškäš* ‘побросать’ также грамматикализовался в лёгкий глагол-телисизатор [Кашкин 2018b].

(24) a. *vas'a* *polenä-m* ***pele*** ***loš***
Вася полено-ACC половина пополам

šel-ən ***šu-en*** / **šel-ən* ***käšk-en***
колоть-CVB бросить-PRF[.3SG] колоть-CVB бросать-PRF[.3SG]
'Вася **расколол** полено **пополам**.'

b. *vas'a* *polenä-m* ***šukə̂*** ***laštə̂k-eš***
Вася полено-ACC много кусок-LAT

šel-ən ***šu-en*** / ***šel-ən*** ***käšk-en***
колоть-CVB бросить-PRF[.3SG] колоть-CVB бросать-PRF[.3SG]
'Вася **расколол** полено **на много частей**.'

Как отмечает и сам Е. В. Кашкин, различное поведение *šuaš* и *käškäš* предсказывается различием в их исходных значениях: *šuaš* может обозначать единичный бросок, а *käškäš* — только серию бросков, и поэтому для *käškäš* важна семантика множественности, в результате чего телисизатор требует множественности объекта и результата. Для нашего анализа этот вывод полезен по следующей причине: возможность обозначать единичный бросок — это то, что не может *käškäš*, но может *šuaš*. Тогда наша гипотеза о том, что атомарные события лёгкого глагола соответствуют одиночным броскам лексического глагола, предсказывает, что лёгкий глагол *käškäš* не будет сочетаться с глаголами, состоящими из одного атомарного подсобытия, ограничившись только ситуациями, описывающими цепь атомарных событий — именно это, судя по данным из статьи [Кашкин 2018b], оказывается одним из важнейших отличий *käškäš* от *šuaš*. Напоследок отметим, что такая разница между телисизаторами предсказывает, что оба телисизатора должны сочетаться с глаголами пациентивной обработки и смены собственности в случае множественности участника, что соответствует действительности, см. примеры из [Кашкин 2018b: 123]:

(25) a. *mən' cilä* *ploška-m* ***mə̂šk-ə̂n*** ***käšk-äš-əm***
я все плошка-ACC мыть-CVB бросать-AOR-1SG
'Я **вымыла** все плошки.'

b. *jel'cin* *cilä* *zavod-ə̂m* ***və̂žal-en*** ***käšk-en***
Ельцин все завод-ACC продавать-CVB бросить-PRF[.3SG]
'Ельцин **распродал** все заводы.'

Мы, разумеется, не собираемся предлагать в рамках данной работы анализ лёгкого глагола *käškäš*, тем более, что, согласно [Кашкин 2018b], множественность ситуации — не единственное, что определяет различия между двумя телисизаторами (см., например, рассуждение о том, что *käškäš* сочетается только с контролируемыми предикатами, а также о невозможности *käškäš* сочетаться с глаголами созидания даже при условии множественности участника). Обращение к контекстам употребления *käškäš* нужно нам лишь для того, чтобы доказать, что атомарные события, представленные в структуре лёгкого глагола *šuaš* — это действительно «бывшие броски», задающие требование телисизатора к наличию у лексического глагола атомарной референции.

Свойство атомарной референции также позволяет нам построить альтернативный анализ лёгкого глагола без участия событийной вершины res. Так, можно предположить, что предельная интерпретация и значение полноты охвата, наблюдаемое у *šuaš* в контекстах событийной множественности, может следовать из инкрементальности множества Претерпевающих, а предельность в контекстах моментальных действий следует из того, что событие атомарно, то есть квантовано.

5. Заключение

Итак, в настоящей статье мы предложили структурно-событийный анализ лёгкого глагола *šuaš*, который способен предсказать как селективные ограничения телисизатора, так и семантику исчерпанности, которую вводит этот лёгкий глагол. Так, структура события *šuaš* состоит из событийных вершин init и proc с некореферентными Инициатором и Претерпевающим, причём вершина proc задаёт процессуальное подсобытие с обязательной атомарной референцией. Также, по всей видимости, в структуре события лёгкого глагола *šuaš* есть событийная вершина res со значением исчерпанности Носителя результирующего состояния. Мы также допускаем альтернативный вариант анализа: событийной вершины res в структуре не представлено, а значение исчерпанности следует собственно из процессуального подсобытия.

Продолжая логику работы [Кашкин 2018b], мы постарались показать, что такое поведение лёгкого глагола *šuaš* не случайно и в значительной степени предсказывается устройством его лексического источника. Так, лексический глагол *šuaš*, как и его грамматикализованный вариант,

содержит событийные вершины init и proc с некореферентными Инициатором и Претерпевающим, а требование к атомарной референции proc следует из того, что глагол обозначает серию из одного или нескольких атомарных подсобытий-бросков, которые с ходом грамматикализации утратили идиосинкратический компонент, но остались в структуре события. Наконец, лексический глагол *šuaš* ‘бросить’ также содержит в себе идею исчерпанности Претерпевающего: в случае с единственным броском это проявляется в необходимом изменении положения камня в пространстве, а в случае с множественным — в исчерпании множества доступных камней.

Условные обозначения и сокращения

1, 3 — лица; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; COM — комитатив; CVB — нейтральное деепричастие; DAT — датив; EL — элатив; EMPH — фокусная частица; FULL — полная форма; ILL — иллатив; ILL2 — второй (непродуктивный) иллатив; IN — инессив; INCH — инхоатив; LAT — латив; NMN.ACT — номинализация типа «имя действия»; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PRF — перфект; PROP — проприетив; SG — единственное число; SMF — семельфактив; TR — транзитивизатор (непродуктивный контактный каузатив).

Литература

Гращенков 2015 — Гращенков П.В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Grashchenkov P.V. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya [Turkic converbs and serialization: Syntax, semantics and grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]

Голосов (в печати) — Голосов Ф.В. Лёгкие глаголы-телисизаторы горномарийского языка: грамматическая семантика и дистрибуция // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XV, 2, 2019. В печати. [Golosov F.V. Legkie glagoly-telisizatory gornomariiskogo yazyka: grammaticheskaya semantika i distributsiya [Telicizing light verbs: Semantics and distribution]. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of RAS XV, 2, 2019. In press.]

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006. [Lyutikova E.A., Tatevosov S.G., Ivanov M.Yu., Pazel'skaya A.G., Shluinskii A.B. Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: IMLI RAN, 2006.]

Кашкин 2018а — Кашкин Е.В. О семантике сложных глагольных комплексов в горномарийском языке: конструкции со значением достижения предела // Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2018. С. 110–129. [Kashkin E.V. O semantike slozhnykh glagol'nykh kompleksov v gornomariiskom yazyke: konstruktsii so znacheniem dostizheniya predela [On semantics of complex verb construc-

tions in Hill Mari: Completive constructions] // Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statei po materialam Shestoi konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh”. Moscow: Institute of Linguistics RAS, Kantsler, 2018. Pp. 110–129.]

Кашкин 2018b — Кашкин Е.В. К типологии семантического развития глаголов со значением ‘бросать’: данные горномарийского языка // Урало-алтайские исследования, №4, 2018. С. 112–129. [Kashkin E.V. K tipologii semanticheskogo razvitiya glagolov so znacheniem ‘brosat'': dannye gornomariiskogo yazyka [Towards the typology of semantic shifts undergone by verbs of throwing: Evidence from Hill Mari] // Ural-Altaic Studies, №4, 2018. Pp. 112–129.]

Мордашова 2017 — Мордашова Д.Д. Особенности лексико-семантического поля бросания в горномарийском языке (на материале говора с. Кузнецово) // Тезисы чтений к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ, 3 – 4 марта 2017 г.), 2017. [Mordashova D.D. Osobennosti leksiko-semanticheskogo polya brosaniya v gornomariiskom yazyke (na materiale govora s. Kuznetsovo) [Specifics of the lexical-semantical field of throwing in Hill Mari (based on the sub-dialect of the Kuznetsovo village)] // Proceedings of A. I. Kuznetsova Memorial Lectures (MSU, 3 – 4 March 2017), 2017.]

Пенгитов и др. 1961 — Пенгитов И.Т., Галкин И.С., Исанбаев Н.И. и др. Современный марийский язык: морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. [Pengitov I.T., Galkin I.S., Isanbaev N.I. et al. Sovremennyi mariiskii yazyk: morfologiya [Modern Mari: Morphology]. Ioshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1961.]

Татевосов 2015 — Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Tatevosov S.G. Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya [Actionality in lexicon and grammar. Verb and event structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]

Чхаидзе 1960 — Чхаидзе М.П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. [Chkhaidze M.P. Sparennye glagoly v mariiskom yazyke [Paired verbs in Mari]. Ioshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1960.]

Bradley 2016 — Bradley J. Mari converb constructions: Productivity and regional variance. Doctoral Thesis. Wien: Universität Wien, 2016.

Krifka 1989 — Krifka M. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. Semantics and contextual expression. Bartsch R., van Benthem J., von Emde Boas P. (eds.). Dordrecht: Foris, 1989.

Lambrecht 1994 — Lambrecht K. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge university press, 1994.

Ramchand 2008 — Ramchand G.C. Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax (Vol. 116). Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Rappaport-Hovav&Levin 1998 — Rappaport-Hovav M., Levin B. Building verb meanings. The projection of arguments: Lexical and compositional factors. Geuder W. (ed.). Stanford: CSLI Publications, 1998. Pp. 97–134.

Статья поступила в редакцию 15.11.2019
The article was received on 15.11.2019

Фёдор Валентинович Голосов
стажёр-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Fedor V. Golosov
research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

golosovfv@gmail.com

Артикли в рутульском языке*

П. Л. Наследскова
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Числительное ‘один’ и указательные местоимения являются типологически частыми источниками грамматикализации артиклей. Рутульское числительное *sa* ‘один’ и указательные местоимения часто используются в текстах в функциях, которые есть и у артиклей. Данные рутульского языка показывают, что принадлежность *sa* к классу артиклей остаётся под вопросом, однако его можно считать референциальным маркером. Указательные местоимения, с другой стороны, нельзя считать артиклями, потому что они не имеют ключевых для определённых артиклей функций, таких как маркирование уникальных объектов.

Ключевые слова: артикли, референциальность, рутульский, нахско-дагестанские, грамматикализация.

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования №19-04-040 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Выражаю благодарность рутульской экспедиции и А. В. Подобряеву за обсуждение материала, а также И. Неткачеву, Т. А. Майсаку и В. Морозовой за помощь при подготовке статьи.

ARTICLES IN RUTUL*

Polina Nasledskova
National Research University Higher School of Economics

Numeral 'one' and demonstratives are usual sources of grammaticalization of articles in the languages of the world. Rutul numeral *sa* 'one' and demonstratives are widely used in texts in functions close to those of articles. Rutul data show that even though it is questionable whether *sa* can be considered an article, it can be considered a referential marker. On the other hands, demonstratives do not have properties which would be crucial for defining them as articles. They, therefore, are not considered articles.

Keywords: articles, referentiality, Rutul, East Caucasian, grammaticalization.

* The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019–2020 (grant №19-04-040) and by the Russian Academic Excellence Project "5–100".

I am grateful to the Rutul field team and A. V. Podobryayev for the discussion of the data. I also thank I. Netkachev, T. A. Maisak and V. Morozova for their help with the article.

1. Введение

В языках мира неопределённые и определённые артикли часто совпадают по внешней форме с числительным ‘один’ и указательными местоимениями соответственно. В выборке [Dryer 2013a] в 112 из 534 языков в качестве неопределённого артикля используется числительное ‘один’, тогда как в 69 языках из 620 [Dryer 2013b] используется определённый артикль, идентичный указательному местоимению.

Рутульский язык (<лезгинский<нахско-дагестанский) традиционно считается безартиклевым: в описаниях рутульского [Ибрагимов 1978; Alekseev 1994; Махмудова 2001] артикли не упоминаются. Однако если посмотреть на тексты, оказывается, что числительное *sa* ‘один’ и указательные местоимения употребляются очень часто, что наталкивает на мысль, что их функции шире, чем просто указание на число объектов и пространственное расположение соответственно. Цель настоящей статьи — определить, имеют ли упомянутые выше единицы свойства, характерные для артиклей.

Возможность употребления указанных выше единиц в качестве артиклей отмечалась и исследователями других лезгинских языков. Так, в агульском [Ганенков и др. 2009], лезгинском [Haspelmath 1993: 230] и арчинском [Кибрик 1977: 333] числительное ‘один’ может употребляться в функции неопределёного артикля. Для арчинского, при этом, упоминается и употребление указательных местоимений в качестве определённого артикля [Кибрик 1977: 333].

В разделе 2 я даю общие сведения о рутульском языке, необходимые для интерпретации примеров. В разделе 3 я показываю, что числительное ‘один’ в рутульском языке имеет свойства, характерные для референциальных маркеров и неопределённых артиклей. В разделе 4 я привожу данные, показывающие, что рутульские указательные местоимения не имеют необходимых функций для причисления их к классу артиклей. Раздел 5 содержит подведение итогов.

2. Общие сведения о рутульском языке

Рутульский язык относится к лезгинской ветви нахско-дагестанской языковой семьи. На нём говорят около 35000 человек. Большая часть носителей живёт на юге Дагестана и в некоторых сёлах на севере Азербайджана.

Настоящая работа основана на данных говора села Кина (Рутульский район, Дагестан). Использованные данные включают в себя корпус текстов (4157 токенов), собранных во время полевой работы в 2016–2018 гг., и данные элицитации 2019 г.

Базовый порядок слов в рутульском языке — SOV. Рутульский — эргативный язык, причём это касается и падежного маркирования аргументов, и глагольного согласования по роду. Существительные в рутульском языке изменяются по падежам и числам (единственное и множественное). Для образования всех падежей, кроме абсолютива, используется косвенная основа, причём показатели косвенной основы единственного и множественного числа различны.

В рутульском существует три указательных местоимения, отличающихся степенью дальности: *mi* ‘этот’, *ha* ‘тот’, *ti* ‘тот дальний’.

3. *sa* ‘один’ и неопределённые артикли

Числительное ‘один’ в языках мира является частым источником грамматикализации неопределённого артикля [Heine, Kuteva 2002: 220]. В случае, если в языке этот процесс прошёл не до конца, встаёт вопрос о том, как отличить числительное от неопределённого артикля. Работы, посвящённые этому вопросу [Heine, Kuteva 2006; Givón 1978; Becker 2018], сходятся в том, что, чтобы разграничить числительное и артикль, нужно рассматривать функции, которые оно может иметь. Так, одним из главных тестов является возможность употребления числительного в неопределённых (как неопределённо-референтных, так и нереферентных) контекстах.

3.1. Функции *sa*

В [Becker 2018: 56] выделяется 4 типа контекстов, с помощью которых можно различить числительное и артикль: (i) исчисление, индивидуализация, (ii) интродуктивная функция, (iii) неопределённо-референтная функция, (iv) нереферентная функция. Исчисление — указание на количество объектов (прямая функция числительного), индивидуализация — выделение одного объекта из множества. Следующие функции — это возможность употребления в том или ином типе контекстов:

- **интродуктивные** контексты вводят важных для повествования топикальных референтов;

- **неопределённо-референтные** контексты: те, в которых референт известен говорящему, но неизвестен адресату [Lambrecht 1994: 81];
- **нереферентные** контексты: те, в которых ни один из участников коммуникации не может установить референта высказывания [Lambrecht 1994: 81].

Следующие примеры показывают употребление *sa* в перечисленных выше функциях.

- **исчисление**

(1) *ha-d* ***sa*** ***edemi-je-d*** *gwalaχ* *diš,*
тот-ATTR один человек-OBL-ATTR работа NO

ha-d *xib-dɨ* *juq'-dɨ* *edemi-je-d* *gwalaχ* *w-iʔi*
тот-ATTR три-ATTR четыре-ATTR человек-OBL-ATTR работа 3-COP1
'Это работа не для одного человека, это работа для трёх–четырёх человек.'

В (1) один человек противопоставляется трём-четырём, то есть речь идёт о количестве объектов.

- **индивидуализация**

(2) *q'^{w}a^{ʕ}-r* *χɨnɨχ* *χa-ni* *d-iʔi,*
два-1 ребёнок ASIDE.быть-CVB HPL-COP1

sa ***χɨnχ-ɨ-d*** *juq'u-d* *sen* *xu-d* *sen=kal-dɨ* *jiʔi,*
один ребёнок-OBL-ATTR четыре-4 год пять-4 год=SIMIL-ATTR 1.COP1

sa=xa *t'it'-e-χda* *gi-d* *k'aʔ-dɨ* *jiʔi*
один=ADD грудь-OBL-SUB UNDER.быть-ATTR маленький-ATTR 1.COP1
'С ней были двое детей, один четырёх–пяти лет, другой — грудной.'

В (2) говорящий последовательно описывает по одному объекту из множества, в данном контексте *sa* употреблено в индивидуализирующей функции.

- **интродуктивная функция**

(3) *nik'alaj* *waχt-inde* *daʁɨstan-d-e* ***sa*** ***ʁačaχ*** *jiʔi-j*
царский время-TMP Дагестан-OBL-IN один разбойник 1.COP1-PST
'В царские времена в Дагестане жил один разбойник.'

(3) — первое предложение текста, повествующем о разбойнике. Его первое упоминание сопровождается *sa*.

- **неопределённо-референтная функция**

(4) *salat'* *jiši-r* *iz-di* *sus-u* ***sa*** ***mad-di***
запасть 1.стать.PFV-CVB я-ATTR невестка-SUP один другой-ATTR
'На нашу невестку запал другой.'

Следует пояснить контекст примера (4). Текст, из которого взято это предложение, повествует о переехавшей в село новой семье. У невестки из этой семьи появился воздыхатель, что не понравилось её свёкру, который решил поговорить об этом со старшиной села. Данную фразу произносит свёкр, а адресована она старшине села; говорящему знаком референт, обозначаемый группой с *sa*, а адресату — нет, следовательно, это неопределённо-референтный контекст.

В сочетании с вопросительными словами *sa* также интерпретируется неопределённо-референтно (5).

(5) *wa-s* *haja* ***sa*** ***šuw*** *ʁagu-r=a-ma?*
ты-DAT там один что 4.видеть.PFV-CVB=быть-Q
'Что ты там видел?'
(комментарий носителя: «Когда намекают на что-то».)

- **нереферентная функция**

(6) *g^{w}alaχ* *w-a?a-r=a* ***sa*** ***tike*** ***xɨw-a-d*** *badana*
работа 3-делать.IPFV-CVB=быть один кусок хлеб-OBL-ATTR для
'(Они) работали ради куска хлеба.'

(7) *za-d* *lešu-r=diš* ***sa*** ***kitab***
я-ERG 4.брать.PFV-CVB=NO один книга
'Я не купил ни одной книги.'

Кусок хлеба в (6) и книга в (7) не имеют конкретного референта, значит, это нереферентные употребления.

Однако *sa* возможно не во всех нереферентных контекстах. В [Gorishneva 2009: 40] среди важных для определения неопределённого артикля контекстов выделяются генерические и предикативные.

В рутульском языке в генерических контекстах используются именные группы во множественном числе, с которым *sa* несовместимо (см. раздел 3.2).

(8) a. ***get-eši-χda*** *juq'u-d* *ʁil* *gi*
кошка-OBL.PL-POST четыре-4 нога UNDER.быть
'У кошек (вообще) четыре ноги.'

b. ***sa*** ***get-i-χda*** *juq'u-d* *ʁil* *a*
один кошка-OBL-POST четыре-4 нога быть
'У (некой) кошки четыре ноги.'

В предикативных контекстах *sa* может быть употреблено только в функции числительного.

(9) *rasul* ***sa*** ***maʕʔlim*** *jiʔi*
Расул один учитель COP1
'Расул — единственный учитель (в селе или в школе).'

Тем не менее, возможности употребления *sa* хотя бы в части нереферентных контекстов достаточно, чтобы утверждать, что *sa* встречается в неопределённых контекстах.

3.2. *sa* — не только числительное?

Возможность употребления *sa* в неопределённых контекстах — недостаточное условие для того, чтобы с уверенностью сказать, что в них оно употребляется не как числительное, так как другие количественные числительные в языках мира тоже встречаются в таких контекстах:

(10) a. *Я ищу* ***двух секретарш*** *— они ушли за кофе сегодня утром и с тех пор не появлялись.* (определённый контекст)

b. *Я ищу* ***двух секретарш*** *— одну машинистку и одну для работы с файлами.* (неопределённый контекст) [Ionin, Matushansky 2018: 17]

Тем самым, необходимы дополнительные аргументы в пользу того, что *sa* в неопределённых контекстах может обозначать не только количество объектов.

Таким аргументом могла бы быть возможность употребления *sa* с именными группами, которые обозначают более одного объекта. Такое возможно, например, в агульском, близкородственном рутульскому:

(11) *ǯe* *χul.a-s* ***sa*** ***qːari-jar*** *š.u-ne*
POSS:2PL дом-DAT один старуха-PL приходить-PFV-PERF
‘К тебе домой какие-то старые женщины приходили.’
[Ганенков и др. 2009: 8]

Однако в рутульском употребление *sa* с именем во множественном числе в общем случае неграмматично:

(12) **naq’a* ***sa*** ***q’as-dɨ*** ***χɨl-eš-e*** *zɨ*
вчера один старый-ATTR женщина-OBL.PL-ERG я

aramiš *r-aʔa-r = a-j*
искать 2-делать.IPFV-CVB = быть-PST
Ожидаемое значение: ‘Меня вчера какие-то старые женщины искали.’

Сочетание *sa* с именем во множественном числе возможно в том случае, если это имя, несмотря на свою морфологическую форму, обозначает один объект:

(13) *naʔnaˁχan* *zɨ* ***sa*** ***dawat-mɨ-k*** *ki-ni* *jiʔi*
давеча я один свадьба-OBL.PL-INTER CONT.быть-CVB 1.COP1
‘Я вчера ночью на одной свадьбе был.’

Рутульское слово *dawat* ‘свадьба’ имеет формы и единственного, и множественного числа (т.е. не является pluralia tantum), однако и в том, и в другом случае обозначает одно событие.

Помимо этого, *sa* употребляется с сочинёнными группами.

(14) *uq’ulʲa* *zaman-inde* ***sa*** ***ɢari = na*** ***wɨɣɨl*** *d-iši-r*
давний время-TMP один жена = AND муж HPL-стать.PFV-CVB
‘В далёкие времена жили муж с женой.’

В (14) *sa* употреблено в интродуктивной функции. Можно было бы предположить, что в этом примере *sa* относится только к существительному *ɢari* ‘жена’. Однако жена в данном тексте не является более топикальным участником, чем муж, их статус с точки зрения дискурса одинаков. Эта группа при этом не является сложным словом, которое могло бы значить, например «пара», потому что в этом случае между его элементами не было бы сочинительной клитики.

Из этого можно сделать вывод, что *sa* действительно употребляется не только в функции числительного, но и является референциальным маркером неопределённости.

3.3. Артикль ли *sa*?

Возможность маркирования неопределённых именных групп не обозначает, что рассматриваемая единица является неопределённым артиклем. Например, русское *какой-то* является маркером неопределённости, но не причисляется к классу артиклей.

Важное свойство, которое позволяет назвать референциальный маркер артиклем — это его систематическое использование или, в более строгих теориях, обязательность [Becker 2018: 36].

Таблица 1. Распределение *sa* по контекстам

(i) исчисление, индивидуализация	(ii) интродуктивные	(iii) неопределённо-референтные	(iv) нереферентные
10 (22%)	26 (58%)	4 (10%)	5 (11%)

Распределение *sa* по контекстам (Таблица 1) показывает, что наиболее характерным для него является интродуктивное употребление. Однако *sa* не является строго обязательным ни в одном из этих контекстов — те же самые высказывания без *sa* останутся грамматичными. Тем не менее, есть основания считать *sa* не совсем опциональным.

Во-первых, интродуктивные высказывания без *sa* оцениваются носителями как менее приемлемые. В корпусе *sa* есть во всех интродуктивных контекстах, кроме тех случаев, в которых неопределённый артикль также был бы менее ожидаемым, а именно в тех, в которых присутствуют:

- числительные;
- имена собственные;
- посессоры.

Тем самым, в интродуктивных контекстах *sa* используется систематически.

В [Becker 2018] выделяется два типа неопределённых артиклей: собственно неопределённые и интродуктивные. Первые маркируют неопределённые именные группы в любых контекстах, тогда как последние используются систематически преимущественно в интродуктивных контекстах.

Систематическое употребление *sa в* интродуктивных контекстах позволяет считать его интродуктивным артиклем.

Во-вторых, контексты без *sa* не интерпретируются неопределённо-референтно:

(15) a. *wa-s* *haja* ***sa*** ***šuw*** *ʁagu-r=a-ma?*
ты-DAT там один что 4.видеть.PFV-CVB=быть-Q
‘Что (специфичное) ты там видел?’

b. *wa-s* *haja* ***šuw*** *ʁagu-r=a?*
ты-DAT там что 4.видеть.PFV-CVB=быть
‘Что ты там видел?’

Тем самым, принадлежность *sa* к классу артиклей — это вопрос теории. Если определять артикль менее строго — как единицу, которая систематически используется в каких-то типах контекстов и маркирует в них неопределённые именные группы, — *sa* можно считать артиклем. Однако в рамках теорий, где обязательность (т.е. неграмматичность опущения) считается одним из основных свойств артикля, *sa* можно считать референциальным маркером, но не артиклем.

3.4. Грамматикализация *sa* в рутульском языке

Помимо обозначения количества объектов и маркирования неопределённых именных групп, у *sa* есть ещё несколько функций.

Во-первых, *sa* может использоваться в значении ‘только’.

(16) *mama-ra* ***sa*** ***χinime-š-is*** *hiʔi-t’-i-ma* *χinkal?*
мама-ERG один ребёнок.PL-OBL.PL-DAT делать.PFV-ATTR-COP2-Q хинкал
‘Мама приготовила хинкал только для мальчиков?’
[Konovalova 2019]

Стоит отметить, что в этой функции *sa* совместимо с именами во множественном числе.

Данный тип грамматикализации (ONE > ONLY) является типологически частотным [Heine, Kuteva 2002: 222] и характерен, например, и для русского языка.

(17) ***Один Вася*** *не пришёл на пару (другие пришли).*

Помимо этого, сочетание *sa* с количественными числительными может выражать приблизительное значение.

(18) *maršrutka-j-a* ***sa*** ***mɨjer*** *edemi* *a-ni* *d-iʔi*
маршртука-OBL-IN один восемь человек быть-CVB HPL-COP1
‘В маршрутке было около восьми человек.’

Не все носители считают (18) приемлемым, но те, кто разрешает такую конструкцию, переводят её как приблизительную. Это не единственный способ выражения приблизительного количества в рутульском — чаще это выражается употреблением двух последовательных количественных числительных (19).

(19) *q’uˤn-dɨ* *xib-dɨ* *wazɨr-a*
два-ATTR три-ATTR месяц.OBL-IN
‘в течение двух–трёх месяцев’

Тем самым, *sa* не только расширяет своё употребление за счёт неопределённых контекстов, но и претерпевает процесс грамматикализации в других направлениях.

3.5. *sa*: обобщение

Рутульское *sa* имеет несколько функций:

- обозначение количества объектов (числительное ‘один’);
- маркирование неопределённости (в сочетании с количественными числительными — выражение неопределённого (приблизительного) количества);
- выражение значения ‘только’.

Синхронно *sa* уже не является просто количественным числительным, контексты его употребления расширяются, что является индикатором того, что *sa* грамматикализуется.

Один из путей грамматикализации *sa* — это переход от числительного ‘один’ к неопределённому артиклю. Расширение контекстов употребления *sa* на неопределённые показывает, что оно является референциальным маркером, однако его нельзя однозначно назвать артиклем, так как почти во всех случаях *sa* опционально.

4. Указательные местоимения и определённые артикли

Указательные местоимения являются частым источником грамматикализации определённых артиклей [Heine, Kuteva 2002: 109]. Как и в случае с неопределёнными артиклями, отличить указательные местоимения от артиклей можно по их функциям. В [Becker 2018: 47] выделяется три функции, определяющие «артиклеподобность» указательных местоимений: (i) дейктическая (указание на пространственное расположение объекта), (ii) анафорическая (способность отсылать к референту, уже упоминавшемуся в дискурсе), (iii) способность маркирования уникальных объектов.

Указательное местоимение можно назвать артиклем только если оно имеет все три функции.

- **дейктическая функция**

(20) ***mi*** ***muˤʁʷ*** *gina* *w-iʔi,* ***ha*** ***muˤʁʷ*** *luček* *w-iʔi,*
этот село Кина 3-COP1 тот село Лучек 3-COP1

ti ***muˤʁʷ*** *amsar* *w-iʔi*
тот.дальний село Амсар 3-COP1
‘Это село Кина, то село — Лучек, то дальнее село — Амсар.’

Сёла Кина, Лучек и Амсар расположены друг за другом, в (20) все указательные местоимения употреблены в дейктическом значении.

- **анафорическая функция**

(21) *w-iʔi-d* ***awtobus-a***
3-приходить.IPFV-ATTR автобус-IN

sü<d>q’u-r=a *a-ni* *d-iʔi* *qʼʷaˤ-r* *ǯihil-er* *<…>*
<HPL>сидеть.PFV-CVB=быть быть-CVB HPL-COP1 два-1 молодой-PL

ǯihil *gada=xa* *mi* *uː* *šuw* *hak’a-r=a*
молодой парень=ADD этот вверху что держать.IPFV-CVB=быть

mi ***awtobus-a*** *χiˤʁiχi-d* *hiši-r=a*
этот автобус-IN 1.стоять.PFV-ATTR 1.стать.PFV-CVB=быть
‘Ехал автобус, сидели двое молодых. <…> Молодой парень за что-то держался, в этом автобусе стоял.’

(22) *ix-dɨ* *muˁGʷ-a* ***sa*** ***qʼaˁs-dɨ*** ***maˁʔlim*** *a-ni* *jiʔi* <…>
мы-ATTR село-IN один старый-ATTR учитель быть-CVB 1.COP1

ha ***maˁʔlim-a-ra*** *sa* *intʲirʲesnij* *iχdɨlet*
тот учитель-OBL-ERG один интересный история

hɨχi-r=a *a-ni* *jiʔi*
4.идти.PFV-CVB=быть быть-CVB 4.COP1

‘В нашем селе один старый учитель есть. <…> Этот учитель рассказал одну интересную историю.’

(23) *dibir-a-ra* *suqʼu-r* *kʲ-i<l>xe-r=a*
мулла-OBL-ERG 1.сидеть.PFV-CVB <IPFV>4.писать.IPFV-CVB=быть

w-ilcʼa-r=a *nekʲah*
3-давать.IPFV-CVB=быть никях

xur=xa ***ti*** ***edemi-je-da*** *χulka-r=a:*
QUOT=ADD тот.дальний человек-OBL-APUD 4.спрашивать.IPFV-CVB=быть

“wɨ *razi* *jiʔi?”*
ты согласие 1.COP1

‘Мулла сел, пишет, дает никях. Этого мужчину спрашивает — ты согласен ли ее взять (в жёны)?’

В примерах (21) и (22) есть и первое упоминание референта, и его последующее упоминание с указательным местоимением в анафорической функции. В примере (23) *ti edemijeda* ‘того человека’ тоже отсылает к референту, уже упоминавшемся в тексте до этого.

- **маркирование уникальных объектов**

Находясь в мечети, нельзя спросить «Где мулла?» с указательным местоимением, если про него не шла речь до этого.

(24) ***ha*** ***dibir*** *hile* *jiʔi?*
тот мулла где 1.COP1
1. OK‘Где тот мулла?’ (про которого говорили до этого)
2. *‘Где мулла?’

То есть употребление местоимения *ha* ‘тот’ в данном контексте возможно только в анафорическом или дейктическом употреблении.

В сельском Дагестане в обычной ситуации в селе есть только один мулла (это верно в том числе и для с. Кина). Невозможность употребления в этом контексте указательного местоимения указывает на то, что указательные местоимения в рутульском не могут маркировать уникальные объекты.

Тот же самый эффект наблюдается и в примере (25).

(25) *za-d* ***ha*** ***χidildi*** *aramiš* *r-a?a-r=a*
я-ERG тот женщина искать 2-делать.IPFV-CVB=быть
‘Я ищу ту женщину.’ (комментарий носителя: «Про которую говорили».)

Тем самым, рутульские указательные местоимения могут употребляться в дейктической и анафорической функции, но не могут маркировать уникальные объекты. Это говорит о том, что указательные местоимения в рутульском не могут быть причислены к классу артиклей.

5. Заключение

Рутульское числительное *sa* ‘один’ употребляется не только для выражения количества объектов, но и в интродуктивных, неопределённо-референтных и нереферентных контекстах, а также в значении ‘только’. Указательные местоимения в рутульском могут употребляться для выражения пространственного расположения объекта и в анафорической функции, но не могут маркировать уникальные объекты.

Тем самым, *sa* имеет функции не только числительного, но и референциального маркера неопределённости, который в рамках некоторых теорий [Becker 2018] можно называть неопределённым (интродуктивным) артиклем. Рутульские указательные местоимения, по критериям того же автора, не могут считаться определёнными артиклями. Ситуация, когда в языке есть неопределённый артикль, но нет определённого, редка, но не уникальна: в выборке [Dryer 2013b] из 620 языков таких языков 45 (7%).

Условные обозначения и сокращения

1 — 1 класс; 2 — 2 класс; 3 — 3 класс; 4 — 4 класс; ADD — аддитив; AND — и; ASIDE — возле; ATTR — атрибутив; CONT — контакт; COP — копула; CVB — конверб; DAT — датив; ERG — эргатив; HPL — личное множественное; IN — инэссив; INTER — интерэссив; IPFV — имперфектив; NO — отрицание; OBL — косвенная основа; PERF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессив; POST — постэссив; PST — прошедшее время; Q — вопрос; QUOT — квотатив; SIMIL — симилятив; SUB — субэссив; SUP — суперэссив; TMP — темпоральный аффикс; UNDER — под.

Литература

Ганенков и др. 2009 — Ганенков Д.С., Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Дискурсивная анафора в агульском языке // НеФестшрифт: Статьи в подарок (к юбилею А. Е. Кибрика). Electronic-collection, 2009. URL: http://darwin.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Ganenkov etal.pdf, Accessed on 2019-11-10. [Ganenkov D.S., Maisak T.A., Merdanova S.R. Diskursivnaya anafora v agul'skom yazyke [Discourse anaphora in Aghul] // NeFestshrift: Stat'i v podarok (k yubileyu A. E. Kibrika).]

Ибрагимов 1978 — Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. Махачкала: Изд. Дом «Народы Дагестана», 1978. [Ibragimov G.Kh. Rutul'skii yazyk [Rutul language]. Makhachkala: Izd. Dom «Narody Dagestana», 1978.]

Кибрик 1977 — Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 2. Таксономическая грамматика. М.: Из-во МГУ, 1977. [Kibrik A.E. Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka. Tom 2. Taksonomicheskaya grammatika [Structural description of Archi. V. 2. Taxonomic grammar]. M.: Iz-vo MGU, 1977.]

Махмудова 2001 — Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. Институт языкознания РАН, 2001. [Makhmudova S.M. Morfologiya rutul'skogo yazyka [Morhology of Rutul]. Institut yazykoznaniya RAN, 2001.]

Alekseev 1994 — Alekseev M.E. Rutul. Indigenous languages of the Caucasus, V.4, P. 2., edited by Smeets R. Delmar. NY: Caravan books, 1994. Pp. 213–258.

Becker 2018 — Becker L. Articles in the world's languages. Ph.D. diss., Universität Leipzig, 2018.

Dryer 2013a — Dryer M.S. Indefinite Articles. The World Atlas of Language Structures Online. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.) Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at http://wals.info/chapter/38, Accessed on 2019-11-10.)

Dryer 2013b — Dryer M.S. Definite Articles. The World Atlas of Language Structures Online. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.) Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at http://wals.info/chapter/37, Accessed on 2019-11-10.)

Givón 1978 — Givón T. Definiteness and referentiality. Universals of human language, Vol. IV: Syntax. Greenberg J., Ferguson C., Moravcsik C. (eds.) Stanford, 1978. Pp. 192–230.

Gorishneva 2009 — Gorishneva E. ONE: Between numeral, indefinite marker and intensifier. Multilingualism: Proceedings of the 23rd Scandinavian Conference of Linguistics. Saxena A., Viberg Å (eds.) Uppsala: Acta Universitats Upsaliensis, 2009.

Haspelmath 1993 — Haspelmath M. A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.

Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Heine, Kuteva 2006 — Heine B., Kuteva T. The changing languages of Europe. New York: Oxford University Press, 2006.

Ionin, Matushansky 2018 — Ionin T., Matushansky O. Cardinals: The syntax and semantics of cardinal-containing expressions. The MIT Press, 2018.

Konovalova 2019 — Konovalova A. Questions in Kina Rutul. NRU HSE. Series WP BRP "Linguistics", 2019.

Lambrecht 1984 — Lambrecht, K. Cambridge studies in linguistics. Information structure and sentence form: Topics, focus, and the mental representations of discourse referents. New York, NY, US: Cambridge University Press, 1984.

Статья поступила в редакцию 18.11.2019
The article was received on 18.11.2019

Полина Леонидовна Наследскова
стажёр-исследователь, международная лаборатория языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Polina L. Nasledskova
research assistant, Linguistic convergence laboratory, National Research University Higher School of Economics

plnasledskova@edu.hse.ru

Именные наречия с темпоральной семантикой в горномарийском языке*

П. С. Плешак[1], *Д. О. Петелин*[2]
[1]*Университет Мэриленда*
[2]*МГУ имени М. В. Ломоносова*

В данной статье рассматриваются синтаксические свойства именных наречий с темпоральной семантикой в горномарийском языке. Хотя именные наречия данного типа в основном имеют наречную дистрибуцию, они также могут встречаться в позициях глагольных комплементов, то есть могут выступать в качестве именных групп. Тем не менее, поиск единого источника лицензирования таких именных групп осложнен, потому что некоторые темпоральные выражения имеют форму, совпадающую с беспадежной формой существительных, а другие присоединяют аккузатив, считающийся структурным падежом. В статье показывается, что оба типа темпоральных наречий демонстрируют синтаксические свойства послеложных групп (PP). Таким образом, подход, изложенный в статье, позволяет единообразно анализировать как беспадежные, так и аккузативные темпоральные выражения.

Ключевые слова: темпоральные выражения, именные наречия, падеж, горномарийский.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-012-00627.

NOMINAL ADVERBIALS WITH TEMPORAL SEMANTICS IN HILL MARI*

Polina Pleshak[1], *Dmitry Petelin*[2]
[1]*University of Maryland*
[2]*Lomonosov Moscow State University*

This paper explores the syntax of Hill Mari nominal adverbials with temporal semantics. While these adverbials have the general distribution of adverbs, they can also be used as NPs in argument positions. However, the search for the NP licensor becomes problematic as some temporal adverbials in Hill Mari seem to be "bare" nominals while others seem to be marked with the structural accusative. In this paper we show that both types of adverbials demonstrate syntactic properties of PPs. The proposed analysis of the adverbials with temporal semantics as PPs makes possible to treat both "bare" and accusative-marked temporal expressions uniformly.

Keywords: temporal expressions, nominal adverbials, case, Hill Mari.

* The research has been supported by Russian Foundation for Basic Research, grant № 19-012-00627.

1. Introduction

In this paper, we consider the syntax of Hill Mari nominal adverbials with temporal semantics (1).

(1) ***šošə̑m*** *mən'-ən* *ə̑škal-em* *šəl-ən*
spring I-GEN cow-POSS.1SG hide-PRET
'In spring, my cow has run away.'

Haspelmath defines NP-based time adverbials as "...adverbials based on noun phrases which serve as temporal qualifications of situations…" [Haspelmath 1997: 5]. Their semantics was also considered in [Erschler 2009]. However, there is almost no discussion about the morphosyntactic properties of such expressions. Rozhanskiy and Markus [2018] describe the system of temporal adverbials in minor Finnic languages, showing the competition of case forms that mark the adverbials denoting parts of day and seasons, but they do not provide any formal analysis. In contrast to that, there are a number of formal accounts of English bare nominal adverbials [Bresnan, Grimshaw 1978; Larson 1985, 1987; Kobayashi 1999, among others], as well as analyses of other languages (e.g., Bešlin [2018] on the accusative-genitive contrast in Serbian).

Although temporal expressions have the general distribution of adverbs (1), they can be used as NPs in argument positions as well (2).

(2) *mən'* ***tə*** ***šošə̑m-ə̑m*** *äšt-em*
I that spring-ACC remember-NPST.1SG
'I remember that spring.'

This means that phrases with words with temporal semantics are not pure adverbials but NPs, that have to receive Case in order to satisfy the Case Filter, which says that all visible NPs have to receive Case [Chomsky, Lasnik 1977; Vergnaud 1977]. Therefore, we have to understand what the source of the case for these expressions in adverbial positions is, and what the nature of that case is: whether it is structural, inherent or lexical [Woolford 2006].

Temporal expressions are hardly ever discussed in Mari grammars [Alhoniemi 1993; Savatkova 2002]. The data that we present and analyze here were collected in the village of Kuznetsovo and its surroundings in 2018–2019 (elicitation, the corpus of oral narratives available at http://hillmari-exp.tilda.ws/en/corpus).

We argue that temporal expressions in question do not share properties of nominals in structural cases and pattern with PPs in both syntax and morphology. Therefore, Hill Mari data support the analysis of temporal adverbials as PPs.

Unlike English, Hill Mari (Finno-Ugric, Uralic), which is spoken by approximately 30000 people in the Volga Region of Russia (Mari El Republic), has rich nominal morphology, and adverbials can be marked with different cases. This adds more issues as compared to those explored in English, namely, (i) how these cases are related within the system of temporal adverbials; (ii) what their relation is to morphologically equivalent cases appearing on different categories.

The structure of the paper is as follows. First, we show the inventory of temporal expressions in question in Hill Mari (section 2). Then we present an overview of previous approaches to nominal adverbials (section 3). Next, we investigate the syntactic properties of temporal adverbials and determine their category, based on language-internal data (section 4). In our conclusion (section 5), we argue that the data support the analysis of these expressions as PPs, and present open questions for future research.

2. Temporal nominal adverbials in Hill Mari

In this section, we describe nominal adverbials in Hill Mari. We concentrate on those which express simultaneous temporal localization. According to the classification offered by Haspelmath, it "*...refers to markers that locate a situation with respect to a reference time (i.e. another situation or canonical time period) which is simultaneous with the situation*" [Haspelmath 1997: 29].

The nouns that can occur in the constructions in question can be divided into classes according to the case that they bear in their temporal function. The classifications are: (i) "bare" (*irok* 'morning'; *šošâm* 'spring'; *cäš* 'hour'), as in (1); (ii) accusative-bearing (*jâd* 'night; *tel* 'winter', *kängäž* 'summer', *šäžä* 'autumn') as in (3); (iii) the word *vadâ* 'evening', which takes lative marking (4) and (iv) genitive-bearing (*kečä* 'day', *ärn'ä* 'week', *tälzä* 'month', *i* 'year')[1].

(3) ***šäžä-m*** *mən'* *pi-m* *näl-ən-äm*
autumn-ACC I dog-ACC take-PRET-1SG
'In autumn, I bought a dog.'

[1] The full list is given in Table 1 below.

(4) ***vad-eš*** *mən'* *kok* *karas'-âm* *kâčâ-š-âm*
evening-LAT I two crucian-ACC catch-AOR-1SG
'In the evening, I caught two crucians.'

(5) *sotâ-gečä-n* *mən'* *jär-eš* *nüštəl-äš* *kašt-ân-am*
light-day-GEN I lake-LAT bathe-INF walk-PRET-1SG
'In the daytime, I went to take a bath in the lake.'

Furthermore, when modified, all the nominal adverbials listed above can be in genitive as well (6)[2].

(6) ***tä*** ***vadâ-n*** */* ***vad-eš*** *mən'* *kok* *karas'-âm* *kâčâ-š-âm*
that evening-GEN evening-LAT I two crucian-ACC catch-AOR-1SG
'That evening, I caught two crucians.'

The distribution of different lexical items across case-marked forms is given in Table 1.

Table 1. Nominal adverbials by case form

lexeme	**nominative**	**genitive**	**accusative**
irok 'morning', *šošâm* 'spring'	+	—	—
cäš 'hour'	+	+	—
sekundâ 'second', *minut* 'minute', *kečä* 'day', *ärn'ä* 'week', *tälzä* 'month', *i* 'year', *kurâm* 'century', *sotâgečä* 'midday', *šart'al* 'Christmas', *kâškâžmâ* 'Tuesday', *fevral'* 'February'	—	+	—
kečäväl 'middle of the day'	—	+	?
jâd 'night', *tel* 'winter', *kängäž* 'summer', *šäžä* 'autumn'	—	—	+

[2] The set of syntactic environments where the marking is in the genitive, as well as the morhosyntactic properties of such temporal expressions, call for a separate discussion, which is beyond the scope of this paper. However, some nominal adverbials can assume different case forms in some environments, and that is relevant for the choice of the set of nouns with temporal semantics that we consider here.

Some temporal expressions are encoded with postpositional constructions (7), but these are used in different semantic contexts than the bare and the case-marked ones. The former express, for example, posterior temporal localization (e.g. *after war*), atelic temporal extent (e.g. *for two month*) or temporal distance-past (e.g. *two hours ago*). The full classification can be found in [Haspelmath 1997].

(7) ***ti*** ***irok*** ***paštek*** *mən'* *a-m* *šəpš*
this morning after I NEG.NPST-1SG smoke
'From this morning I won't smoke.'

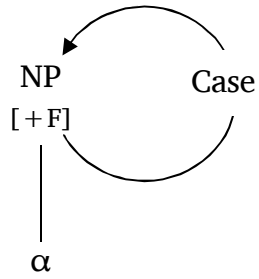
Below, we examine only those nominal adverbials which are "bare" or bear the accusative suffix. They were chosen for this study, both for semantic and morphosyntactic reasons. They express simultaneous temporal localization and share some morphosyntactic properties. On the one hand, the case forms that they attach at least phonologically are similar to the structural cases (nominative being unmarked in Hill Mari); on the other hand, under some circumstances, they can bear genitive instead.

3. Previous approaches

There are two influential approaches proposed in the literature in order to explain the occurrence of bare nominals in adverbial positions. One of them treats such adverbials as nominals, the other one considers them to be PPs.

3.1. Adverbials as nominals

Larson [1985] proposed a mechanism that allows some particular lexical heads, having a particular feature, to inherently assign Case to the NPs that contain them (Scheme 1). So, they do not need a case assigner and the Case Filter is satisfied.



Scheme 1. Mechanism of self-case-assignment

Moreover, in order to satisfy the Theta-criterion, Larson assumes that there is an adverbial theta-role, and that it can be assigned to any NP in the clause.

As was noticed by Emonds [1987] and Kobayashi [1987], if the Case is assigned by the NP itself, it remains unclear how these NPs receive structural cases in argument positions.

Kobayashi [1999], maintaining the idea that such adverbials are nominals, does not adopt the mechanism of the self-case-assignment, and instead proposes a more general principle. According to this principle, an Inherent Case feature can be interpretable at the LF in case the phrase contains a head that assigns a corresponding theta-role. Kobayashi considers null nouns like TIME to be such theta-role assigners. These nouns can take PPs as their complements and remain silent (e.g. PP subjects: [$_{NP}$ Ø [$_{PP}$ ***After lunch***] *suits me fine*). Alternatively, they can be realized within a larger DP as a closed set of nouns like *time* or *day* (bare temporal expressions: [$_{DP}$ ***That*** [$_{NP}$ ***day***]] *she was sick*).

3.2. Adverbials as PPs

A different approach was proposed in [Bresnan & Grimshaw 1978] and [Emonds 1987]. The underlying idea is that nominal adverbials are complements of null adpositions. The adposition agrees with its complement in a feature, e.g. [+Temp] (for Bresnan and Grimshaw) or [+P, +Location] (for Emonds). How this adposition is treated by syntax varies across different accounts. Bresnan and Grimshaw propose that, being null, the adposition is deleted in course of the derivation. Emonds proposes the Invisible Category Principle [Emonds 1987: 615], which allows the head P, as the sister of NP with particular features, to remain empty. Emonds notes that in contrast to P deletion analysis, this case is a part of a broader principle, which is also relevant, for example, for the I(nflection) head, which can remain empty, realizing its feature in a verb.

3.3. Nominal adverbials in structural cases

In the accounts cited above, the case received by a temporal expression was treated as lexical, related to an adverbial theta-role. In contrast, Baker [2015] notes that some nominal adverbials seem to receive structural cases. He adopts configurational models of case [Marantz 1991; Bittner, Hale 1996]. According to these models, the case is assigned in particular configurations of NPs within

some domain. For instance, accusative is a so-called Dependent case, that is assigned in a configuration when there is another NP in a higher position within the domain (mainly clause) which had not received a case yet. Baker noticed that in some languages temporal adverbials can undergo dependent case assignment, as they are sensitive to their position in the clause and presence of other cased and caseless NPs.

Later in this paper, we will examine the syntactic properties of Hill Mari temporal expressions in order to understand whether they are NPs or PPs. We also test the hypothesis that they can undergo dependent case assignment. The data show that the proposals that treat them as PPs seem to be on the right track.

4. Morphosyntactic properties of temporal adverbials

According to existing accounts, there are four possible sources of case for adverbial nominals: a nominal head, a null postposition assigning an inherent case, some functional head assigning a structural case or a structural configuration in which a Dependent case is assigned. In addition, some NPs in Hill Mari are caseless (as will be shown in 4.1.1), which means we should explore whether temporal adverbials can also be caseless. We will start with this latter option, by showing that temporal adverbials have to receive Case (4.1). Next, we will compare syntactic properties of unmarked nominal adverbials to those of argumental nominative phrases and of PPs (4.2). After that, we will compare accusative-marked adverbials and direct objects, which also bear accusative (4.3). Finally, we compare accusative-marked temporal adverbials and PPs (4.4).

4.1. Unmarked adverbials are not caseless bare nominals

Finno-Ugric languages are known to have unmarked caseless nominals [Bubrich 1947]. The status of such forms in Hill Mari was broadly discussed by Tuzharov [1984, 1987]. The most evident context for caseless nominals is the direct object (DO) of non-finite forms [Tuzharov 1986]. Below, after providing a brief description of DO marking in Hill Mari, we compare unmarked DOs and “bare” temporal adverbials. We show that the latter do not behave as caseless forms in Hill Mari.

4.1.1. Basics of DO marking in Hill Mari

Any DO in a finite clause has to bear the accusative marker.

(8) *mən'* *päl-em* *što* *ədər* ***šarə̑k-ə̑m*** / ***šarə̑k*** *näl-ən*
I know-NPST.1SG that girl sheep-ACC sheep take-NPST.3SG
'I know that the girl bought a sheep.'
(example courtesy Anastasia Sirotina)

In non-finite clauses, such as nominalizations, the DOs can be unmarked.

(9) *mən'* *päl-em* *ədər-ən* ***šarə̑k-ə̑m*** / ***šarə̑k*** *näl-mə-žə-m*
I know-NPST.1SG girl-GEN sheep-ACC sheep take-NMLZ-POSS.3SG-ACC
'I know that the girl bought a sheep.'
(example courtesy Anastasia Sirotina)

The reason why DOs such as in (9) are considered to be caseless rather than nominative is that they have some peculiar morphosyntactic properties. First, in contrast to nominative subjects, they cannot bear a possessive affix. Second, they are restricted to the verb-adjacent position, and exhibit restrictions on modification. Forms with cases do not show such restrictions. For more discussion on the restrictions exhibited by unmarked DOs, see [Tuzharov 1986; Pleshak, Sirotina, in prep]. Here, we have chosen the three most prominent properties of unmarked DOs and used them as diagnostics to test the status of "bare" temporal adverbials. The diagnostics are the following: (i) adjacency to the verb; (ii) particle attachment; (iii) modification with a universal quantifier.

4.1.2. Comparison of morphosyntactic properties of unmarked DOs and temporal adverbials

The first diagnostic has to do with adjacency to the verb. Unlike DOs marked with accusative, unmarked DOs have to be verb-adjacent: no other clausal element can intervene between the verb and its unmarked object (10a-b). In contrast to that, temporal adverbials do not require verb adjacency (11).

(10) a. *ävä-m* *tengečə̑* *sə̑kə̑r* *näl-äš* *kašt-ə̑*
mother-POSS.1SG yesterday bread take-INF walk-AOR.3SG
'My mother went to buy some bread yesterday.' {a = b}

b. **ävä-m* *sə̑kə̑r* *tengečə̑* *näl-äš* *kašt-ə̑*
mother-POSS.1SG bread yesterday take-INF walk-AOR.3SG

(11) *irok* *mən'* *püšängə-m* *ro-en-äm*
morning I tree-ACC cut-PRET-1SG
'In the morning, I cut a tree.'

Another distinguishing property has to do with particle attachment. Unmarked DOs cannot combine with particles: compare (12a) where the emphatic particle *=ok* cannot appear on the unmarked DO and (12b) where this particle can combine with a marked object. Temporal expressions can co-occur with this particle (13).

(12) a. *mən'ə* *päl-em,* *tən'-ən* ***âškal*(*=ok)** *näl-m-et-əm*
I know-NPST.1SG you-GEN cow=EMPH take-NMLZ-POSS.2SG-ACC
'I know that it was a cow that you bought.'

b. *mən'ə* *päl-em,* *tən'-ən* ***âškal-âm=ok*** *näl-m-et-əm*
I know-NPST.1SG you-GEN cow-ACC=EMPH take-NMLZ-POSS.2SG-ACC
'I know that it was a cow that you bought.'

(13) ***irok=ok*** *ke-t=ät* *vadâ* *jakte*
morning=EMPH go-NPST.2SG=ADD evening until
'You go in the morning and stay until evening.'

Finally, unmarked DOs cannot be modified by a universal quantifier. In (14), the interpretation where the quantifier *každâj* 'each' modifies the object is impossible. The only possible reading is such that the nominalization itself is modified by *každâj*. Temporal expressions do not have this restriction and can be modified by *každâj* directly (15).

(14) #*ävä-m-ən* ***každâj*** ***âškal*** ***šâpš-âl-mâ-žâ-m***
mother-POSS.1SG-GEN every cow pull-ITER-NMLZ-POSS.3SG-ACC

mən' *päl-em*
I know-NPST.1SG
1. *'I know that my mother milked every cow.'
2. 'I know about every milking of the cow by my mother.'

(15) ***každâj*** ***irok*** *mən'* *šəräš-əm* *kačk-am*
every morning I porridge-ACC eat-NPST.1SG
'Every morning I eat porridge.'

Thus, we see that temporal adverbials are not caseless forms, as they show contrasting behavior in comparison to caseless forms in the language (see the summary of properties in Table 2).

Table 2.

Summary of morphosyntactic properties of unmarked DOs and “bare” temporal adverbials

	bare NPs (unmarked DOs)	**“bare” nominal adverbials**
Attachment of particle	*	OK
Non-adjacency to the verb	*	OK
Modification with a quantifier	*	OK

Temporal adverbials therefore have to receive a case which happens to be morphologically null. There is indeed such a case in Hill Mari: it is nominative. In the next section, we compare properties of temporal adverbials with nominative nominals in Hill Mari.

4.2. “Bare” adverbials and nominative nominals

Aside from nominal predication, which we do not consider here, nominals in the nominative occur in two contexts in Hill Mari. These are clausal subjects (16) and complements of postpositions (17).

(16) ***ti*** ***edem*** *u* *pöken-vlä-m* *näl-ne-žə*
this man new chair-PL-ACC take-DES-3SG
‘This man wants to buy new chairs.’

(17) ***moskva*** *gač-ən* *ke-n-nä*
Moscow through-FULL go-PRET-1PL
‘We went through Moscow.’

This suggests that there are two sources of nominative: the inflectional head T and the postpositional head P. The case assigned by postpositions might be a special postpositional case, not identical to the structural nominative. We call it nominative, as it is syncretic with nominative. The crucial point is that it is a case and complements of postpositions are not bare forms, having no morphosyntactic restrictions (see discussion on bare forms in 4.1.1).

The hypothesis that temporal expressions receive nominative from the same source as subjects do can be rejected immediately: the two can co-occur within one clause (11), repeated below as (18).

(18) ***irok*** ***mən'*** *püšängə-m* *ro-en-äm*
morning I tree-ACC cut-PRET-1SG
'In the morning I cut the tree.'

In contrast, the hypothesis about a null P head as the source for case does not face these problems. There is no restriction on how many PPs can be in a clause and, as (19) shows, nominatival temporal expressions can be coordinated with PPs, what is expected from phrases of the same type.

(19) *mən'* ***irok*** ***dä*** ***päšä*** ***paštek*** *a-m* *kač*
I morning and work after NEG.NPST-1SG eat
'I don't eat in the morning and after work.'

In sum, there is strong evidence in favor of considering Hill Mari "bare" temporal adverbials to be PPs. First, they are not caseless and need a source of case, which cannot come from the finite T. Second, the temporal expressions can be coordinated with PPs. This supports the proposal that there is a silent P in nominal adverbials, and the case assigned by that P to its complement is nominative case, whose morphological exponent in Hill Mari is null.

However, there is another group of adverbials, which is marked with accusative. Are they also PPs, or do they receive the structural accusative? The next section addresses this question.

4.3. Accusative temporal expressions and DOs

As argued by Baker [2015], some adverbial nominals can undergo dependent (structural) case assignment. The accusative case on Hill Mari nominals, being the case of DOs, is a good prima facie candidate for this type of explanation.

However, this assumption faces immediate problems. The accusative of temporal expressions precedes possessive markers, while the accusative of DOs follows them. Here, possessive markers are used in their discourse function (marking of topic or contrast), as any expression of possession with temporal expressions would be periphrastic; but the argument remains valid, as the affix order in discourse and possessive usage is the same [Khomchenkova 2017]. Moreover, possessive affixes are used in the same discourse function for both DOs (20) and temporal expressions (21).

(20) *lašaš-**âžž-m*** / **lašaš-**âm-žâ*** *kid* *dono* *nüštəl-ət*
flour-POSS.3SG-ACC flour-ACC-POSS.3SG hand with stir-NPST.3PL
‘(They) stir flour with hands.’

(21) *tel-**äm-žä*** / **tel-**žä-m*** *veremä*
winter-ACC-POSS.3SG winter-POSS.3SG-ACC time

šo-eš *kož-âm* *kəčäl-äš*
come-NPST.3SG spruce-ACC seek-INF
‘At winter will come the time for seeking the spruce.’

Moreover, if the temporal accusative is a Dependent case, it has to be assigned in a specific structural configuration, where the NP that undergoes the case assignment is lower than another caseless NP in the domain. Baker shows that in Quechua a temporal expression bears accusative obligatorily only if it follows the subject [Baker 2015: 2015]. Hill Mari does not exhibit such a difference: the accusative is obligatory in both positions (22a–b).

(22) a. ***tel-***(**äm**)* *mən’* *kok* ***kol-âm*** *kâč-en-äm*
winter-ACC I two fish-ACC catch-PRET-1SG
‘In winter, I caught two fish.’

b. *mən’* ***tel-***(**äm**)* *kok* ***kol-âm*** *kâč-en-äm*
I winter-ACC two fish-ACC catch-PRET-1SG
‘In winter, I caught two fish.’

Another example of a Dependent case on adverbials comes from Finnish, where the marking of a temporal expression depends on the case of the subject (non-nominative subjects cannot be case competitors for other nominals in the clause) [ibid: 217]. In Hill Mari, the marking on temporal adverbials remains the same in clauses with nominative (23a) and genitive (23b) subject (the latter is possible in nominalizations).

(23) a. *mən’* *už-ən-am,* ***maša*** *tel-äm* *nüštəl-än*
I see-PRET-1SG Masha winter-ACC bathe-PRET
‘I saw, Masha took a bath in winter.’

b. ***maša-n*** *tel-äm* *nüštəl-mə-žə-m* *mən’* *už-ən-am*
Masha-GEN winter-ACC bathe-NMLZ-POSS.3SG-ACC I see-PRET-1SG
‘I saw that Masha took a bath in winter.’

In addition, the explanation why other temporal expressions like *irok* 'in the morning' (see sections 4.1-4.2) do not undergo the same Dependent case assignment as expressions like *jâdâm* 'in the night' do. A uniform analysis for all these nominal adverbials would be more elegant, and we propose such an analysis in 4.4.

Finally, accusative temporal expressions do not share the properties of DOs. First, as we showed in section 4.1, the accusative DOs can be substituted for by caseless forms in non-finite clauses (24). Such substitution is impossible for temporal adverbials (25).

(24) *mən'ə päl-em, tən'-ən* ***âškal-âm*** */* ***âškal***
I know-NPST.1SG you-GEN cow-ACC cow

näl-m-et-əm
take-NMLZ-POSS.2SG-ACC
'I know that you bought a cow.'

(25) *maša-n* ***jâd-âm*** */* ****jâd*** *mägərə-mə-žə-m mən' kol-ân-am*
Masha-GEN night-ACC night cry-NMLZ-POSS.3SG-ACC I hear-PRET-1SG
'I heard Masha cried at night.'

Another property of accusative DOs is that they can attach appositive modifiers, and the latter also bear the accusative marker (26). This is not possible with temporal adverbials (27).

(26) *maša* ***kol-âm,*** ***üštə-m,*** *kačk-ân*
Masha fish-ACC cold-ACC eat-PRET
'Masha ate the fish, cold.'

(27) **maša* ***jâd-âm,*** ***üštə-m,*** *kâdal-ân*
Masha night-ACC cold-ACC drive-PRET
Intended: 'Masha drove out at night, cold.'

Based on a series of morphosyntactic properties, we conclude that accusative-marked temporal expressions do not belong to the same category as DOs. In the next section we show that most of the properties examined here make temporal adverbials pattern with PPs.

4.4. Accusative temporal expressions and PPs

In contrast to DOs (28), PPs cannot have appositive modifiers (29). So, temporal adverbials pattern with the latter.

(28) *mən'* *tengečə* ***kol'mə̂-m,*** ***kogo-m,*** *näl-ən-äm*
I yesterday shovel-ACC big-ACC take-PRET-1SG
'Yesterday I bought a shovel, big.'

(29) **stöl* ***väl-nä,*** ***kogo*** ***väl-nä,*** *äväm-ən* *vazə̂-žə̂*
table on-IN2 big on-IN2 mother-POSS.1SG-GEN vase-POSS.3SG

šalg-a
sit-NPST.3SG
Intended: 'The vase is on the table, on my mother's.'

In addition, accusative temporal expressions can be coordinated with PPs:

(30) *mən'* ***jə̂d-ə̂m*** ***dä*** ***kečəväl*** ***paštek*** *amal-am*
I night-ACC and noon after sleep-NPST.1SG
'I sleep at night and in the afternoon.'

Futher support for the analysis of temporal adverbials as PPs comes from their morphological behavior: as was shown in section 4.3, the affix order of case markers and possessive markers is -CASE-POSS. The same affix ordering is attested for locative cases, which are also instances of P heads, as demonstrated in [Pleshak 2019]. In addition to affix ordering, temporal expressions share other properties with PPs (and contrast with DO accusative expressions), such as the inability to be modified by appositive modifiers, and the independence of case and theta-role assignment from the presence of other nominal phrases in the clause. Finally, and perhaps most importantly, temporal expressions marked with nominative and accusative can be coordinated with PPs. This leads us to the conclusion that the accusative of temporal expressions is not a structural case, but a lexical case.

5. Conclusion

In this paper, we have shown that despite the fact that some temporal adverbials in Hill Mari might seem to be caseless bare nominals and others might seem to be marked with the structural accusative, they all have to be analyzed

as PPs. As evidence that “bare” nominal adverbials are not caseless forms, we show that they can combine with emphatic particles, appear non-adjacent to the verb, and take modifying quantifiers. We have provided arguments in favor of the hypothesis that forms with a null suffix are nominative forms. This nominative is the case assigned within PPs, as evidenced by the fact that nominative adverbials can co-occur with a nominative subject and can be coordinated with PPs. We have also shown that temporal expressions marked with accusative share syntactic properties with PPs. Morphologically, they behave like nominals in lexical cases, which are also analyzed as PPs in Hill Mari [Pleshak 2019]. We leave open the question whether overt lexical cases (e.g. lative) are assigned by some kind of a null postposition or realize the P head themselves. The question whether the null postposition gets deleted in course of the derivation or is just phonologically null remains open as well. Answers to these questions do not affect the main point, that all temporal adverbials in question have to be analyzed as PPs, which facilitates a uniform analysis of this class of temporal expressions.

Abbreviations

1–3 — person; ACC — accusative; ADD — additive particle; ADV — adverbializer; AOR — aorist; CAUS — causative; CVB — converb; DES — desideravtive; EMPH — emphatic particle; FULL — full form; GEN — genitive; IN2 — second inessive; INF — infinitive; ITER — iterative; NEG — negation; NMLZ — nominalization; NPST — nonpast; PL — plural; POSS — possessive; PRET — preterite; SG — singular.

References

Alhoniemi 1993 — Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Buske, 1993.

Baker 2015 — Baker M. Case. Its principles and its parameters. (Cambridge studies in linguistics 146) Cambridge: CUP, 2015.

Bešlin 2018 — Bešlin M. The Case of Temporal Bare-NP Adverbials in Serbo-Croatian, manuscript, 2018.

Bubrich 1947 — Bubrikh D.V. Erzja-mordovskaja grammatika-minimum [Erzya-mordvin grammar-minimum]. Saransk: Mordovskoje knizhnoje izdateljstvo, 1947

Bresnan, Grimshaw 1978 — Bresnan J., Grimshaw J. The syntax of free relatives in English. Linguistic inquiry. 1978. Vol. 9. No. 3. Pp. 331–391.

Chomsky, Lasnik 1977 — Chomsky N., Lasnik H. Filters and control. Linguistic inquiry. 1977. Vol. 8. No. 3. Pp. 425–504.

Emonds 1987 — Emonds J.E. The invisible category principle. Vol. 18. No. 4. Pp. 613–632.

Erschler 2009 — Erschler D.A. K tipologii nepatsientivnykh znachenij akkuzativa [Towards the typology of non-patientive meanings of accusative]. Voprosy jazykoznanija. 2009. Vol. 13. No. 3. Pp. 32–49.

Haspelmath 1997 — Haspelmath M. From space to time: Temporal Adverbials in the World's Languages. Lincom Europa, 1997.

Kobayashi 1987 — Kobayashi K. A note on bare-NP adverbs. English Linguistics. 1987. Vol. 4. Pp. 336–341.

Kobayashi 1999 — Kobayashi K. Another Approach to Bare-NP Adverbials as Nominals. English Linguistics. 1999. Vol. 16. No. 2. Pp. 353–380.

Khomchenkova 2017 — Khomchenkova I.A. Discourse use of the possessive affix 3SG in Hill Mari. 50th annual meeting of the Societas Linguistica Europaea (10–13 September 2017, University of Zurich, Switzerland). Book of abstracts: Zurich, 2017. Pp. 381–383.

Larson 1985 — Larson R.K. Bare-NP adverbs. Linguistic inquiry. 1985. Vol. 16. No. 4. Pp. 595–621.

Larson 1987 — Larson R.K. “Missing prepositions” and the analysis of English free relative clauses. Linguistic inquiry. 1987. Vol. 18. No. 2. Pp. 239–266.

Pleshak 2019 — Pleshak P.S. Morfosintaksis imennoj gruppy v finno-ugorskikh jazykakh Povolzhja [The morphosyntax of noun phrases in the Finno-Ugric languages of the Volga region], MA thesis, Moscow, 2019.

Pleshak, Sirotina (in prep) — Pleshak P.S., Sirotina A.Yu. Differencirovannoe markirovanie objekta. Elementy grammatiki gornomarijskogo jazyka. Moscow: Az Buki Vedi.

Rozhanskiy, Markus 2018 — Rozhanskiy F.I., Markus E.B. Nominal forms with temporal meaning in minor Finnic languages of Ingria. Talk at the conference SLE 2018 (Tallinn, 29 August – 1 September 2018).

Savatkova 2002 — Savatkova A.A. Gornoje narechije marijskogo jazyka [Hill Mari language]. Savariae, 2002.

Tuzharov 1984 — Tuzharov G.M. Problema nemarkirovannogo imeni v marijskom jazyke [The problem of unmarked nominals in the Mari language]. Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1984. No. 4. Pp. 282–289.

Tuzharov 1986 — Tuzharov G.M. Problema nemarkirovannogo akkuzativa v marijskom jazyke [The problem of an unmarked acusative in the Mari language]. Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1986. No. 2. Pp. 99–107.

Tuzharov 1987 — Tuzharov G.M. K voprosu o suschestvovanii nemarkirovannykh padezhej v marijskom jazyke [To the question of the existence of unmarked cases in the Mari language]. Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1987. No. 1. Pp. 19–27.

Vergnaud 1977 — Vergnaud J.-R. Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik (1977). Published as: Vergnaud J.-R. Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik. Syntax: Critical concepts in linguistics. Freidin R., Lasnik H. (ed.). London: Routledge, 2006. Vol. 5 Pp. 21–34.

Woolford 2006 — Woolford E. Lexical case, inherent case, and argument structure. Linguistic inquiry. 2006. Vol. 37. No. 1. Pp. 111–130.

Статья поступила в редакцию 25.11.2019
The article was received on 25.11.2019

Полина Сергеевна Плешак
аспирант 1 года обучения, Университет Мэриленда

Polina S. Pleshak
1st year Ph.D. student, University of Maryland

ppleshak@umd.edu

Дмитрий Олегович Петелин
студент 3 курса бакалавриата, МГУ имени М. В. Ломоносова

Dmitry O. Petelin
3rd year B.A. student, Lomonosov Moscow State University

d.petelinsk@gmail.com

Исключительные случаи германских и русских стативных причастий с приставками

Е. Е. Романова
Институт философии и права УрО РАН

В данной статье рассматриваются несколько причастий с неэргативными корнями и приставками, которые выказывают признаки стативности и являются скорее прилагательными, чем глагольными формами. Предлагается возможный анализ для таких причастий в норвежском и русском языках.

Ключевые слова: причастия, неэргативные глаголы, лексическая категория, частица, приставка, функциональная последовательность.

Exceptional adjectival participles with prefixes in Germanic and Russian

Eugenia Romanova
Institute of Philosophy and Law, RAS, Ural Branch

This article studies a small group of prefixed participles containing unergative roots and behaving like target-state adjectival structures rather than eventive verbal formations. A possible analysis for such participles is offered for Norwegian and Russian.

Keywords: participles, unergatives, lexical category, particle, prefix, functional sequence.

1. Introduction

Resultative particles in Mainland Scandinavian are characterised by the following systematic behaviour with respect to incorporation:

a) the particles optionally incorporate into motion verbs and transitive verbs;
b) the particles optionally incorporate into the participles corresponding to the motion verbs and transitive verbs;
c) the particles are obligatorily free with intransitive verbs;
d) the particles are obligatorily incorporated into the participles corresponding to intransitive verbs;
e) not all the participles with incorporated particles have corresponding verbs.

In Russian, the situation with incorporation is outwardly uniform in all the above cases, for in this language verbal prefixation is obligatory in spite of the fact that Germanic particles and Slavic prefixes is basically the same phenomenon (references). However, Russian, too, has prefixed participles with roots of intransitive verbs but without a respective verb with the same prefix. Moreover, both in Norwegian, and in Russian the participles in question contain roots of unergative verbs. In this paper, I will show that in both languages (and possibly in some other languages as well) different mechanisms are at work when prefixes/particles incorporate into eventive structures, and when they incorporate into stative structures. For this end, I will use the latest developments in the nanosyntactic approach to the analysis of morphology.

2. Data

As was noticed in the Introduction, Norwegian particles are free with intransitive verbs ((1–3)a), but bound with participles derived from intransitive verbs ((1–3)b). A special focus here is given to unergatives.

(1) a. *Han* *åpnet* *armene* *sine* *og*
he open.PAST arms.DEF self's and

lot *henne* *få* ***gråte*** ***ut*** / <****utgråte***> *sin* *sorg.*
let.PAST her.OBJ get cry.INF out out.cry.INF self's grief
'He opened his arms and let cry out her grief.'
(Jeanette Semb *Løgn og fortielse*)

b. *Speilbildet* *viste* *ei* ***utgrått*** / <****gråte*** ***ut***> *jente*
mirror.picture.DEF show.PAST a out.cried.PP cried.PP out girl

med *mascara* *i* *striper* *på* *kinnene* *og* *bustete* *hår.*
with mascara in stripes on cheeks.DEF and tangled.PP hair
'The reflection showed a tear-stained girl with stripes of mascara on her cheeks and tangles hair.' (http://mairho.blogg.no)

(2) a. *Natten* *i* *sentrum* *hadde* *forløpt* *forholdsvis* *fredelig:*
night.DEF in centre have.PAST past.PP relatively peaceful

en *håndfull* *drukkenbolter*
a handful drunkard.PL

som *måtte* ***sove*** ***ut*** / <****utsove***> *rusen*
that must.PAST sleep.INF out outsleep hangover.DEF

i *fyllearresten…*
in jail.DEF
'The night in the centre was relatively peaceful: a handful of drunkards who had to sleep off their hangover in jail.'
(Lotte og Søren Hammer *Ensomme hjerter*)

b. *En* ***utsovet*** / <****sovet*** ***ut***> *og* *nyvasket*
a outslept.PP slept.PP out and newwashed.PP

Elling <…> *satser* *på* *nytt.*
Elling gamble.PRES on new
'Well-slept and freshly washed Elling bets again.'
(https://espenhilton.com/2016/12/11/nobelkonserten-2016)

(3) a. *De* *har* *fått* *melding* *om* *en* *bil*
they have get.PP message about a car

som *har* ***kjørt*** ***ut*** / <****utkjørt***> *av veien…*
that have drive.PP out outdrive.PP out.of.way.DEF
'They have received a report about a car that has driven out of its way.'
(https://www.dagsavisen.no/roganytt/bil-har-kjort-ut-av-veien-1.1572586)

b. *Så* *vi* *har* *vært* *ganske* ***utkjørte*** / <****kjørte*** ***ut***> *foreldre.*
so we have been fairly out-driven driven out parents
'So we have been quite exhausted parents.' (https://forum.klikk.no/)

In Russian, we find the exact counterparts of the Norwegian participles[1].

(4) *Našla? — sprašival sonnyj* ***za-plakannyj*** *rebenok.*
find.PAST.SG.F ask.PAST.3SG.M sleepy.SG.M PREF-cried.SG.M.PRTCPL child.NOM
"'Have you found it?" asked the sleepy tear-stained child.' (http://ruscorpora.ru/)

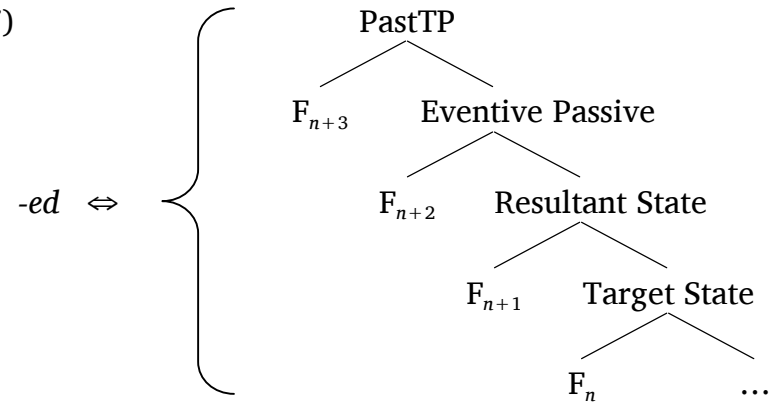
(5) *Na poroge voznik* ***za-spannyj*** *mal'čik…*
on threshold.LOC emerge.PAST.3SG.M PREF-slept.SG.M.PRTCPL boy.NOM
'There appeared a sleepy boy in the door.' (http://ruscorpora.ru/)

(6) ***Za-begannyj*** *ostankinskij žurnalist*
PREF-run.SG.M.PRTCPL ostankino.ADJ journalist.NOM

perejezžajet k podruge v derevnju.
move.PRES to girlfriend.DAT in village.ACC
'An exhausted journalist from Ostankino moves to his girlfriend in the country.'
(http://newslab.ru/article/312308)

What looks immediately suspicious in Russian, is not so obvious in Norwegian: namely, the form of a participle. In examples (4–6), all participles contain the suffix *-n-*, which alongside with *-t-* is a marker of the passive voice. Remember though that the participles seem to have been derived from intransitive (unergative) verbs. In Norwegian the difference between perfect and passive participles is externally indiscernible. Compare: *Bilen har* ***kjørt*** *ut* 'Car-the has driven out' or *Bilen ble* ***kjørt*** *ut* 'Car-the was driven out'. The same case of morphological syncretism in English was first accounted for by M. Starke in Nanosyntax seminar cited in [Taraldsen Medová, Wiland 2018]:

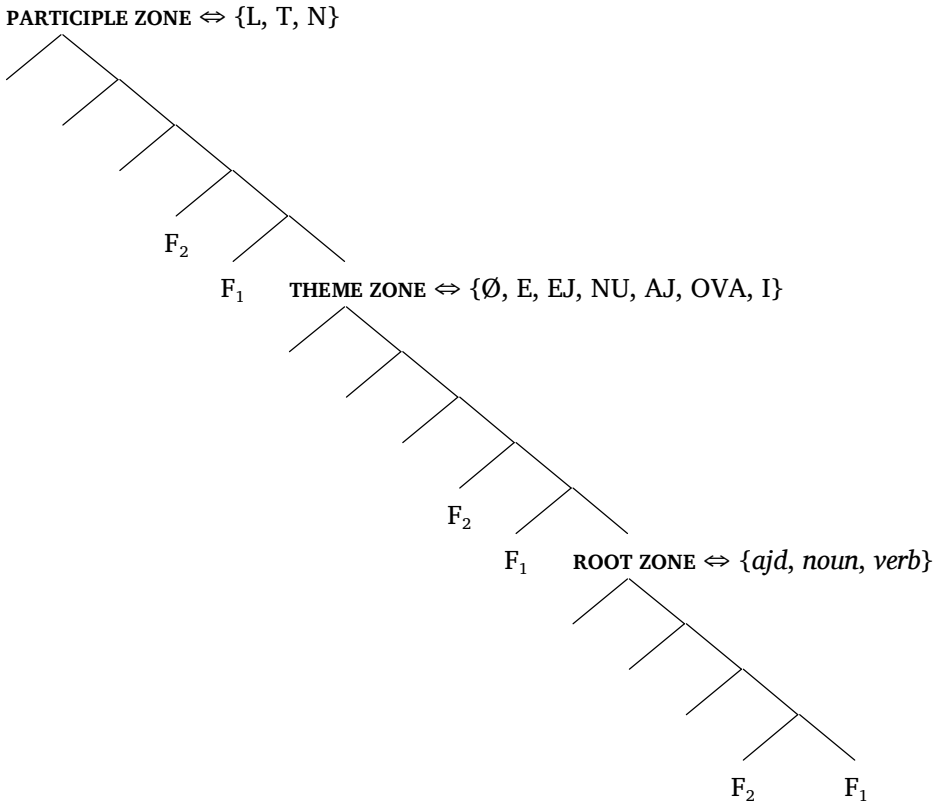
(7)



[1] Glosses for the Russian examples are simplified.

Thus, in English the same exponent *-ed* can lexicalize different chunks of the verbal functional sequence (or, from now on, fseq), beginning from the smallest allocated to target state participles, ending with the largest past tense (finite) fseq. In Norwegian, the situation is almost identical, slightly marred by the form of the past tense (*-te* rather than *-t-* as on the other levels). In Slavic, we cannot boast by even the Norwegian-style uniformity in morphological realization of the functional sequence of verbs and participles. [Taraldsen Medová, Wiland 2018: 312] divide it into three different zones: root zone, theme zone and participle zone:

(8)



The division of the larger fseq into zones is justified by a more complicated morphosyntactic structure found in Slavic participles: to turn a categoriless root into a verb, one first has to merge it with a theme vowel, which is not just a phonological embellishment or a marker of “eventivity”, but a full fledged morpheme responsible for the argument structure of its verb. Above this level, a participle can form Specifically, in the West Slavic languages, there are at least three participial exponents: *-l-* for unaccusative stems (coinciding with the

past tense marker), *-n-* or *-t-* for transitive or unergative stems. Analysing different inputs of different participial suffixes, [Taraldsen Medova, Wiland 2018: 324] come to the following conclusions: 1) the hierarchical relation between participial fseqs supported by argument structures is the following: unergative > transitive–accusative > unaccusative; 2) accordingly, verb stems that spell out as unergatives form a bigger fseq zone than verb stems that spell out as unaccusatives. In the proposed hierarchy transitive-accusative stems take an intermediate position between them. The difference between unergative and unaccusative fseqs in Polish and Czech is reflected morphologically: only unergative and transitive verbs can form *n/t*-participles, whereas unaccusatives form *l*-participles (where *n-*, *t-* and *l-* literally stand for consonants present in a particular participle: *kopnię**ty*** 'kicked', *wykopa**ny*** 'digged out', *zmar**ły*** 'dead'). Thus, participles containing unaccusative stems will pass tests for target state participles, and participles containing unergative stems should not.

3. The problem

Let us return to the participles under discussion. Contrary to the expectation deduced from the paper by [Taraldsen Medova, Wiland 2018], they pass the stativity test [Anagnostopolou 2003] (9–11), which makes them non-eventive, adjectival participles.

(9) Prenominal use
   a. ***Utgrått*** *jente* / ***zaplakannaja*** *devočka* 'tear-stained girl'
   b. ***Utsovet*** *Elling* / ***zaspannyj*** *mal'čik* 'well-slept Elling / sleepy boy'
   c. ***Utkjørte*** *foreldre* / ***zabegannyj*** *žurnalist* 'exhausted parents / journalist'

(10) Complements of act, become, look, remain, seem, sound:
   a. *Han* *virker* ***utvilt.***
      he seem.PRES out-rested.PRTCPL
      'He looks well-rested.'

   b. *Ona* *vygljadit* ***za-spannoj.***
      she.NOM look.PRES.3SG PREF-slept.PRTCPL.SG.F.INSTR
      'She looks sleepy.'

(11) Negative prefix *un-*:
Uutsovet* / *nezaspannyj ‘not slept enough/not sleepy’

Moreover, they also pass a test for Target State participles [Kratzer 1996, 2000].

(12) The use of the adverbial *still*:
a. *ennå* ***utsovet*** */ vsjo ešče* ***zaspannyj*** ‘still well-slept/sleepy’
b. *ennå* ***utgrått*** */ vsjo ešče* ***zaplakannyj*** ‘still tear-stained’
c. *ennå* ***utkjørt*** */ vsjo ešče* ***zabegannyj*** ‘still exhausted’

Thus, the issues to solve are:
1. Why do we find unergative stems in adjectival target state derivations?
2. Where do the incorporated particles/prefixes originate?

4. One solution

There might be several possible ways to answer the first question, but only one will be considered here. The analysis proposed below raises a problem of lexical categories and their distribution in syntax. The chosen approach lies within the framework of nanosyntax.

Remembering the analysis suggested by [Taraldsen Medová, Wiland 2018], we must pay attention to the fact that before we derive verbs we have three separate fseq zones the lowest being that of roots. Suppose, roots never raise to the themy fseq zone in Slavic or to the position responsible for the introduction of the external argument and/or event argument in other languages. What consequences can that have? One is that roots and special participial morphology together lexicalize adjectival/target state chunk of structure leaving the verbal domain beyond it. This idea finds support in [Lundquist 2013: 12], where we see that “all participles have the distribution of adjectives”. In fact, participles **are** adjectives.

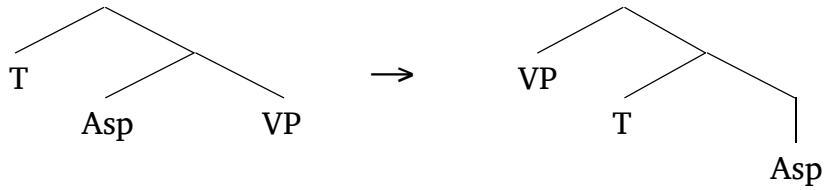
The difference between adjectives and verbs is addressed in detail in [Baker 2003]. According to Baker, it is found in the timing of lexical insertion. Verbs, being predicative structures by default, should merge with the functional projection headed by Pred(icate), and they should do it early in the derivation. Adjectives merge to combine with adjectival morphology before Pred even appears in the structure.

(13) a. A
b. [AP A (PP)]
c. Pred [AP A (NP)] Merge
d. A_i + Pred [AP t_i (NP)] Move
e. like/hunger$_i$ [AP t_i (NP)] Vocabulary insertion
f. [VP NP like/hunger$_i$ [AP t_i (NP)]] Merge
g. [NP$_j$ Tense [VP t_j like/hunger$_i$ [AP t_i (NP)]]]

(14) a. A
b. [AP A (PP)]
c. [AP hungry/fond (NP)] Vocabulary insertion
d. [Pred [AP hungry/fond (NP)]] Merge
e. [PredP NP Pred [AP hungry/fond (NP)]] Merge
f. [PredP NP ∅ [AP hungry/fond (NP)]] Vocabulary insertion
g. [NP$_i$ be$_j$ + Tense [AuxP t_i t_j [PredP t_i [AP hungry/fond (NP)]]]]

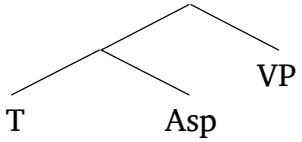
The second question from the previous section is similar in its fundamental nature, since it is concerned with the categorial status as well. As [Starke 2018] puts it, prefixes and suffixes should have different structures and origins. Suffixes involve spell-out driven movement, requiring certain material (VP in (15)) to move out of the way of T-Asp so that the latter could be realized as a constituent.

(15)



When T-Asp is a prefix, it is merged in situ as a complex head or a variety of a specifier. Nothing has to undergo spell-out driven movement and the lexicalization of the whole construction is straightforward:

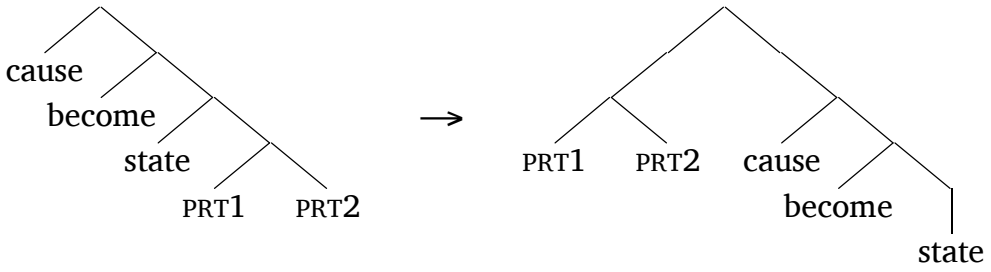
(16)



When prefixes are the classical ResultP constructions, the approach in [Starke 2018: 244] is unproblematic for Slavic-style languages, but runs into a challenge with English-style languages. Thus, Starke's verb decomposed a lá First Phase Syntax [Ramchand 2008] is followed by two particles both of

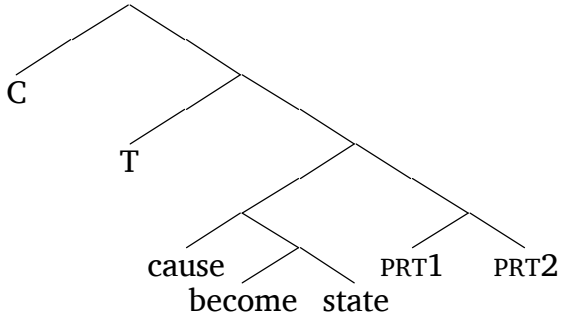
which are in the way of the verbal fseq lexicalization and therefore have to be removed. They are raised and spelled-out as a prefix:

(17)



As for the English-style languages (the ones with postverbal particles), they do not involve any spell-out movement, but rather build their verb-particle constructions on the basis of in-situ PP.

(18)

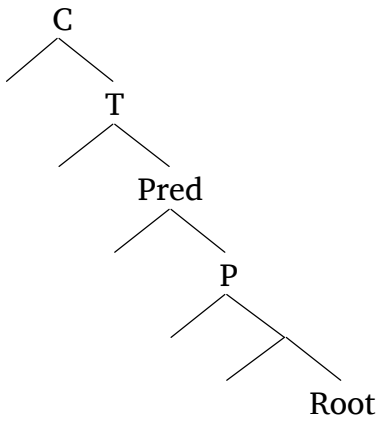


Now the issue of the categorial status comes to the foreground. Thus, in English and other Germanic languages nouns and adjectives (including adjectival participles) show a strong tendency for P incorporation.

(19) a. *their **outplaying** of the home team*
b. *the river's **overflowing** of its banks*
c. *the **voting out** of the government* (**the voting of the government out*)
[McIntyre 2013]

Considering the picture at hand, the analysis in (17)–(18) seems to be problematic, since it demands the preliminary "knowledge" on the part of the P-element of the categorial status of the stem it is going to attach to. What if it still works in the old way when P is in the position of the complement of the so-called principal verbal spin rather than a head located next to a complex specifier-like verb? Following [Taraldsen Medová, Wiland 2018], I could add an fseq zone between the theme and the root zones, which would be the P-zone. A very schematic structure of a sentence would then look like (20):

(20)

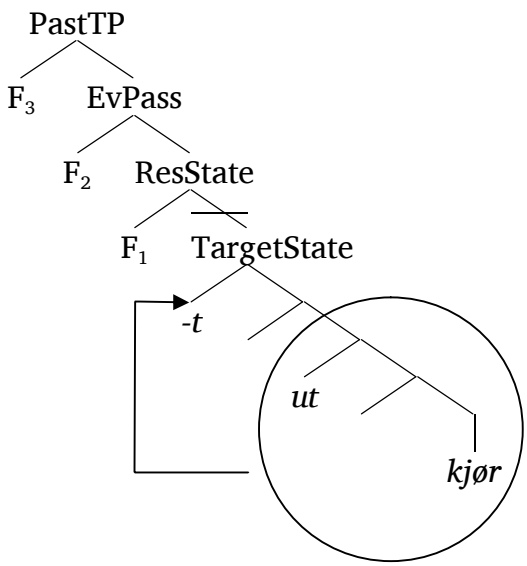


In (20) target state / adjectival agreement position is in between Pred and P. P, of course, has a much more branching structure, considering the latest findings in the fseq of this category (e.g. [Pantcheva 2011]). The diagram is so schematic because I only have to demonstrate that P raises to the prefix position just when the root merges with Pred. When Pred remains beyond the main lexical derivation, P attaches directly to the root, demonstrating some preposition-like behaviours. At this point I do not know how and why exactly the meaningful presence of Pred in the stem of a prefixed or particled construction is responsible for the raising of P and its participation in the makeup of the eventive derivation.

Here is the idea.

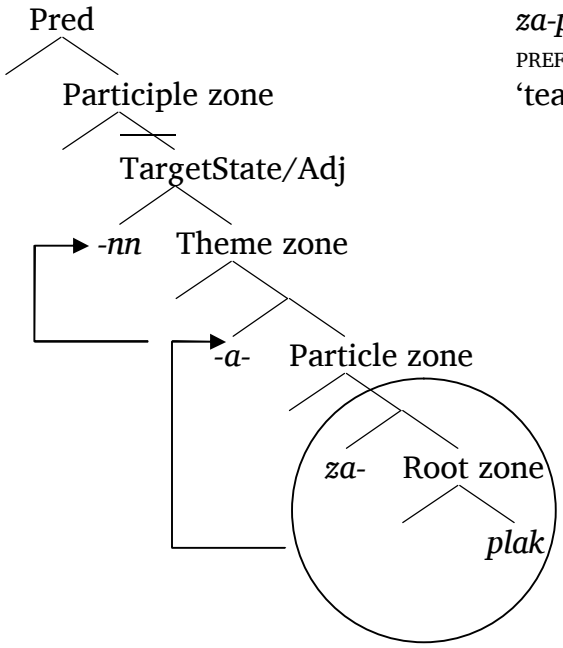
In adjectival derivation, that is, when Pred is not merged yet, P incorporates into the root first, and only then the P-root combo raises to the upper position in the tree to lexicalize the part of the structure responsible for the adjectival target-state interpretation. The direction of this derivation is the same in Germanic and in Russian:

(21)



utkjørt (obligatorily a prefix)
outdriven
'exhausted'

(22)



za-plakannyj
PREF-cried
'tear-stained'

When Pred is merged, the root is immediately attracted to it and ends up as a verb. Then, depending on a language, P either stays behind or raises to incorporate into the derived V. That is how the derivation would look like if I followed [Baker 2003]:

(23) a. [P Root]
b. Pred [P Root] Merge
c. $Root_i$ + Pred [P t_i] Move
d. kjore [P ut t_i] Vocabulary insertion
e. [VP kjore [P ut t_i]] Merge
f. [Tense [VP kjort [P ut t_i]]]

5. Repercussions

In Russian, there are nouns with a non-verbal stem which can carry the same prefixes as verbs do (although in this line of reasoning, this might be a redundant piece of information):

(24) a. Adjectives: *zaumnyj* 'high-brow/mind-bending', *priokonnyj* 'by-window', *nastol'nyj* 'desktop'
b. Nouns: ***z*a*u*m'** 'educators/sophistry', *p***o***dpol* 'cellar', ***o****tzvuk* 'echo', *pri****z****nak* 'feature'

In (24), the prefixes on nouns attract stress. This pattern is never observed on verbs apart from the stress bearing prefix *vy-*. However, with participles in a number of cases stress is shifted from the root onto the prefix:

(25) *z**a**spannyj* ‘sleepy’ vs *zasp**a**t’sja* ‘oversleep’ (stress pattern)

If prefixes with verbs and prefixes with other (traditionally nominal) categories have different structural properties, one would expect this phenomenon to be reflected in phonology. The structural properties in question can differ either in their general position, like in [Starke 2018], or in relation to the categorial status of P itself. In the presence of Pred, P is firmly integrated in the verbal spine and participates in its aspectual build-up. In the absence of Pred, P is a preposition which precedes a nominal (or categoriless) root and directly incorporates into it. Addressing phonology again, we could find a lot of examples of prepositions carrying the stress of phonological words they are part of:

(26) *z**a** morem* ‘overseas’, *p**o**d polom* ‘under the floor’

Yet, this is true that the stress pattern like this can also be found on other participles (27), which only supports the claim in [Lundquist 2013] that all participles have adjectival distribution, and by adjectival distribution he means the absence of Pred at a certain moment of derivation.

6. Some alternative ideas for future research

As stated above, the analysis proposed in this paper is just one possible way to account for the existence of prefixed particles with unergative roots. Another way would be to look at them still from a verbal perspective.

The participles under discussion are comparable to regular passive participles formed from transitive verbs, for example, *nadorvat’ paket* ‘tear a package slightly’ vs *nadorvannyj packet* ‘a slightly torn package’. The stress pattern demonstrated by the prefixed participle is the one described for some non-verbal prefixed derivations above, but the fact that the participle modifies the resultant state of the nominal referent indicates that we are actually dealing with the eventive participle. If the unergative-based participles are derived in the same way, there must be some source for their passivization. It is possible to imagine that their verbal counterparts are transitive to some extent, like verbs

with PPs in English serving the basis for pseudopassivization. In the Russian examples above, the most popular prefix is *za-*, which is described as passivizing in some works [Romanova 2007]. It may play a certain role in the new derivation. Indeed, *zaplakannaja devocka* 'a tear-stained girl' is understood as a girl covered in tears as a result of her own crying.

We might also be witnessing some shift in the participle formation algorithm, and this is connected with a new participial morpheme replacing a more complex old one and coming to remind of the English fseq for *-ed*. More and more frequently instead of *vyspavsijsja* 'having had enough sleep' and *najevsijsja* 'having satiated oneself' their colloquial variants are produced: *vyspannyj* and *najedennyj*. They don't contain the reflexive postfix *-sja* as the right forms do, but they certainly must imply that it is the agent itself that holds the resultant state.

7. Conclusions

Strange behaviour of certain prefixed participles in Norwegian and in Russian is explained by their special categorial status and their relations with P falling out of that status. If participles are always considered to be adjectives rather than verbs, the following puzzles are explained:

- obligatory incorporation in Germanic (here exemplified mainly by Norwegian);
- the stress shift onto the prefixes in Russian;
- the target-state interpretation of the participles in spite of their unergative roots.

The problematic nature of categorization is well described in [Baker 2003]. Recent findings in neurolinguistics is additional evidence for the complexity of this issue. Thus, the amplitude of the event-related brain potential component, P200, described in [Błaszczak et al. 2018], is smaller for finite verbs than converbs and verbal nouns. Considering that the words involved in the experiment in the aforementioned paper had identical semantics and only differed in category-related morphology, the results must be an indication that understanding what lexical categories are and how they interact with different functional sequences, requires more research.

Abbreviations

3 — 3rd person; ACC — accusative case; ADJ — adjective; F — feminine; DAT — dative case; DEF — definite; INF — infinitive; INSTR — instrumental case; LOC — locative case; M — masculine; NOM — nominative case; OBJ — objective case; PAST — past tense; PREF — prefix; PRES — present tense; PRTCPL — participle; PP — past participle; PL — plural; SG — singular.

References

Anagnostopoulou 2003 — Anagnostopoulou E. Participles and voice. Perfect explorations. Alexiadou A., Rathert M., von Stechow A. (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. Pp. 1–36.

Baker 2003 — Baker, M.C. Lexical Categories: Verbs, Nouns, Adjectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Błaszczak et al. 2018 — Błaszczak J., Czypionka A., Klimek-Jankowska D. Why are verbal nouns more verbal than finite verbs? New insights into the interpretation of the P200 verbal signature. Glossa: A journal of general linguistics. Vol. 78, No 3(1). Pp.1–26.

Kratzer 1996 — Kratzer A. Severing the external argument from the verb. Phrase structure and the lexicon. Rooryck J., Zaring L. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1996. Pp. 109–137.

Kratzer 2000 — Kratzer A. Building statives. Proceedings of the twenty-sixth annual meeting of the Berkeley Linguistic Society, February 18-21, 2000. Conathan L.J., Good J., Kavitskaya D., Wulf A.B., Yu A.C.L. (eds.). Berkeley, CA, USA: Berkeley Linguistic Society, 2000. Pp. 385–399.

Lundquist 2008 — Lundquist, B. The category of participles. Categorization and category change. Iordachioaia G., Roy I., Takamine K. (eds.). Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. Pp. 11–32.

McIntyre 2013 — McIntyre A. English particle-verbs are complex heads: Evidence from nominalization. Interfaces of Morphology. Härtl H. (ed.). Berlin: Akademie Verlag, 2013. Pp. 41–57.

Pantcheva 2011 — Pantcheva M. Decomposing path. The nanosyntax of directional expressions. Ph.D. dis. University of Tromsø, 2011.

Ramchand 2008 — Ramchand, G. Verb meaning and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Starke 2018 — Starke M. Complex left branches, spell-out, and prefixes. Exploring Nanosyntax. Baunaz L., De Clercq K., Haegeman L., Lander E. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 239–249.

Taraldsen Medová, Wiland 2018 — Taraldsen Medová L., Wiland B. Functional sequence zones and Slavic L>T>N participles. Exploring Nanosyntax. Baunaz L., De Clercq K., Haegeman L., Lander E. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 305–328.

Статья поступила в редакцию 17.11.2019
The article was received on 17.11.2019

Евгения Евгеньевна Романова
Ph.D.; кандидат филологических наук; доцент, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН

Eugenia E. Romanova
Ph.D.; assistant professor, researcher, Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch

evgeniya.romanova@icloud.com

Компаративно-аттенуативная полисемия в бесермянском удмуртском*

М. О. Черемисинова
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

В статье описывается семантика и функционирование показателя компаратива =*ges* в бесермянском диалекте удмуртского языка. Показатель =*ges* факультативен в сравнительной конструкции, обладает аттенуативным значением, а также способен маркировать глаголы как в компаративном, так и в аттенуативном употреблениях. В настоящей работе показано, к каким предикатам может присоединяться показатель =*ges* в зависимости от контекста, а также предложен анализ, согласно которому во всех употреблениях показателя =*ges* важно, чтобы предикат вводил шкалу, по которой можно было бы производить сравнение.

Ключевые слова: аттенуатив, компаратив, полисемия, сравнительная конструкция, шкала, удмуртский язык.

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Формальные подходы к информационной структуре: синтаксис, семантика, дискурс», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году. Автор выражает благодарность А. А. Козлову, под руководством которого эта работа была написана, М. Н. Усачёвой за теплый прием в бесермянскую экспедицию, обсуждение работы и поддержку, С. К. Михайлову за ценные комментарии. Мы также благодарны всем работавшим с нами носителям бесермянского.

COMPARATIVE-ATTENUATIVE POLYSEMY IN BESERMAN UDMURT*

Maria Cheremisinova
National Research University Higher School of Economics

The paper describes semantics and unusual properties of Comparative marker *=ges* in Beserman Udmurt. The marker *=ges* is optional in comparative constructions, it can have attenuative meaning, and it can also mark finite verbs both in its attenuative use and in comparative constructions. In this paper I describe the properties of predicates to which marker *=ges* can be attached to and argue that in all contexts in order to use *=ges,* it is obligatory for the predicate to have a scale on which it would be possible to make the comparison.

Keywords: attenuative, comparative construction, comparative marker, polysemy, scale, Udmurt.

* This article is an output of a research project “Formal approaches to information structure: syntax, semantics, discourse” implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). I am grateful to Alexey Kozlov for supervising my work, Masha Usacheva for a heartfelt welcome in Beserman expedition, discussion and support, Stepan Mikhailov for insightful comments. I am also thankful to all of my consultants.

1. Введение

Настоящая работа посвящена бесермянскому[1] показателю *=ges*.

В Таблице 1 представлены основные элементы компаративной (или «сравнительной») конструкции на примере предложения русского языка. Под показателем компаратива (или «компаративным показателем») мы понимаем показатель, маркирующий аспект сравнения в компаративной конструкции.

Таблица 1. Элементы компаративной конструкции

Слоны	*смешн-*	*-ее,*	*чем*	*ламы.*
объект сравнения	аспект сравнения	показатель компаратива	показатель стандарта сравнения	стандарт сравнения

Согласно [Stassen 2013] тип сравнительной конструкции, образованной при помощи компаративного показателя, типологически сравнительно редок. Более того, языки зачастую не имеют показателя компаратива [Treis 2018].

Сравнительная степень в литературном удмуртском языке образуется при помощи показателя стандарта сравнения с локативной/адвербиальной функцией («Locational Comparative») [Stassen 2013].

(1) удмуртский

юш	*лым*	*язь*	*лым-лэсь*	*ческыт*
окунь	уха	язь	уха-ABL	вкусный

‘Уха из окуня вкуснее ухи из язя.’ [ГСУЯ 1962: 138]

Однако в литературном удмуртском языке есть показатели, которые традиционно называют показателями «сравнительной степени» (*-гес* и *-гем*) [ГСУЯ 1962: 137]. В бесермянском диалекте удмуртского языка есть один показатель компаратива: *=ges/kes* (в зависимости от качества предыдущего звука).

[1] Бесермянский диалект удмуртского языка относится к пермской подгруппе финно-угорских языков (уральская семья). Бесермяне — коренной малочисленный народ России, проживающий на северо-западе республики Удмуртия. Согласно переписи 2010 года, численность бесермян составляет 2201 человек. Данные были собраны в ходе полевой работы в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии в 2019 г. Большинство примеров были получены при помощи элицитации.

Показатель компаратива *=ges/kes* в бесермянском удмуртском обладает набором нетривиальных свойств.

Во-первых, в сравнительной конструкции данный показатель употребляется опционально[2].

(2) *vaš'a* *p'et'a-ləš'* *zol(=ges)*
Вася Петя-GEN2 сильный(=COMP)
'Вася сильнее Пети.'

Во-вторых, показатель *=ges* может маркировать не только прилагательные и наречия, но и финитные формы глагола в компаративном употреблении.

(3) *mon* *ləkt-əl-iš'ko=ges* *tatč'e* *ton* *š'arəš'*
я.NOM приходить-ITER-PRS(1SG)=COMP сюда ты.NOM о
'Я прихожу сюда чаще, чем ты.'

В-третьих, помимо употребления в компаративной конструкции, показатель *=ges* также обладает аттенуативным значением: как в сочетании с прилагательными и наречиями (4), так и с глаголами (5).

(4) *pomidor=jos* *vož-eš'=ges=na* *en=na* *kija*
помидор-PL зеленый-PL=COMP=еще NEG.IMP=еще ломать.SG
'Помидоры еще зеленоватые (немного зеленые), не рви.'

(5) *marke* *tunne* *kɤt-ə* *kurekt-e=ges*
что-то сегодня душа-P.1SG болеть-PRS.3SG=COMP
'Я немножко грущу сегодня (досл. душа сегодня побаливает).'

В данной работе мы опишем семантику и функционирование показателя *=ges* в бесермянском диалекте удмуртского языка (раздел 2), а также проведем типологические параллели с некоторыми другими уральскими языками (раздел 3).

[2] В бесермянском языке существует три способа оформления стандарта сравнения: второй генитив *-ləš'*, послелог *šarəš'* 'о' и заимствованный из русского языка союз *č'em* 'чем' (подробнее о дистрибуции показателей см. [Холодилова 2015]). По-видимому, на семантику компаративного показателя *=ges* и на возможность маркирования им прилагательного, наречия или глагола вид показателя стандарта сравнения не влияет.

2. Показатель =*ges* в бесермянском удмуртском

2.1. Употребление в компаративной конструкции

В сравнительной конструкции показатель =*ges* факультативно сочетается с прилагательными (6) и наречиями (7).

(6) *maša* *kat'a-ləš'* *ǯ'užət(=kes)* *vit'* *santimetr-lə*
Маша Катя-GEN2 высокий(=COMP) пять сантиметр-DAT
'Маша выше Кати на 5 сантиметров.'

(7) *vaš'a* *pet'a-ləš'* *ǯ'og(=ges)* *biž'-i-z*
Вася Петя-GEN2 быстро(=COMP) бежать-PST-3(SG)
'Вася бежал быстрее Пети.'

При употреблении показателя =*ges* на финитном глаголе наречие, модифицирующее данный глагол, становится опциональным.

(8) a. *ataj* *pi-z-e* *zol(=ges)* *jarat-e* *nəl-əz* *š'arəš'*
отец сын-P.3(SG)-ACC сильно(=COMP) любить-PRS.3SG дочь-P.3SG о
'Отец любит сына больше, чем дочь.' {a=b}

b. *ataj* *pi-z-e* *(zol)* *jarat-e=ges* *nəl-əz* *š'arəš'*
отец сын-P.3(SG)-ACC (сильно) любить-PRS.3SG=COMP дочь-P.3SG о

У показателя =*ges* есть некоторые ограничения на сочетаемость с глаголами. Он может присоединяться к непредельным предикатам: состояниям[3] (9) и процессам (10).

(9) *mon* *tunne* *mɤzm-iš'ko=ges* *tolona* *š'arəš'*
я.NOM сегодня скучать-PRS(1SG)=COMP вчера о
'Сегодня я больше скучаю, чем вчера.'

(10) *pet'a* *kal'l'en* *veraš'k-i-z=ges*
Петя тихо говорить-PST-3(SG)=COMP

mad'-əš' *nəl* *murt-leš'*
петь-PTCP.ACT девочка человек-GEN2
'Петя говорил тише, чем девочка пела.'

[3] Понятие *состояния*, и в дальнейшем, *процесс, вхождение в состояние* мы понимаем так, как они определены у С. Г. Татевосова [Татевосов 2010].

При этом показатель *=ges,* как правило, невозможен с предельными предикатами[4].

(11) *mon* (*zol*) *žad'-i*(*=*ges*) *pet'a* *š'arəš'*
я.NOM (сильно) устать-PST(1SG)(*=COMP) Петя о
'Я устал сильнее, чем Петя.'

Кроме того, показатель *=ges* может присоединяться к глаголам в хабитуальных контекстах: предположительно, в тех случаях, когда глаголы в своей акциональной характеристике имеют непредельную акциональную интерпретацию: состояние и/или процесс[5]. Соответственно, (12) возможен, так как *vel'tənə* 'ходить' имеет в своей акциональной характеристике процессную интерпретацию, а (13) — нет, так как *kel'anə* 'проигрывать' такой интерпретацией не обладает (а имеет в перфективном употреблении только интерпретацию вхождения в состояние).

(12) *nəl-əz* *vel't-e=ges* *magaž'in-e* *č'em* *anaj-ez*
дочь-P.3SG ходить-PRS.3SG=COMP магазин-ILL чем мать-P.3SG
'Дочь ходит в магазин чаще, чем мать.'

(13) **mon* *šaxmat-ən* *šəd-on* *dərja*
я.NOM шахматы-LOC играть-VN во.время

(*č'em*) *kel'a-š'ko=ges* *č'em* *vorm-iš'ko*
(часто) проигрывать-PRS(1SG)=COMP чем побеждать-PRS(1SG)
Ожидаемое значение: 'Я чаще проигрываю в шахматы, чем выигрываю.'

2.2. Аттенуативное употребление

Вне компаративной конструкции в сочетании с прилагательными и наречиями показатель *=ges* означает небольшую степень параметра, задаваемого прилагательным или наречием.

[4] Данный вопрос требует дальнейшего изучения.

[5] К сожалению, мы не располагаем подробными данными об акциональной семантике глагольных основ бесермянского диалекта удмуртского языка. Гипотезы, предложенные нами, основываются на примерах из словаря и из корпуса. Последние содержат в себе довольно много материала (в частности, подтверждающего наши предположения об акциональной характеристике глаголов), однако отрицательный материал в них отсутствует. Поэтому наши гипотезы требуют дальнейшей проверки и уточнения.

(14) *pomidor=jos* *vož-eš'=ges=na* *en=na* *kija*
помидор-PL зеленый-PL=COMP=еще NEG.IMP=еще ломать.SG
'Помидоры еще зеленоватые (немного зеленые), не рви.'

(15) *so* *kal'len=ges* *ləǯ'-e* *no* *vič'ak* *vala-mən*
он медленно=COMP читать-PRS.3SG но всё понимать-RES
'Он читает немного медленно («медленновато»), но зато (всё) понятно.'

Как и в случае компаративного употребления показателя *=ges*, в аттенуативном употреблении он также может присоединяться к глаголам, но не ко всем. Во-первых, присоединение *=ges* возможно к глаголам, обозначающим состояния.

(16) *mon* *kal'* *mɤzm-iš'ko=ges*
я.NOM сейчас скучать-PRS(1SG)=COMP
'Я сейчас немножко скучаю.'

Во-вторых, *=ges* может присоединяться к градативам (или «degree achievements» — таким глаголам, как, например, *widen, lengthen, cool, dry* [Dowty 1979]). В бесермянском удмуртском большинство градативов образовано от прилагательных.

(17) *anaj-e* *plat't'a-m-e* *miš'k-em*
мать-P.1SG платье-P.1(SG)-ACC стирать-PST2.3SG

bere *so* *amsəra-m-əz=ges*
после тот сузиться-PST2-3SG=COMP
'Мама постирала платье и оно немного сузилось.'

Однако *=ges* не может присоединяться к процессам и предельным предикатам (за исключением градативов, рассмотренных выше), ср. (18)–(19).

(18) *kran-əš'* *vu* *vija=(*ges)=uk*
кран-EL вода капать.PRS.3SG(*=COMP)=EMPH
'Вода немного капает из крана.'

(19) *pin'al* *əžət* *bɤjga-z* / **bɤjga-z=ges*
ребёнок немного успокаиваться-3(SG.PST) успокаиваться-3(SG.PST)=COMP

so *bere* *opeť* *bɤrd-ənə* *kuč'k-i-z*
это после опять плакать-INF начинать-PST-3(SG)
'Ребенок немного успокоился, но потом снова начал плакать.'

2.3. Употребление при отрицании

В данном разделе мы отдельно рассмотрим употребление показателя *=ges* при отрицании. Данные контексты заслуживают отдельного внимания, так как контексты, в которых появляется *=ges* при отрицании, значительно отличаются от аттенуативного употребления *=ges* без присутствия такового.

2.3.1. Контекст с клитикой =na ‘ещё’

Самым характерным для показателя *=ges* при отрицании является контекст с клитикой *=na* ‘ещё’. В данном употреблении *=ges* обозначает «немного».

(20) *šəd* *e-z=na* *pʏž’* *med* *pʏž’-o-z=na*
суп NEG.PST-3=ещё варить.SG пусть варить-FUT-3SG=ещё
‘Суп еще не сварился (не готов), пусть еще поварится.’

(21) *šəd* *e-z=ges=na* *pʏž’* *med* *pʏž’-o-z=na*
суп NEG.PST-3=COMP=ещё варить.SG пусть варить-FUT-3SG=ещё
‘Суп немного ещё не сварился (комментарий информанта: «Ещё маленько не готов, недоваренный»), пусть ещё поварится.’

Как и в случае с компаративным и аттенуативным употреблением *=ges* без отрицания, *=ges* присоединяется не ко всем предикатам под отрицанием.

Во-первых, *=ges* присоединяется к предикатам, обозначающим состояния. Рассмотрим пример (22):

(22) *mad’-leš’* *kəl-jos-se* *d’eš’* *ug=ges=(na)* *tod-iš’k-ə*
песня-GEN2 слово-PL-P.3SG хорошо NEG.PRS=COMP=(ещё) знать-PRS-SG(1)
‘Слова песни хорошо ещё немного не знаю / плохо ещё знаю.’

По-видимому, пример (22) обладает следующей логической формой. В нём участвует, (i) субсективное наречие ‘хорошо’, применяющееся к денотату глагольной группы и возвращающее подмножество этого денотата; (ii) оператор отрицания и (iii) аттенуативный оператор *=ges*. Операторы расположены в следующем порядке:

(22') [att [neg [d’eš’ [$_{VP}$ …]]]]

Немного упрощая, можно сказать, что аргумент оператора аттенуатива означает ‘неверно, что знаю хорошо’; это описание делают истинными, во-первых, ситуации полного незнания, а во-вторых, ситуации плохого знания. Далее происходит коэрсия: аттенуативный оператор требует от своего аргумента образовывать шкалу.

Представим себе, что свойство ситуаций удовлетворять описанию ‘неверно, что знаю хорошо’ градуируемое. Интуитивно понятно, что идеально такое описание будут удовлетворять ситуации полного незнания — они максимально далеки от хорошего знания. Чуть хуже будут ситуации отрывочного или неполного знания. Наконец, ещё хуже будут ситуации удовлетворительного знания, которые уже будут граничить с ситуациями хорошего знания.

Тогда можно сказать, что если в случае присоединения к качественным прилагательным аттенуативный оператор вводит компонент значения, сообщавший, что на шкале находилась низко степень того или иного качества (‘зелёный’ > ‘зеленоватый’), то сейчас он сообщает, что событие, о котором идёт речь, низко находится на шкале соответствия описанию типа ‘неверно, что знаю хорошо’. Иными словами, ситуация находится ещё не в районе хорошего знания, но весьма близко к нему.

Во-вторых, показатель *=ges* также может сочетаться с глаголами акционального класса вхождения в состояние, имеющими в акциональной характеристике процессную интерпретацию. В данном употреблении *=ges* привносит компонент значения, сообщающий, что до вхождения в состояние осталось немного времени: процесс почти подошел к кульминации. В (23) глагол *l’ugeč’ikənə* ‘рассветать’ предположительно может иметь не только интерпретацию вхождения в состояние в прошедшем времени, но и процессную интерпретацию, в то время как *kuč’kələnə* ‘начинать’ не имеет процессной интерпретации в прошедшем времени и поэтому не сочетается с показателем *=ges* (24).

(23) *e-z=ges=na* *l’ugeč’ik-ə*
NEG.PST-3=COMP=ещё рассветать-SG

no *ǯ’ogen* *šundə* *ǯ’užal-o-z=n’i*
но скоро солнце всходить-FUT-3SG=уже
‘Еще не рассвело, но скоро солнце уже встанет.’

(24) **mon e-j=ges=na kuč'k-əl kniga-m-e ləǯ'-ənə*
я.NOM NEG.PST-1SG=COMP=ещё начинать-ITER.SG книга-P.1(SG)-ACC читать-INF
'Я еще не начинал читать эту книгу.'

Для таких контекстов мы предполагаем похожую логическую форму (см. раздел 2.4.3).

2.3.2. Контекст с клитикой =n'i 'уже'

Другим контекстом, характерным для употребления показателя *=ges* при отрицании является контекст с клитикой *=n'i* 'уже'. Данное употребление возможно в хабитуальных предложениях с отрицанием. Интерпретация, которую *=ges* получает в этом случае, лучше всего передаётся русским словом «редко» (26) (ср. тж. русское *почти не заходит*, тоже включающее степенной оператор).

(25) *so biž'-em beraz min'n'am ug pər-ə=n'i*
тот выйти.замуж-NMLZ после мы.ILL NEG.PRS входить-3SG=уже
'После замужества она уже (совсем) к нам не заходит.'

(26) *so biž'-em beraz min'n'am ug=ges pər-ə=n'i*
тот выйти.замуж-NMLZ после мы.ILL NEG.PRS=COMP входить-3SG=уже
'После замужества она уже к нам редко заходит.'

2.3.3. Контекст «стараться не»

В настоящем времени в сочетании с процессами употребление показателя *=ges* также возможно. В данном употреблении *=ges* имеет интерпретацию «стараться не делать что-либо», «сдерживаться».

(27) *mon ug=ges bɤrd-iš'k-ə*
я.NOM NEG.PRS=COMP плакать-PRS-SG

a ač'-im vož'-ənə tərč'ik-iš'ko
а REFL-P.1SG держать-INF стараться-PRS(1SG)
'Я стараюсь не плакать, сама себя сдерживаю.'

(28) *mon ug=ges ju-iš'k-ə*
я.NOM NEG.PRS=COMP пить-PRS-SG

pin'al'-l'os=no muket kalək=no aǯ'-o-z-ə
ребенок-PL=ADD другой народ=ADD видеть-FUT-3-PL
'Я сдерживаюсь, чтоб не пить, а то дети и другие люди увидят.'

2.4. Обобщения: =*ges* в бесермянском удмуртском

Как в компаративных конструкциях, так и в аттенуативных употреблениях присоединение показателя =*ges* в бесермянском удмуртском возможно как к прилагательным и наречиям, так и к финитным формам глагола.

В таблице 2 суммированы типы предикатов, с которыми сочетается показатель =*ges* в различных употреблениях: компаративном, аттенуативном и при отрицании.

Таблица 2.
Свойства глаголов, способных присоединять показатель =*ges* в зависимости от значения

Компаратив	Аттенуатив	При отрицании
• непредельные предикаты • хабитуалис (в акциональной характеристике непредельная интерпретация)	• состояния • градативы	• состояния / вхождения в состояния (в акциональной характеристике процесс) + *па* ‘ещё’ • хабитуалис + *п’і* ‘уже’ • процессы > ‘стараться не’

В данном разделе мы не собираемся предлагать законченный анализ семантики показателя =*ges* в бесермянском удмуртском, однако попробуем объяснить хотя бы некоторые особенности его употребления: в компаративной конструкции (раздел 2.4.1), в аттенуативном употреблении (раздел 2.4.2) и в употреблении при отрицании (раздел 2.4.3).

Для начала заметим, что во всех употреблениях =*ges* возможен в сочетании с глаголами, обозначающими состояния. Вероятно, это связано с тем, что состояния семантически ближе всего к прилагательным в предикативной позиции. Чем дальше мы отходим от семантики прилагательного, тем менее вероятно употребление показателя компаратива (как в компаративном, так и в аттенуативном значениях), а также тем чаще возникает некомпозициональность значения (ср. употребление при отрицании).

2.4.1. Употребление =ges в компаративной конструкции

Современные теории компаратива сходятся в том, что сравнение происходит не непосредственно между индивидами, а между степенями («degrees») [von Stechow 1984], [Heim 1985, 2000], [Beck et al. 2011]. Эти теории опираются на примеры типа (29)–(30), где видно, что степень некоторого признака может быть эксплицитно выражена.

(29) *John is taller than **4 feet**.*

(30) *John is **5 cm** taller than Bill.*

Исходя из данных теорий предложение (31a) верно при условии в (31b), то есть, если на шкале высоты индивидов степень высоты одного из индивидов больше степени высоты другого.

(31) a. *Caroline is taller than Georgiana.*

b. max(λd.C is d-tall) > max(λd′.G is d′-tall)
[Beck et al. 2011 (from [Heim 1985])]

Затем понятие шкалы («scale») и степени («degree») начали использовать и при анализе семантики глаголов [Hay et al. 1999], [Kennedy, Levin 2002, 2008], [Filip 2008], [Rappaport Hovav 2008] и мн. др. В основном эти понятия применялись для объяснения различных явлений в области предельности, как в (32-33), где градатив *cool* может иметь как предельную, так и непредельную интерпретацию.

(32) *The soup cooled in 10 minutes.* (ПРЕДЕЛЬНЫЙ)

(33) *The soup cooled for 10 minutes.* (НЕПРЕДЕЛЬНЫЙ)

Кроме того, по крайней мере некоторые такие глаголы также позволяют выразить степень изменения признака (34).

(34) *The soup cooled **17 degrees**.* [Kennedy, Levin 2008]

В работе [Kennedy, Levin 2002] авторы выделяют так называемые глаголы постепенного изменения признака («verbs of gradual change»), которые делят на несколько групп, в зависимости от типа вводимой ими шкалы:

- градативы (напр., *widen*) вводят шкалу свойства («property scale»);
- глаголы направленного движения (напр., *ascend, descend*) — шкалу пути («path scale»);
- некоторые глаголы с инкрементальной темой (напр., *eat*) — шкалу объема/пространственную шкалу («volume/spatial scale»).

Кроме того, у любого события есть временная шкала. Если событие ограничено («bounded»), то его длительность можно измерить на временной шкале, пользуясь тем же понятием степени изменения («degree of change») [Součková 2004]. Так, в (35) глагол *cried* непредельный, поэтому при нем возможно выразить степень изменения *for an hour*.

(35) *The child cried* ***for an hour****.*

Возвращаясь к данным бесермянского диалекта удмуртского языка, мы можем предположить, что лексическое значение непредельных глаголов (или по крайней мере некоторой части этого класса) располагает шкалой, с которой может работать показатель *=ges*.

Тем же ограничением (то есть возможностью сочетаться только с непредельными глаголами в компаративном употреблении) также обладает показатель компаратива в коми-зырянском языке [Todesk 2015].

(36) коми-зырянский

mam-śys	*sijö*	*baťˊ*	*dorśys*	*myjlakö*	*pol-is-džyk*
мать-EL.3SG	3SG	отец	PP	почему-то	бояться-IPF.3SG-COMP

‘По какой-то причине он/она боится мать больше, чем отца.’
<НЕПРЕДЕЛЬНЫЙ> [Todesk 2015: 32]

(37) **vajny-džyk* ‘приносить-COMP’ <ПРЕДЕЛЬНЫЙ> [Todesk 2015: 35][6]

2.4.2. Аттенуативное употребление =ges

В работе О. Каган [Kagan 2016] предложен единый анализ для русской приставки с аттенуативной семантикой *по-* в сочетании с прилагательными/наречиями в компаративной конструкции (*по-быстрее*), а также в сочетании с глаголами (*по-грустил*). Согласно О. Каган основная функция данного показателя — ограничивать степень изменения (*difference value*). Так, семантика, представленная в (36), означает, что приставка *по-* в глаголе *по-грустил* привносит компонент значения, сообщающий о том, что степень грусти в этом событии меньше некоторой контекстно заданной ожидаемой степени грусти (т.е., меньше, чем мы бы ожидали).

[6] В указанной статье отсутствуют примеры целых предложений с показателем *-džyk* в сочетании с предельными глаголами.

(38) $[[\text{po-}]] = \lambda P \lambda d \lambda x \lambda e.[P(d)(x)(e) \wedge d \leq d_c]$,
где d_c — контекстно заданное ожидаемое значение степени
[Kagan 2016]

Однако заметим, что показатель *=ges* в бесермянском удмуртском в компаративной конструкции аттенуативным значением не обладает. Так, в (37) аспект сравнения может быть модифицирован наречием *troslə* ‘сильно’.

(39) *vaš’a* *tros-lə* *ǯ’užət(=kes)* *pet’a-ləš’*
Вася много-DAT высокий=COMP Петя-GEN2
‘Вася сильно (намного) выше Пети.’

Тем не менее, анализ, предложенный О. Каган, как нам кажется, частично может быть использован для описания аттенуативного употребления показателя *=ges* на глаголах, а также при отрицании.

В аттенуативном употреблении показатель *=ges* сочетается с состояниями (объяснение данному факту приведено выше), а также с градативами. Согласно [Kennedy, Levin 2002] градативы вводят шкалу, наличие которой объясняется тем, что внутренний аргумент таких глаголов претерпевает изменение в течение события. Например, в (38) представлена семантика для градатива *widen* ‘расширяться’, которая говорит о том, что аргумент *x* увеличивается по параметру ширины от начала к концу события на некоторую степень *d*.

(40) $[[\text{widen}]] = \lambda d \lambda x \lambda e.[\text{WIDE}(x)(\text{END}(e)) \geq \text{WIDE}(x)(\text{BEG}(e)) + d]$
где BEG — это функция из событий в моменты времени, которая возвращает начальную точку события, а END — это функция из событий в моменты времени, которая возвращает конечную точку события
[Kagan 2016]

Таким образом, закономерно, что градативы в аттенуативном употреблении также сочетаются с показателем *=ges*.

2.4.3. Употребление =ges при отрицании

Показатель *=ges* в сочетании с отрицательным глаголом употребляется свободнее аттенуативного употребления, а также имеет больше значений. Данное употребление показателя нуждается в дальнейшем семантическом анализе, однако в данном подразделе мы попытаемся предложить объяс-

нение самому частотному контексту употребления =*ges* при отрицании, а именно, контексту с клитикой =*na* ‘ещё’ (как, напр., в (21) ‘*Суп ещё немного не сварился*’).

В контексте с клитикой =*na* ‘ещё’ мы не имеем дело с аттенуативом в общепринятом значении этого термина: показатель не обозначает пониженную интенсивность действия: в самом деле, при отрицании никакого действия не происходит вообще.

По-видимому, =*ges* представляет дело так, как если бы пропозиция ‘Суп не сварился’ была градуируемой. Представим себе, что есть несколько «степеней несваренности супа». С одной стороны, эта пропозиция истинна и в том случае, когда овощи только что бросили в холодную воду (t_0), и в том, когда до состояния готовности супу остаётся всего пять минут повариться на медленном огне (t_1). С другой стороны, интуитивно ясно, что в первом случае «степень несваренности» гораздо больше, чем во втором. Ясно, что «степени несваренности» уменьшаются по мере приготовления супа.

Адаптируя анализ О. Каган, можно сказать, что тем самым =*ges* на шкале такого рода обозначает то, что «степень несваренности» меньше некоторой контекстной заданной степени несваренности d_c (рис. 1), то есть, иными словами, ближе к состоянию готовности, чем ожидалось.

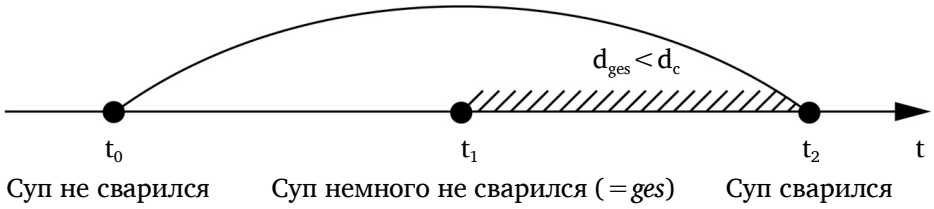


Рисунок 1.
Схематичное изображение шкалы для предложения *‘Суп немного не сварился’* (21)

Таким образом, во всех употреблениях показателя =*ges* (в компаративной конструкции, в аттенуативном употреблении и при отрицании) важно, чтобы предикат вводил шкалу, по которой можно было бы производить сравнение. В компаративном употреблении шкала необходима для того, чтобы производить сравнение двух событий, и поэтому важным фактором

оказывается предельность / непредельность глагола (именно непредельные глаголы вводят доступную для показателя *=ges* шкалу). В аттенуативном употреблении и в употреблении при отрицании шкала нужна для того, чтобы было возможно производить сравнение между степенью на шкале *d* и некоторой контекстно заданной степенью. Нет нужды говорить, что наши рассуждения нуждаются в дальнейшей экспликации и имплементации.

3. Бесермянский компаратив в типологической перспективе

Компаративно-аттенуативной полисемией, которая затрагивает как прилагательные и наречия, так и глаголы, также характеризуются показатели компаратива в близкородственных удмуртскому языках: хантыйском, горномарийском[7], коми-зырянском [Coates 1982], [Todesk 2015], а также ненецком языках [Nikolaeva 2014: 134, 174], [Буркова 2010: 261].

В таблице 3 представлены данные о сочетаемости показателей компаратива с различными частями речи в рассматриваемых контекстах для вышеперечисленных языков.

Таблица 3. Сочетаемость показателей компаратива с различными частями речи в компаративных и аттенуативных значениях

	Бесермянский *=ges*	Хантыйский *=šək*	Горномарийский *=rak*	Коми-зырянский *=džyk*	Ненецкий *=rka*
Компаратив: прил. & нар.	+	<u>+</u>[8]	+	+	<u>+</u>
Компаратив: глаголы	+	—	—	+	?[9]
Аттенуатив: прил. & нар.	+	+	+	?	+
Аттенуатив: глаголы	+	—	+	?	+
При отрицании	+	+	+	+	?

[7] Данные относительно казымского хантыйского и горномарийского опираются на собственные полевые данные.

[8] Подчеркивание обозначает, что в компаративной конструкции показатель обладает аттенуативным значением.

[9] Знак вопроса обозначает то, что в известных нам работах отсутствуют примеры, свидетельствующие о возможности или невозможности указанных форм.

Из данной таблицы видно, что все указанные показатели могут употребляться в сочетании с прилагательными в компаративной конструкции, при отрицании, а также иметь аттенуативное значение в сочетании с прилагательными, в то время как остальные употребления более затруднены. Кроме того, показатели компаратива в хантыйском и ненецком языках также интересны тем, что в компаративной конструкции показатели, по-видимому, обладают аттенуативным значением. Так, компаративная конструкция в хантыйском языке образуется без показателя компаратива (41), показатель *=šək* добавляет значение «чуть-чуть, немного» (42). Кроме того, о наличии аттенуативного значения у показателя *=šək* свидетельствует его несочетаемость с наречием *wɛra* ‘очень’ (43).

(41) хантыйский

lena-jen	*kat’a-jen*	*kińśa*	*kărəś*
Лена-POSS.2SG	Катя-POSS.2SG	чем	высокий

‘Лена выше Кати.’

(42) хантыйский

lena-jen	*kat’a-jen*	*kińśa*	*kărəś=šək*
Лена-POSS.2SG	Катя-POSS.2SG	чем	высокий=COMP

‘Лена чуть повыше Кати.’

(43) хантыйский

lena-jen	*kat’a-jen*	*kińśa*	*wɛra*	*kărəś(*=šək)*
Лена-POSS.2SG	Катя-POSS.2SG	чем	очень	высокий(*=COMP)

‘Лена сильно выше Кати.’

Заметим, что бесермянский показатель *=ges* в компаративной конструкции аттенуативным значением не обладает (ср. (39)).

Примеры, иллюстрирующие обобщения, сделанные в Таблице 3, расположены в Приложении.

4. Заключение

В данной работе мы описали семантику и функционирование показателя *=ges* в бесермянском удмуртском.

Показатель *=ges* может присоединяться к прилагательным, наречиям и глаголам как в компаративных, так и в аттенуативных контекстах, а также при отрицании.

В компаративной конструкции показатель *=ges* может сочетаться не только с прилагательными и наречиями, но и с глаголами, обозначающими состояния и процессы, и в хабитуальных контекстах с глаголами, имеющими в своей акциональной характеристике состояние и/или процесс. В аттенуативном значении *=ges* может присоединяться к предикатам, обозначающим состояния, и градативам. При отрицании *=ges* может присоединяться к отрицательному глаголу, если лексический глагол является состоянием или вхождением в состояние, в акциональной характеристике которого есть процесс; к хабитуальным предикатам; а также к процессам.

Кроме того, предварительный анализ показателя *=ges* позволяет утверждать, что во всех употреблениях (в компаративной конструкции, в аттенуативном употреблении и при отрицании) важно, чтобы предикат вводил шкалу, по которой можно было бы производить сравнение.

Для дальнейших исследований мы оставляем следующие вопросы:

— почему употребление данных показателей в глагольной позиции наиболее затруднено в компаративном употреблении (зафиксировано только в бесермянском удмуртском и в коми-зырянском языках)?

— почему во всех рассмотренных нами языках показатель компаратива на отрицательном глаголе употребляется свободнее, чем в аттенуативном употреблении, а также имеет больше значений?

Условные обозначения и сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ATT — аттенуатив; CNEG — коннегатив; COMP — компаратив; DAT — датив; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; FUT — будущее время; GEN —генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; INF — инфинитив; IPF — имперфект; ITER — итератив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; P/POSS — посессив; PP — послелог; PL — множественное число; PRF — перфект; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP.ACT — действительное причастие; REFL — рефлексив; RES — результатив; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

Буркова 2010 — Буркова С.И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого округа) // Диалектологический словарь ненецкого языка / Кошкарева Н.Б. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179–349. [Burkova S.I. The Tundra dialect of the Nenets language: an outline of grammar (based on the materials of Yamalo-Nenets okrug dialects). Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka. Koshkareva N.B. (ed.). Ekaterinburg: Basko, 2010. Pp. 179–349.]

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. / Перевощиков П.Н. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. [Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of modern Udmurt. Phonetics and morphology]. Perevoshchikov P.N. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.]

Татевосов 2010 — Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: МГУ, 2010. [Tatevosov S.G. Aktsional'nost' v leksike i grammatike [Actionality in lexicon and grammar.]. Doctoral Theses. Moscow: MSU, 2010.]

Холодилова 2015 — Холодилова М.А. Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в бесермянском удмуртском и мокшанском // Доклад на конференции «Уральские языки: синхрония и диахрония», Санкт-Петербург, 2015. [Kholodilova M.A. Comparative constructions and accessability hierarchy in Beserman Udmurt and Moksha. Doklad na konferentsii «Ural'skie yazyki: sinkhroniya i diakhroniya», Sankt-Peterburg, 2015.]

Beck et al. 2011 — Beck S. Comparison Constructions. Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Vol. 2. Maienborn C., von Heusinger K., Portner P. (eds.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. Pp. 1341–1389.

Coates 1982 — Coates J.G. The -джык comparative suffix in contemporary Komi usage. Transactions of the philological society. 1982. Vol. 80. No. 1. Pp. 119–129.

Dowty 1979 — Dowty D.R. Word Meaning and Montague Grammar. Berlin: Spriger, 1979.

Filip 2008 — Filip H. Events and maximalization: The case of telicity and perfectivity. Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect. Rothstein S. D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 217–256.

Hay et al. 1999 — Hay J., Kennedy C., Levin B. Scalar structure underlies telicity in "Degree Achievements". Proceedings of SALT IX. Mathews T., Strolovitch D. (eds.). Ithaca: CLC Publications, 1999. Pp. 127–144.

Heim 1985 — Heim I. Notes on Comparatives and Related Matters. Ms. University of Texas, Austin, 1985.

Heim 2000 — Heim I. Degree operators and scope. Semantics and Linguistic Theory XX, Jackson B., Matthews T. (ed.). Ithaca: CLC Publications, 2000. Pp. 40–64.

Kagan 2016 — Kagan O. Measurement across Domains: A Unified Account of the Adjectival and the Verbal Attenuative po-. Journal of Slavic Linguistics. 2016. Vol. 24. No. 2. Pp. 301–336.

Kennedy, Levin 2002 — Kennedy C., Levin B. Telicity corresponds to degree of change. Unpublished Ms. Northwestern University, Stanford University, 2002.

Kennedy, Levin 2008 — Kennedy C., Levin B. Measure of change: The adjectival core of degree achievements. Adjectives and adverbs: Syntax, semantics, and discourse. McNally L., Kennedy C. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 156–182.

Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. A Grammar of Tundra Nenets. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

Rappaport Hovav 2008 — Rappaport Hovav M. Lexicalized meaning and the internal temporal structure of events. Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect. Rothstein S. D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 13–42.

Součková 2004 — Součková K. Measure prefixes in Czech: Cumulative na- and delimitative po-. M.A. thesis. University of Tromsø, 2004.

Stassen 2013 — Stassen L. Comparative Constructions. The World Atlas of Language Structures Online. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.) Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.

Todesk 2015 — Todesk T. The verbal augmentative and the inherent properties of verbs in Komi. Linguistica Uralica. 2015. Vol. 51. No. 1. Pp. 28–43.
Treis 2018 — Treis Y. Comparative constructions: An introduction. Linguistic Discovery. 2018. Vol. 16. No. 1. Pp. 1–26.
von Stechow 1984 — von Stechow A. Comparing semantic theories of comparison. Journal of Semantics. 1984. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–77.

Приложение

1. Хантыйский (=*šək*)

Компаратив: прилагательные и наречия

См. пример (42).

Компаратив: глаголы

(44) *maša-jen* *χʉw=šək* *uλ-λ(*=šək)* *vas'a-jen* *ewəλt*
Маша-POSS.2SG долго=COMP спать-NPST[3SG](*=COMP) Вася-POSS.2SG от
'Вася спит больше, чем Катя.'

Аттенуатив: прилагательные и наречия

(45) *tăm* *wɛnš* *mɵŋχ-ti* *suχ-en* *jiŋk-i*
этот лицо вытирать-NFIN.NPST ткань вода-PROP

pa *ut* *wʉ-je*
другой предмет взять-IMP.SG.SG
'Это мокрое полотенце, возьми другое.'

(46) *tăm* *wɛnš* *mɵŋχ-ti* *suχ-en* *jiŋk-i=šək*
этот лицо вытирать-NFIN.NPST ткань вода-PROP=COMP

pa *ut* *wʉ-je*
другой предмет взять-IMP.SG.SG
'Это влажное (немного мокрое) полотенце, возьми другое.'

Аттенуатив: глаголы

(47) *ma* *ješa=šək* *wʉλi* *ewəλt* *pă̈λ-λ-əm(*=šək)*
я немного=COMP олень от бояться-NPST-1SG(*=COMP)
'Я немножко боюсь оленей.'

При отрицании

(48) *λant jiŋk χuλna ănt kawər-əs*
мука вода ещё NEG кипеть-PST[3SG]
‘Суп ещё не вскипел.’

(49) *λant jiŋk χuλna ănt=šək kawər-əs*
мука вода ещё NEG=COMP кипеть-PST[3SG]
‘Суп ещё немного не вскипел.’ (Комм. «Ещё немного, пять минут подожди.»)

2. Горномарийский (=*rak*)

Компаратив: прилагательные и наречия

(50) *vas’a pet’a gəc čən’ə(=rək) kârgâž-ân*
Вася Петя из быстро(=COMP) бежать-PRF[3SG]
‘Вася бежал быстрее Пети.’

Компаратив: глаголы

(51) *vas’a sâlâklan-a a maša eče bolši=rək*
Вася грустить-NPST.3[SG] а Маша еще больше=COMP

sâlâklan-a(=rak)*
грустить-NPST.3[SG](*=COMP)
‘Вася грустит, а Маша еще сильнее грустит.’

Аттенуатив: прилагательные и наречия

(52) *ədəräš-ən sənzä-žə klovoj=rak*
девочка-GEN глаз-POSS.3SG голубой=COMP
‘У девочки голубоватые глаза.’

Аттенуатив: глаголы

(53) *vuj-em karšt-alal-âš=rak*
голова-POSS.1SG болеть-ATT-NPST.3[SG]=COMP
‘Голова немножко побаливает.’

При отрицании

(54) *mən’* (*eče*) *obed-əm* *jämdəl-äš* *təngäl-de-lam*(=*rak*)
я (еще) обед-ACC готовить-INF начинать-NEG.PRF-1SG(=COMP)
‘Я еще не начинала готовить обед.’

3. Коми-зырянский (=*džyk*)

Компаратив: прилагательные и наречия

(55) *рудзöг* *няньыд* *пöтöс*=*джык*
рожь хлеб сытный=COMP
‘Ржаной хлеб сытнее.’ [Coates 1982: 121]

Компаратив: глаголы

См. пример (36).

При отрицании

(56) *on-džyk* *gažtömöćy*
NEG.2SG-COMP скучать.CNEG
‘Ты не сильно скучаешь (по чему-либо).’ [Todesk 2015]

4. Ненецкий (=*rka*)

Компаратив: прилагательные и наречия

(57) *t’uku*° *pəni*° *taki*° *pəne-xəd*° *səwa*(*-rka*)
этот пальто тот пальто.ABL хороший(-COMP)
‘Это пальто лучше того.’ [Nikolaeva 2014: 174]

Аттенуатив: прилагательные и наречия

(58) *ламдо ненэць* ‘низкорослый человек’
ламдо-рка ненэць ‘низковатый человек’ [Буркова 2010: 261]

Аттенуатив: глаголы

(59) *мэдӑ-сь* ‘хромать’
мэдӑ-рка-сь ‘прихрамывать’ [Буркова 2010: 302]

Статья поступила в редакцию 16.11.2019
The article was received on 16.11.2019

Мария Олеговна Черемисинова
лаборант, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Maria O. Cheremisinova
laboratory assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

masha.cherem@gmail.com

Типология морфосинтаксических параметров
том 2, выпуск 2

Сайт журнала:
http://tmp.sc/

Оригинал-макет: Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 30.12.2019
Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.
Электронное издание. Объём 151 стр.